РИМСКІЙ НОВЫЙ ДОГМАТЪ

О ЗАЧАТІИ

ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ МАРІИ

БЕЗЪ ПЕРВОРОДНАГО ГРѢХА

ПРЕДЪ СУДОМЪ

СВ. ПИСАНІЯ И ПРЕДАНІЯ СВ. ОТЦЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

РИМСКІЙ НОВЫЙ ДОГМАТЪ

О ЗАЧАТІИ

ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ МАРІИ

БЕЗЪ ПЕРВОРОДНАГО ГРѢХА

ПРЕДЪ СУДОМЪ

СВ. ПИСАНІЯ И ПРЕДАНІЯ СВ. ОТЕЦЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРИГОРІЯ ТРУСОВА.
1858.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, печатать позволяется. С. Петербургъ. Февраля 22 дня 1858 года.

Цензоръ Профессоръ *Карповъ*.

автор: Бордас-Демулэн, Жан Батист (1798 — 1859)

РИМСКІЙ НОВЫЙ ДОГМАТЪ О ЗАЧАТІИ ПРЕСВЯТЫЯ ДѢВЫ МАРІИ БЕЗЪ ПЕРВОРОДНАГО ГРѢХА

ПРЕДЪ СУДОМЪ СВ. ПИСАНІЯ И ПРЕДАНІЯ СВ. ОТЦЕВЪ (¹).

Лишь только начало появляться въ церкви (западной) празднованіе въ честь зачатія Пресвятыя Богородицы, ученѣйшій Бернардъ, изъ опасенія, чтобъ вмѣстѣ съ симъ празднествомъ не вошло и ученіе о зачатіи Прес. Дѣвы безъ первороднаго грѣха,—писалъ къ ліонскимъ каноникамъ, убѣждая ихъ воздержаться отъ сего нововведенія, дотолѣ не бывшаго въ Церкви и не освященнаго древнимъ преданіемъ.

(¹) Эта статья есть переводъ статьи, написанной на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Etudes sur le nouveau dogme de l'immaculée conception... publiés par les auteurs des essais sur la reforme catholique. Paris. 1857. Ученый писатель ея принадлежитъ латинской церкви. Мы намѣренно помѣщаемъ ее въ переводѣ, сколько потому, что она представляетъ довольно полное опроверженіе новаго ученія о зачатіи Прес. Дѣвы Богородицы безъ первороднаго грѣха, столько и потому, что въ ней ярко выставлены всѣ неправые пути, какими римская церковь обыкновенно вводитъ у себя новые догматы. Это ученіе, не у насъ начавшееся и созрѣвшее, мало насъ касается. Но

Цѣль сего письма состояла преимущественно въ томъ, чтобъ отклонить ліонскихъ канониковъ отъ введенія новаго празднества. Посему, выразивъ нѣсколько мыслей о томъ, какъ несообразна съ здравымъ ученіемъ мысль о зачатіи Пресв. Дѣвы безъ первороднаго грѣха, Бернардъ писалъ къ нимъ слѣдующее: «предположивъ установить сей праздникъ, вамъ должно было прежде представить о томъ римскому престолу, а не слѣдовать опрометчиво примѣру нѣсколькихъ простыхъ невѣждъ. Я и прежде замѣчалъ это заблужденіе; но не обращалъ на него вниманія, по снисхожденію къ благоговѣнію, происходящему отъ простоты сердца и любви къ Пресвятой Дѣвѣ. Но, встрѣчая его у людей мудрыхъ и въ

какъ слухи о немъ доходятъ и до нашего отечества, то и въ нашемъ отечествѣ не безполезно дать знать, до какой степени оно лживо. Для этого лучше всего представить обличителя изъ тѣхъ самыхъ, между которыми оно образовалось, и выставить на видъ непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на самыхъ латинянъ. Здѣсь мы видимъ, какъ здравомыслящіе изъ нихъ, сбрасывая съ себя предразсудки папства, легко и прямо доходятъ до познанія истины и смѣло обличаютъ духъ лжи, овладѣвшій папизмомъ. Кромѣ сего эта статья для насъ полезна и въ другомъ отношеніи: въ ней откровенно обнаруживаются недобросовѣстность и обманъ нововводителей. — Не такъ же ли дѣйствовала западная церковь и при введеніи прежнихъ своихъ новизнъ: главенства папы, ученія о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына, и проч..? Православные писатели обличаютъ ее въ этомъ; но ихъ могутъ подозрѣвать въ пристрастіи. Здѣсь же представляется обличитель изъ самой западной церкви, который писалъ конечно не для того, чтобъ оказать намъ какую нибудь услугу. Одна любовь къ истинѣ руководила имъ. Намъ остается только сдѣлать *наведеніе* отъ этого недавняго случая къ прежнимъ. Ибо въ западной церкви духъ самоуправства—и въ отношеніи къ ученію и въ отношеніи къ управленію—былъ всегда одинъ и тотъ же. Онъ отдѣлилъ ее отъ единства съ истинною Церковію, и онъ же доселѣ держитъ ее въ семъ отдѣленіи.

церкви столь знаменитой (т. е. ліонской), которой сыномъ я считаю и себя, — не знаю, могу ли я пропустить его безъ вниманія, не сдѣлавшись виновнымъ даже предъ вами самими ([2]).» Такъ писалъ въ половинѣ XII вѣка (1141) къ каноникамъ ліонскимъ, только-что установившимъ у себя праздникъ Зачатія Богородицы, Бернардъ на западѣ въ то время весьма знаменитый и называемый нѣкоторыми послѣднимъ отцемъ Церкви ([3]).

Однакожъ, не смотря на это сильное предостереженіе, праздникъ установился и не замедлилъ принести на полѣ Богословія тѣ горькіе плоды, какіе Бернардъ предвидѣлъ и такъ ревностно старался предотвратить. Праздникъ *Зачатія* неизбѣжно повлекъ за собою мнѣніе *о зачатіи* безъ первороднаго грѣха, — сколько Ѳома (Аквинатъ), а за нимъ и другіе болѣе умные схоластики ни старались внушать, что цѣль этого праздника есть только радость о рожденіи будущей Богоматери. Эта новизна подобно пожару быстро начала распространяться въ лѣсу средневѣковыхъ заблужденій, и вѣрованіе въ зачатіе безъ первороднаго грѣха усилилось до того, что Герсонъ, одинъ изъ жаркихъ защитниковъ его, могъ смѣло и рѣшительно говорить, что это «одна изъ тѣхъ истинъ, которыя въ новѣйшее время открыты или возвѣщены намъ посредствомъ чудесъ— quae noviter sunt revelatae vel declaratae per miracula ([4]):» двѣ богословскія нелѣпости, которыя осуждаются Церковію ([5]), и которыя посему сами разрушаютъ ученіе, которое думаютъ утвердить.

([2]) Ep. 174.

([3]) См. Дополнит. примѣч. прим. А.

([4]) Serm. de concept. B. M. V.

([5]) «Церковь, говоритъ Мельхіоръ Канъ, не имѣетъ новыхъ от-

Такъ, по поводу праздника Зачатія Пресв. Дѣвы, мнѣніе о зачатіи Ея безъ первороднаго грѣха, зародышъ котораго Бернардъ съ ужасомъ замѣчалъ, еще въ XII вѣкѣ, окончательно овладѣло умами. Справедливо ли же булла «Ineffabilis Deus» утверждаетъ, что «Церковь всегда предлагала это ученіе, какъ такое, которое получено ею отъ Бога и которое всегда хранилось въ ней, какъ сокровищницѣ небеснаго откровенія? Справедливо ли, что церкви римской ничто не было такъ близко къ сердцу, какъ исповѣдывать это ученіе, всячески поддерживать его, распространять и защищать и что первосвященники въ честь себѣ ставили усиливать благоговѣніе къ нему, учреждать праздники въ честь его и возвышать его священное достоинство и важность особеннымъ богослуженіемъ и миссою? Справедливо ли, наконецъ, что тридентинскій соборъ, соображаясь съ обстоятельствами того времени, довольно ясно далъ понять, что Преблагословенная Дѣва Марія изъята была отъ первороднаго грѣха, и что ничего нельзя указать ни въ Божественномъ Писаніи, ни въ преданіи, ни въ свидѣтельствахъ св. отцевъ, что̀ хотя сколько нибудь противорѣчило бы этому великому преимуществу Пресвятыя Дѣвы»?

Хотя все предлагаемое нами изслѣдованіе будетъ не что иное, какъ отвѣтъ на эти слова, считаемъ од-

---

кровеній касательно вѣры: nec ullas in fide novas revelationes Ecclesia habet» (Loc. theolog. lib. 3 c. 4). И Беллярминъ повторяетъ: «Церковь не получаетъ нынѣ въ руководство новыхъ откровеній: non novis revelationibus nunc regitur Ecclesia» (De verbo Dei, lib. 4, c. 9). Что касается до чудесъ, то всѣ богословы согласно признаютъ, что они—одни—не могутъ служить рѣшительнымъ основаніемъ для опредѣленія догмата.

пакожъ неизлишнимъ и здѣсь припомнить нѣкоторые факты, которые подтвердятъ нашу мысль о новости сего ученія и въ тоже время будутъ служить продолженіемъ нашего краткаго историческаго обзора этого спорнаго вопроса.

Начнемъ съ праздника и предполагаемаго одобренія его римскими первосвященниками. Бернардъ въ заключеніи письма, на которое мы указали, сдѣлалъ обращеніе къ римскому престолу и нѣкоторымъ образомъ вызывалъ его произнести свой судъ объ этомъ дѣлѣ.—Что же? Осудилъ ли римскій престолъ мнѣніе этого учителя? Объявилъ ли его противнымъ преданію своей церкви? Совсѣмъ нѣтъ. Ибо хотя и терпѣлъ онъ этотъ праздникъ въ другихъ странахъ, но у себя—въ Римѣ не установлялъ его и тѣмъ достаточно высказывалъ свою мысль о немъ. «Церковь римская, говоритъ Ѳома, не празднуетъ Зачатія Пресв. Дѣвы (Sum. Theol. P. 3, Q. 27, art. 2).» «Церковь римская, повторяетъ, спустя вѣкъ послѣ него, Альваръ Пелагій, не празднуетъ и не одобряетъ праздника Зачатія» (De planctu Eccl. L. 2. art. 52). Кардиналъ де Туррекремата, которому легаты римскіе поручили отражать покушенія поборниковъ ученія о зачатіи безъ первороднаго грѣха, на базельскомъ соборѣ противъ подтверждавшихъ свои мысли ссылкою на существующій повсюду праздникъ, далъ слѣдующій отвѣтъ: «утверждаемъ, что римская церковь или апостольскій престолъ не установлялъ, не узаконялъ и не предписывалъ этого праздника, утверждаемъ также, что римская церковь сама не совершаетъ его» (Tract. de verit. conc. B.O). Уже Сикстъ IV, увлеченный потокомъ народнаго обычая, наконецъ установилъ его у себя въ 1476 г.

Каковы бы ни были съ того времени расположенія и частныя дѣйствія папъ въ этомъ отношеніи, впрочемъ извѣстно, что почти всѣ мы помнимъ то время, когда зачатіе Пресв. Дѣвы Маріи начали въ общественномъ Богослуженіи признавать непричастнымъ первородному грѣху ([6]), и что всѣ мы видѣли тотъ день, когда церковь въ первый разъ совершала въ этотъ праздникъ особую миссу и Богослуженіе (Encycl. 2 февраля 1849 года).

Болѣе ли вѣрно также и то, будто римскій престолъ всегда усердно поддерживалъ, распространялъ и защищалъ самое ученіе о непорочномъ зачатіи? Въ вѣка, слѣдовавшіе за вѣкомъ Бернарда, — начнемъ и здѣсь съ этой главной эпохи,—мы слышимъ изъ устъ папъ ученіе, что Дѣва Марія въ своемъ зачатіи была причастна первородному грѣху, и не знаемъ ни одного изъ нихъ, который бы въ качествѣ первосвященника или богослова признавалъ Ее свободною отъ сего грѣха. Иннокентій III, оракулъ ультрамонтанизма, выразилъ свои мысли о семъ въ слѣдующихъ терминахъ: «послѣ этихъ словъ Ангела, Св. Духъ тотчасъ низшелъ на Марію. Онъ низходилъ на Нее еще тогда, какъ Она была во чревѣ матери своей для того, чтобы *очистить душу Ея отъ первороднаго грѣха.* Теперь же нисходитъ Онъ на Нее для того, чтобы *очистить плоть Ея отъ похоти грѣха*, чтобъ Она не имѣла скверны или порока» (Serm. de assumpt.). Вотъ какъ Иннокентій III, безъ всякаго противорѣчія съ чьей-либо сто-

---

([6]) Въ епархіи турнейской 8 марта 1839; въ епархіи брюгской 10 января 1840; въ епархіи малинской 10 іюля 1846; въ епархіи гандской 20 сентября 1839.

роны, съ высоты апостольскаго престола поучалъ римскую церковь, собранную у подножія его. Иннокентій V говоритъ: «Преблагословенная Дѣва была освящена въ утробѣ матери не прежде, чѣмъ душа Ея соединилась съ тѣломъ, потому что прежде сего Она была не способна къ (принятію) благодати; — не была Она освящена и въ самое мгновеніе этого соединенія, потому что иначе Она была бы изъята отъ первороднаго грѣха и не имѣла бы нужды въ искупленіи чрезъ Іисуса Христа, необходимомъ для всѣхъ,—чего нельзя допустить. Но должно благоговѣйно вѣровать, что Она была очищена и освящена благодатію, спустя хотя весьма немного времени послѣ этого соединенія: напр. въ тотъ же день или въ тотъ же часъ, но не въ минуту самаго соединенія Ея души и тѣла» (In III Sentent., diss. 3).

Папа Климентъ VI говоритъ тоже. Хотя со времени Сикста IV въ Римѣ равно были терпимы оба мнѣнія (pro и contra); однакожъ Григорій XV, — когда испанскій король въ 1622 г. побуждалъ его утвердить догматъ о зачатіи Дѣвы Маріи безъ первороднаго грѣха,—объявилъ, что «вѣчная Мудрость еще не открыла Церкви этой сокровенной тайны: nondum aeterna Sapientia Ecclesiae suae tanti mysterii penetralia patefecit;» другими словами,—по точнымъ началамъ Богословія,—что она и не будетъ никогда открыта ей.

Посмотримъ, наконецъ, на сколько акты тридентинскаго собора могутъ служить къ подтвержденію догматической важности декрета 8 Декабря. Вотъ какъ происходило на немъ дѣло! Когда, говоритъ историкъ тридентинскаго собора, въ общемъ засѣданіи 8 Іюня 1546 г., было читано опредѣленіе о первородномъ грѣхѣ,

такъ какъ оно было предварительно составлено въ частныхъ совѣщаніяхъ, Пашеко (Pacheco) предложилъ, чтобы къ главному опредѣленію, которымъ этотъ грѣхъ признавался общимъ для всѣхъ людей, прибавлены были такія слова: «что касается до Преблагословенной Дѣвы, то соборъ не полагаетъ рѣшительнаго о Ней опредѣленія, хотя можно назвать дѣломъ *благочестивымъ вѣрованіе*, что Она была зачата безъ первороднаго грѣха.» Большинство соглашалось на это; но всѣ епископы и всѣ лица, принадлежавшія къ доминиканскому ордену, съ жаромъ возстали противъ нихъ и привлекли на свою сторону другихъ ([7]). Епископъ де-Фано (de Fano) выразился такъ: «доселѣ Церковь постоянно признавала, что истина въ отношеніи къ этому спорному вопросу еще не открыта ей. Зачѣмъ же терять столько трудовъ и времени на предметъ, который не принадлежитъ къ области всеобщей вѣры? Лучше всего наложить на это всегдашнее молчаніе, и такимъ образомъ положить конецъ безплоднымъ крикамъ, способнымъ производить только соблазнъ.» Хотя это мнѣніе не было принято, по крайней мѣрѣ побудило уничтожить въ опредѣленіи всѣ выраженія, которыя могли казаться благопріятными тому или другому изъ двухъ вѣрованій. «Съ этою цѣлію, продолжаетъ Паллавичини, богословы дали слѣдующую форму опредѣленію (собора): «соборъ объявляетъ, что, утверждая это опредѣленіе касательно первороднаго грѣха, онъ не разумѣетъ здѣсь (т. е. въ числѣ подлежащихъ ему) Благословенной Дѣвы Маріи, Матери Іисуса Христа, и что въ отношеніи къ ней не намѣренъ *въ настоящее время* постановлять ничего болѣе

([7]) Pallavicini, Hist. du conc. de Trent. liv. VII, chap. VII. —

того, что определено было блаженной памяти Сикстомъ IV» ([8]). Слова *«въ настоящее время,»* которыя могли вести къ той мысли, что на будущее время предоставляется соборамъ право обратить мнѣніе о зачатіи Пресв. Дѣвы безъ первороднаго грѣха въ догматъ, подали поводъ къ новымъ замѣчаніямъ, въ слѣдствіе которыхъ и эти слова также были выброшены. Вотъ какъ составлено это опредѣленіе!—

Такъ какъ намъ особенно нужно знать мнѣніе римскаго престола въ прежнее время, то не безполезно привести здѣсь голоса его представителей, поданные ими во время этихъ разсужденій на тридентинскомъ соборѣ. Обратимся для этого снова къ Паллавичини.— «Легаты, говоритъ онъ, были различнаго мнѣнія: кардиналъ дель-Монте объявилъ, что онъ вѣруетъ зачатію безъ первороднаго грѣха,—Массарелли де Червини,— что онъ держится противнаго мнѣнія; что касается до Поля (Polus), то о немъ я не знаю ничего навѣрное. Впрочемъ всѣ трое соглашались въ томъ, что не надобно подавать повода къ возбужденію споровъ между католиками и что слѣдуетъ воспретить всякое выраженіе, которое бы могло дать вѣсъ догмата тому, что было лишь простымъ мнѣніемъ...... Поэтому-то они никакъ не соглашались, чтобы постановлено было что-нибудь рѣшительное касательно зачатія Пресвятыя Дѣвы ([9]).» Мы думаемъ, что эти событія говорятъ такъ опредѣленно, что нѣтъ нужды прибавлять къ нимъ еще что-нибудь.

Въ наши дни въ Римѣ забыли эту благоразумную

([8]) Тамъ же.

([9]) Ibid. loc. cit., et chap. X.

осторожность собора, который, если не исповѣдалъ открыто истины, то по крайней мѣрѣ предохранилъ ее отъ всякаго прямаго нападенія. Пій IX прославилъ, говорятъ, свое правленіе изобрѣтеніемъ новаго догмата (10). Думаютъ увѣковѣчить это славное дѣло, воздвигая колонны и покрывая стѣны Ватикана картинами, напоминающими о томъ, какъ провозглашенъ этотъ догматъ. Но мірская пышность и блескъ празднествъ не могутъ заставить насъ забыть св. правила, которыхъ должно держаться при опредѣленіи догматовъ.—Это чувствовали сами составители (редакторы) буллы—Ineffabilis;—почему сочли нужнымъ ссылаться на преданія, на св. Писаніе и на св. отцевъ, чтобы придать видъ законности новому постановленію.—Всѣ эти доказательства ихъ были уже разсмотрѣны и рѣшительно опровергнуты; одно только, и притомъ самое главное, можетъ быть, не совсѣмъ достаточно разобрано и обличено: я разумѣю ссылки на св. Писаніе.—Этими-то послѣдними, т. е. текстами, приводимыми въ буллѣ, мы и предполагаемъ заняться и показать ихъ истинный смыслъ, при свѣтѣ толкованія, предлагаемаго намъ св. преданіемъ. Да способствуетъ этотъ скромный трудъ, хотя нѣсколько, къ разсѣянію новаго заблужденія, а въ послѣдствіи—и того духа преобладанія, который, подъ предлогомъ ложнаго единства, стремится болѣе и болѣе подавлять умы и вводить темный матеріализмъ формы на мѣсто животворнаго свѣта евангельской истины.

Булла «Ineffabilis Deus» думаетъ основать свое уче-

---

(10) Возстаютъ противъ выраженія «новый догматъ;» но кто осмѣлится сказать, что до 8 Декабря 1854 г. мнѣніе о непорочномъ зачатіи было догматомъ? (См. прим. В).

ніе о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи на двухъ текстахъ св. Писанія: Быт. III, 15 и Лук. 1, 28.

«Отцы и писатели Церкви, говоритъ она, въ своихъ твореніяхъ, писанныхъ по внушенію свыше для изъясненія Писанія, въ защиту догматовъ и назиданіе вѣрныхъ, особенно любили прославлять и въ самыхъ разнообразныхъ выраженіяхъ описывать совершенную святость Пресв. Дѣвы, Ея высокое достоинство, Ея чистоту, чуждую всякой скверны грѣха и Ея дивную побѣду надъ ненавистнымъ врагомъ рода человѣческаго. Вотъ почему, толкуя слова: *вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя*, они учили, что это Божественное пророчество открыто и ясно предуказывало Дѣву Марію....., которая, будучи соединена со Христомъ самыми тѣсными и неразрывными узами, и вмѣстѣ съ Нимъ и чрезъ Него враждуя вѣчно со зміемъ, преторжественно сокрушила непорочною стопою своею главу сего пагубнаго дракона».

И далѣе: «эти же самые отцы и писатели Церкви на томъ основаніи, что Преблагословенная Дѣва въ то время, какъ Архангелъ Гавріилъ благовѣстилъ о Ея высокомъ достоинствѣ, какъ Матери Божіей, была по повелѣнію самаго Бога и отъ Его имени названа *благодатною*, учили, что это единственное и торжественное привѣтствіе, дотолѣ неслыханное, означало, что Матерь Божія всегда была вмѣстилищемъ всѣхъ благодатныхъ даровъ Божіихъ..... Почему, какъ неподлежащая проклятію (nunquam maledicto obnoxia) и раздѣляющая съ своимъ Сыномъ всегдашнее благословеніе, Она удостоилась услышать отъ Елисаветы, подвигнутой

Духомъ Святымъ, такія слова: *благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего»*.

Въ св. Церкви не изобрѣтаютъ догматовъ вѣры, а довольствуются исповѣданіемъ того, что̀ было открыто Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и что̀ переходило, какъ откровеніе Божественное, изъ вѣка въ вѣкъ чрезъ прямое и постоянное преданіе. Для того, чтобы имѣть право говорить, что извѣстный догматъ заключается въ какомъ либо мѣстѣ св. Писанія, нужно, чтобы это мѣсто ясно выражало сей догматъ и чтобы оно всегда было понимаемо въ этомъ именно смыслѣ. Въ силу такого начала и для того, чтобы оградить св. Писаніе отъ произвола частныхъ толкованій, тридентинскій соборъ и запретилъ изъяснять Писаніе противно общему мнѣнію отцевъ: «ut nemo contra unanimem consensum Patrum Scripturam sacram interpretari audeat».

Булла Ineffabilis, которой, безъ сомнѣнія, извѣстно это правило, старается показать, будто и она уважаетъ его и сообразуется съ нимъ. Но въ такомъ важномъ дѣлѣ, рѣшаясь наложить на совѣсти иго новаго догмата, она лучше бы, кажется, сдѣлала, еслибы не ограничилась однимъ поименованіемъ нѣсколькихъ лицъ, и простымъ указаніемъ, что такъ всегда и всѣ понимали приводимыя ею мѣста. Ей бы слѣдовало, хотя кратко, изложить самое преданіе, въ которомъ думаетъ найти себѣ опору и такимъ образомъ придать болѣе силы провозглашаемой ею истинѣ и расположить взволнованные и изумленные умы съ большею готовностію покориться ей. Какъ она пренебрегла этимъ, то попытаемся мы сами сдѣлать это необходимо нужное дополненіе и подробно изложить, какъ св. отцы толковали приводимыя буллою мѣста св. Писанія.

Разсмотримъ спачала первый текстъ.

I.

Кардиналъ Гуссе (Gousset), одинъ изъ главныхъ комментаторовъ буллы, выражается нѣсколько яснѣе, чѣмъ сама булла. Вотъ его слова: «когда наши прародители, обольщенные адскимъ зміемъ, ввели своимъ непослушаніемъ грѣхъ въ міръ, тогда Богъ даровалъ имъ обѣтованіе объ Избавителѣ ихъ и всего ихъ потомства. Онъ сказалъ змію: *вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ твоимъ и между сѣменемъ тоя*; ты будешь направлять свое жало въ ея пяту, а она сокрушитъ твою главу. Эти пророческія слова довольно ясно показываютъ, что Господу не угодно было, чтобы Пресв. Дѣва Марія подверглась тлетворному уязвленію змія, чтобы она хоть на мгновеніе была подъ властію діавола, чтобы она причастна была грѣху Адама и Евы. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы она не была изъята отъ первороднаго грѣха, то какъ бы оправдалось предсказаніе о непрестанной враждѣ между Ею и зміемъ? Конечно, духъ искуситель покушался уязвить и ее; но напрасно. Не смотря на свою хитрость, онъ былъ побѣжденъ Ею, и глава его была сокрушена Ея чистою и непорочною стопою. Такъ разумѣютъ это святый *Іустинъ*, св. *Ириней*, *Тертулліанъ*, *Оригенъ*, св. *Григорій неокесарійскій*, св. *Ефремъ*, св. *Епифаній*, св. *Амвросій*, *Максимъ туринскій*, *Психій*, св. *Андрей критскій*, св. Іоаннъ *Дамаскинъ*, *Петръ епископъ аргосскій*, *Бруно* астійскій и другіе древніе писатели церковные (11)«.

---

(11) La croyance générale et constante de l'Eglise touchant l'Imma-

Чтобы сообщить нашему изслѣдованію всю полноту и отчетливость, какихъ требуетъ столь важный предметъ, мы не позволяли себѣ говорить ничего такого, чего бы не вычитали сами, или чего по крайней мѣрѣ не могли подтвердить свидѣтельствомъ самыхъ достовѣрныхъ писателей. Не довольствуясь повѣркою по оригиналамъ тѣхъ мѣстъ отеческихъ, на которыя ссылается кард. Гуссе, мы читали тѣ сочиненія, изъ которыхъ онѣ взяты всѣ сполна, и изучили, по собственнымъ твореніямъ св. отцевъ, полный составъ ихъ ученія. Кромѣ того, чтобы сколько возможно точнѣе выполнить правило тридентинскаго собора, мы обращались къ другимъ, не менѣе важнымъ отцамъ, на которыхъ почтенный прелатъ не обратилъ вниманія.

Будемъ теперь вопрошать ихъ въ указанномъ порядкѣ.—

1. *Святый Іустинъ* приводитъ разсматриваемый текстъ только однажды, и то безъ отношенія къ Пресв. Дѣвѣ: «быть можетъ кто-нибудь скажетъ,—развѣ Богъ «не могъ тотчасъ умертвить Ирода? Отвѣчаю: а развѣ Богъ не могъ точно также въ началѣ уничтожить «змія, не произнося такого опредѣленія: *вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ «твоимъ и сѣменемъ тоя*»? (Разгов. съ Триф. 102). Изъ этого мѣста нельзя видѣть, какую мысль соединяетъ св. Іустинъ съ приведеннымъ текстомъ; и потому, судя строго, нельзя сказать, такъ ли онъ понимаетъ его, какъ булла. Развѣ, можетъ быть, к. Гуссе, приводя въ свидѣтели св. Іустина, основывается не на

---

culée Conception de la B. V. Marie, par l'E-me et R-me cardinal Gousset. Paris, 1855, p. 755.

одпомъ этомъ мѣстѣ, а вообще на духѣ ученія сего св. отца? Но что̀ бы такое могло навести его на такую мысль?! Въ одномъ мѣстѣ св. Іустинъ такъ говоритъ о Пресв. Дѣвѣ Маріи: «Ева, еще дѣвственная и непорочная, открывъ свое сердце словамъ змія, породила непослушаніе и смерть. А Дѣва Марія, исполнившись радости и вѣры, при словахъ Архангела Гавріила, принесшаго Ей благовѣстіе о томъ, что Духъ Господень найдетъ на Нее и сила Вышняго осѣнитъ Ее, и что потому имѣющій родиться отъ Нея—Святый—будетъ Сынъ Божій, отвѣчала: *буди мнѣ по глаголу твоему* ([12]).» Надобно имѣть чрезвычайную проницательность, чтобы въ этихъ словахъ видѣть мысль, будто Пресв. Дѣва Марія не была причастна грѣху Евы и Адама; что духъ искуситель былъ побѣжденъ Ею и глава его была сокрушена Ея чистою и непорочною стопою. Что касается до насъ, то мы въ словахъ св. Іустина не можемъ найти такого смысла ([13]). Св. Іустинъ только противополагаетъ въ нихъ Пресв. Марію-Дѣву Евѣ дѣвственной; что же касается до непорочности, то *incorruptam*—непорочною онъ называетъ одну Еву, между тѣмъ какъ Пресв. Маріи, въ противоположность этой первозданной чистотѣ, приписываетъ только вѣру

([12]) Eva quum virgo esset et incorrupta, sermone serpentis concepto, inobedientiam et mortem peperit; Maria autem virgo, quum fidem et gaudium percepisset, nuncianti angelo Gabrieli laetum nuntium, nempe Spiritum Domini in eam superventurum et virtutem Altissimi ei obumbraturam, ideoque id, quod nascetur ex ea, sanctum esse Filium Dei, respondit: Fiat mihi secundum verbum tuum (Loc. cit. n. 100).

([13]) П. Пассалья счастливѣе насъ: «онъ не знаетъ, можно ли желать болѣе сильнаго доказательства въ пользу непорочнаго зачатія». (De immacul. Deip. concept., ed. Neapol, pag. 508). Но отъ подобныхъ возгласовъ немного выигрываетъ дѣло, которое онъ защищаетъ.

(*fidem*) и радость (*gaudium*). Слѣдовательно это свидѣтельство нисколько не благопріятствуетъ мнѣнію буллы, а напротивъ скорѣе его опровергаетъ; и мы считаемъ себя въ правѣ исключить св. Іустина изъ списка к. Гуссе. ([14]).

2. У *св. Иринея* находимъ слѣдующее толкованіе: «Богъ.... умилостивился надъ человѣкомъ и вражду, чрезъ которую діаволъ хотѣлъ сего послѣдняго сдѣлать врагомъ Божіимъ, обратилъ противъ самаго виновника вражды. Онъ отвратилъ Свой гнѣвъ отъ человѣка и вражду человѣка всю обратилъ на змія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Писаніе, приводя слова, которыя Богъ сказалъ змію: *вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя: той* и проч. Господь совмѣстилъ въ Себѣ одномъ эту вражду, когда, ставъ человѣкомъ, рожденнымъ отъ жены, сокрушилъ главу его (діавола) ([15]).» Почти тоже говоритъ св. отецъ въ кн. 5, гл. 21. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается такъ: «Вотъ почему Богъ положилъ вражду между зміемъ и между женою и сѣменемъ ея, выражающуюся тѣмъ, что они блюдутъ другъ за другомъ: змій блюдетъ за сѣменемъ жены, у

([14]) Мы рѣшаемся на это тѣмъ болѣе, что у св. Іустина въ его разговорѣ съ Трифономъ Іудеяниномъ есть такое мѣсто: «одинъ Іисусъ Христосъ былъ совершенно чистъ и безгрѣшенъ» (cap. 110).

([15]) Deus..... hominem miseratus est et retrorsit inimicitiam, per quam inimicum Deo facere voluit, in ipsum inimicitiarum auctorem; auferens quidem suam, quae erat adversus hominem, inimicitiam, retorquens autem illam et remittens illam in serpentem. Quemadmodum et Scriptura ait dixisse serpenti Deum: et inimicitiam ponam inter te et inter mulierem, et inter semen tuum et inter semen mulieris. Ipse tuum et cet. Et inimicitiam hanc Dominus in Semetipsum recapitulavit, de muliere factus homo et calcans ejus caput (Lib. 4, c. 40, n. 3).

котораго ему попущено было уязвлять пяту, и которому предоставлено было сокрушить его главу; а сѣмя жены блюдетъ за зміемъ, который его уязвлялъ, причинялъ ему смерть, препятствовалъ его шествію, пока не пришелъ Тотъ, Кому предопредѣлено было сокрушить ему главу, *то есть Сынъ Маріи* (16).» Изъ этихъ словъ ясно видно, что, по мнѣнію св. Иринея, въ разбираемомъ нами текстѣ говорится объ Іисусѣ Христѣ и о сатанѣ, — что только одинъ Господь Іисусъ Христосъ имѣетъ власть сокрушить главу змія; о Пресвятой же Дѣвѣ Маріи здѣсь упоминается только потому, что Она была Матерію Его.

На основаніи этихъ прямыхъ толкованій св. Иринея, съ которыми единственно и слѣдовало бы справляться, когда дѣло идетъ о разумѣніи какого-либо текста, нельзя утверждать, будто онъ видѣлъ въ 15 ст. III гл. книги Бытія такія мысли: «*Богъ не хотѣлъ, чтобы Марія подверглась тлетворному уязвленію змія, не хотѣлъ, чтобы Она находилась хоть одно мгновеніе подъ властію діавола* (17).» Но нѣтъ ли у св. Иринея другихъ мѣстъ, изъ которыхъ можно было бы вывесть по-

---

(16) Quapropter inimicitiam posuit inter serpentem, et mulierem et semen ejus, observantes invicem: illo quidem cui morderetur planta et potente calcare caput inimici; altero vero mordente et occidente et interpediente ingressus hominis, quoadusque venit semen praedestinatum calcare caput ejus, quod fuit partus Mariae (Lib. 3, c. 23, n. 7).

(17) По крайней мѣрѣ такъ заставляетъ судить здравый смыслъ. Но патеръ Пассалья говоритъ не то.—Приведя эти мѣста св. Иринея съ своими поясненіями, онъ въ святомъ удивленіи, вѣроятно, къ своей проницательности и учености, восклицаетъ: «у св. Иринея нѣтъ ни одной главы, въ которой бы Марія не представлялась чистою отъ скверны первороднаго грѣха» (Ibid. p. 513). Достаетъ же у этого честнаго отца духа такъ говорить! (см. прим. С).

добную мысль не прямо?—Хотя реимскій архіепископъ ничего не говоритъ объ этомъ, и хотя мы считаемъ себя въ правѣ думать, что мнѣніе св. Иринея о смыслѣ показаннаго мѣста достаточно уже нами опредѣлено, однакожъ не излишне будетъ привесть изъ него и другія отрывки, на которые, по всей вѣроятности, вздумаютъ же когда-нибудь ссылаться. «Какъ та (дѣва—Ева), говоритъ св. Ириней, склонясь на слово ангела (тьмы), отступила отъ Бога и нарушила законъ Его; такъ сія (Дѣва Марія), повѣривъ словамъ Ангела, что будетъ матерію Бога, оказала повиновеніе Его волѣ. И если одна оказала неповиновеніе Богу, то другая согласилась повинуться Ему,—дабы Дѣва Марія сдѣлалась заступницею дѣвы — Евы, и дабы родъ человѣческій чрезъ дѣву подвергшійся смерти, чрезъ Дѣву же и освободился отъ нея ([18]).» Здѣсь я вижу только ту мысль, что спасеніе, то есть Христосъ, приходитъ къ намъ чрезъ Дѣву Марію, подобно тому, какъ погибель или грѣхъ пришли чрезъ дѣву Еву. Но есть ли тутъ хоть одно слово, которое бы давало кому-нибудь право утверждать, будто св. Ириней понималъ пророческія слова книги Бытія въ смыслѣ благопріятномъ для новаго ученія? Не думаю, чтобы кто сталъ такъ говорить.—Все же однакожъ, скажутъ—можетъ быть, это мѣсто доказываетъ, какъ высоко чтилъ св. отецъ Пречистую Дѣву, называя ее заступницею Евы (advocata Evae).

([18]) Quemadmodum illa (virgo Eva) per angeli sermonem seducta est, ut effugeret Deum, praevaricata verbum ejus; ita et haec (virgo Maria) per angelicum sermonem evangelizata est, ut portaret Deum, obediens verbo ejus. Et si ea inobedierat Deo, sed haec suasa est obedire Deo, uti virginis Evae virgo Maria fierit advocata. Et quemadmodum adstrictum morti genus humanum per virginem, salvatur per Virginem (Lib. 5, 19, n. 1).

Слова нѣтъ, что оно это доказываетъ; да и всѣ другія свидѣтельства, собираемыя въ такомъ количествѣ, доказываютъ, замѣтимъ мимоходомъ, не болѣе. Но вѣдь это далеко не то̀, о чемъ мы разсуждаемъ и что̀ хотимъ доказать. — Развѣ не сталъ бы кто придавать слишкомъ большой важности выраженію—заступница (advocata)? Напрасно. Весь составъ рѣчи достаточно уже указываетъ его значеніе; да и самъ св. Ириней въ другомъ мѣстѣ такъ опредѣляетъ свою мысль: «узы непослушанія Евы, говоритъ онъ, разрѣшены послушаніемъ Маріи. То̀, что̀ дѣва Ева связала своимъ невѣріемъ, дѣва Марія разрѣшила своею вѣрою ([19]).» Слѣдовательно, если Пресв. Дѣва Марія есть заступница (advocata) Евы, такъ это потому, что Ея вѣрою и послушаніемъ вознаграждены невѣріе и непослушаніе Евы. Такимъ образомъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ повторяется тоже, и почти тѣми же словами, что̀ говорилъ и св. Іустинъ.

Итакъ напрасно кардиналъ Гуссе ссылается и на св. Иринея.

3. Самое прямое указаніе на разсматриваемый нами текстъ изъ книги Бытія, какое встрѣчено нами у *Тертулліана*, есть слѣдующее: «въ самомъ дѣлѣ, христіанской женѣ не доставало только одного—заимствовать себѣ у древняго змія украшенія. Видно, она скорѣе *сокрушитъ главу діавола*, когда перейметъ у него украшенія для своей шеи или даже для своей головы!!» (De cultu fem., l. 1, c. 6). Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о Преблагословенной Дѣвѣ Маріи, ни о непо-

---

([19]) «Sic autem et Evae inobedientiae nodus solutionem accipit per obedientiam Mariae. Quod enim alligavit virgo Eva per incredulitatem, hoc virgo Maria solvit per fidem» (Lib. 3, c. 22, n. 40).

рочномъ Ея зачатіи; и если Тертулліанъ дѣлаетъ какое-нибудь приложеніе пророчества, то прилагаетъ его ко всѣмъ женщинамъ вообще. Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у него такія слова: «Богъ, по Своей мудрости, отсрочилъ сокрушеніе власти діавола съ тою же цѣлію, съ какою отсрочилъ и возстановленіе человѣка. Этимъ Онъ открылъ обширное поприще для непрестанной борьбы, чтобы человѣкъ сокрушилъ своего врага тою же самою свободою, съ которою онъ палъ при первомъ нападеніи діавола, чтобы діаволъ понесъ чувствительнѣйшее пораженіе, бывъ побѣжденъ тѣмъ самымъ, кого прежде низвергъ, и наконецъ, чтобы Божественная благость явилась въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ, вводя въ рай человѣка, увѣнченнаго славою побѣды,—гдѣ онъ, по переходѣ изъ сей жизни, начнетъ опять вкушать плодъ древа жизни.» (Adv. Marc. lib. 2, cap. 10). Объ этомъ мѣстѣ должно замѣтить тоже, что и о первомъ; оно относитъ вражду,—15, III гл. Бытія—ко всему человѣческому роду,—къ *сѣмени жены* вообще.

Вотъ и еще свидѣтельство Тертулліана: «*земля была еще дѣвственна; рука человѣка еще не касалась ея; еще сѣмена не были бросаемы въ ея нѣдра;* изъ этой-то земли, какъ извѣстно, создалъ Богъ человѣка въ душу живу. Итакъ, если первый Адамъ былъ созданъ изъ земли (чистой), то, по справедливости, и второй, или, какъ говоритъ Апостолъ, новый Адамъ долженствовалъ быть созданъ Богомъ изъ земли (чистой же) т. е. изъ плоти не раждавшей прежде, и принять отъ Него духъ животворящъ..... Въ Еву еще дѣвственную вошло слово, произведшее смерть; въ Дѣву же надлежало низойти Слову Бога, возстановивше

му жизнь; чтобы тотъ же полъ, который послужилъ орудіемъ погибели, содѣлался орудіемъ и спасенія. Ева повѣрила змію; Марія повѣрила Гавріилу. Первая, повѣривъ, стала виновна, вторая, повѣривъ, загладила вину первой ([20]).» (De carne Chr. c. 17).—Итакъ Тертулліанъ разсуждаетъ такъ же, какъ и св. Іустинъ и св. Ириней.—Такимъ образомъ все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что *дѣвство* матери Слова воплощеннаго есть исключительно та черта, которая берется во вниманіе при сравненіи Преблагословенной Маріи съ дѣвственною Евою; это есть единственное свойство Пресв. Дѣвы Маріи, тѣсно связанное съ догматомъ Воплощенія, единственное, которое Тертулліанъ, равно какъ и другіе отцы имѣютъ въ виду, защищая высокое достоинство и совершенную чистоту Богоматери.

Итакъ Тертулліанъ ничего не знаетъ о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи, и обѣтованіе, находящееся въ книгѣ Бытія, онъ понимаетъ не такъ, какъ понимаютъ булла и кардиналъ Гуссе. Хотите ли болѣе рѣшительнаго на это доказательства? Вотъ оно! «Одинъ Богъ безъ грѣха, говоритъ Тертулліанъ; и одинъ человѣкъ безъ грѣха — Христосъ, потому что Христосъ есть Богъ: *solus Deus sine peccato, et solus homo sine*

([20]) Virgo erat adhuc terra nondum opere compressa, nondum sementi subacta: ex ea hominem factum accepimus a Deo in animam vivam. Igitur, si primus Adam de terra traditur, merito sequens, vel novissimus Adam, ut Apostolus dixit, proinde de terra, id est carne nondum generationi resignata, in spiritum vivificantem a Deo est prolatus... In virginem adhuc Evam irrepserat verbum aedificatorium mortis, in virginem aeque introducendum erat Verbum Dei exstructorium vitae: ut quod per ejusmodi sexum abierat in perditionem, per eundem sexum redigeretur in salutem. Crediderat Eva serpenti: credidit Maria Gabrieli. Quod illa credendo deliquit, haec credendo delevit.

peccato Christus, quia est Deus Christus.» (De anim. c. 41). Такое понятіе о лицѣ Іисуса Христа не разрушаетъ ли въ конецъ новаго ученія о безгрѣшномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи? Вотъ что говоритъ онъ еще: «если бы Христосъ не уничтожилъ грѣха въ такой же плоти, *въ которой царствовалъ грѣхъ*, то Онъ ничего не сдѣлалъ бы ни для Своей цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы уничтожить грѣхъ, живущій въ плоти, ни для Своей славы. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ было бы чуднаго въ томъ, еслибъ Онъ искупилъ грѣховную скверну во плоти *лучшей, имѣющей другую*, т. е. *не грѣховную природу?* Итакъ, если Христосъ облекся нашею плотію, скажетъ кто-либо, то плоть Христа была плоть грѣха? Такое заключеніе ложно. Облекшись нашею плотію, Онъ усвоилъ ее Себѣ; а усвоивъ ее Себѣ, Онъ содѣлалъ ее плотію безгрѣшною....... Онъ принялъ плоть отъ древняго сѣмени, *но безъ древняго сѣмени*: *nam neque ad propositum Christi faceret, evacuantis peccatum carnis, non in ea carne evacuare illud in qua erat natura peccati, neque ad gloriam. Quid enim magnum, si in carne meliore et alterius, id est non peccatricis naturae, naevum peccati redemit?* et caet.» (De carne Christi c. 16—17).Такимъ образомъ, по ученію Тертулліана, которое есть вмѣстѣ ученіе и всей Церкви, безгрѣшное зачатіе Пресв.Дѣвы не только не необходимо для изъясненія совершенной чистоты Іисуса Христа, но, напротивъ того, разрушаетъ понятіе о лицѣ Искупителя, а слѣд., и все христіанство.

4. Въ сочиненіяхъ *Оригена* мы знаемъ только четыре мѣста, въ которыхъ приводится разсматриваемый нами текстъ. Изъ нихъ особенное значеніе для насъ имѣютъ только два. Переведемъ ихъ: «*въ языкъ велій*

сотворю тя, говоритъ Господь, *и сниду съ тобою во Египетъ и Азъ возведу тя до конца* (Быт. 46, 3, 4). Эти слова могутъ изображать перваго человѣка, который какъ бы сошелъ на испытаніе въ Египетъ, когда, изгнанный изъ рая сладости, былъ изведенъ на труды и страданія сего міра, и осужденъ ратовать со зміемъ, сообразно съ приговоромъ: *вражду положу между женою и зміемъ, между его и твоимъ сѣменемъ; ты будешь блюсти главу змія, а змій будетъ блюсти твою пяту*. Богъ не оставляетъ однакожъ тѣхъ, которые поставлены въ это состояніе борьбы; ибо Онъ не перестаетъ быть съ ними: Онъ пріемлетъ жертву Авеля, и строго наказываетъ Каина; нисходитъ къ призывающему Его Еноху; повелѣваетъ Ною построить ковчегъ, долженствующій спасти его отъ потопа». (In Gen. hom. XV, с. 5). Здѣсь Оригенъ не только не прилагаетъ этихъ словъ къ зачатію Пресв. Маріи, но даже не относитъ ихъ и къ Мессіи, о Которомъ именно здѣсь говорится: онъ понимаетъ ихъ, какъ слова, обращенныя ко всему человѣческому роду. Перейдемъ теперь къ другому мѣсту. «Далъ бы Богъ, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ могъ разрушить договоръ, связывающій меня со зміемъ, съ діаволомъ. — Этотъ договоръ былъ нѣкогда заключенъ между Евою и зміемъ. Жена стала подругою змія и змій другомъ жены. Но безконечно благій Богъ благоволилъ разрушить этотъ союзъ, и эта преступная дружба прекращена; Онъ сказалъ: *вражду положу между зміемъ и женою и между ихъ потомствами*. Послушаемъ же со вниманіемъ, на какихъ условіяхъ положилъ Богъ вражду между этимъ зміемъ и этою женою, дабы сдѣлать жену другомъ Христа. Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, быть въ одно и тоже время

другомъ двухъ противниковъ. Нельзя въ одно и тоже время быть другомъ Бога и мамоны, Христа и змія. Дружба со Христомъ необходимо пораждаетъ вражду со зміемъ, и дружба со зміемъ — вражду со Христомъ. Чтобы лучше понять это, я опишу, что обыкновенно дѣлаютъ аскеты. Между ними есть такіе, которые, имѣя способность ко вступленію въ бракъ, добровольно отказываются отъ него, осуждаютъ себя на терпѣливое перенесеніе внѣшнихъ и внутреннихъ скорбей, побѣждаютъ постомъ свое тѣло, сами себя отдаютъ въ рабство»... и пр., (In Ierem. hom. 19, n. 7). Изъ этого мѣста можно видѣть только то, что каждый долженъ разрушать древній договоръ, связующій его съ сатаною, полагать вражду между собою и своимъ прежнимъ союзникомъ, чтобъ содѣлаться другомъ Христа, слѣдуя тѣмъ путемъ, какой указываютъ аскеты. Такимъ образомъ и второе мѣсто Оригена имѣетъ такой же общій смыслъ, какъ и первое.

Кардиналъ Гуссе приписываетъ Оригену еще слѣдующія слова: «Дѣва Марія будетъ Матерь Единороднаго Сына Божія, матерь достойная Его, матерь непорочная Святаго Непорочнаго,—единая и единственная— Единаго и Единственнаго...... Пріими Ее, какъ небесную сокровищницу, содержащую въ себѣ богатство Божества, какъ святость совершеннѣйшую и праведность самую полную. Дѣва не была обольщена коварными внушеніями змія, и не была заражена его тлетворнымъ дыханіемъ (21)». Еслибы даже эти слова

(21) Hujus itaque unigeniti Dei dicetur haec mater, Virgo Maria, digna Dei, immaculata Sancti Immaculati, una Unius, unica Unici....... Accipe eam sicut commendatum coelestem thesaurum, Deitatis divitias, sicut plenissimam sanctitatem, sicut perfectam justitiam.... Virgo que

дѣйствительно принадлежали Оригену, и относились къ чему-либо другому, а не къ *дѣвственной чистотѣ Бого-Матери*, то и въ этомъ случаѣ опредѣлить смыслъ ихъ, при пособіи вышеприведеннаго мѣста, легко и просто. Марія пребыла *непорочною* Дѣвою, потому что противостала змію, не попустила себѣ увлечься его обольщеніями, заградила свое сердце отъ его тлетворныхъ внушеній, положила между имъ и собою непрерывную вражду, посвятивъ себя чистотѣ, подобно аскетамъ. Это ясно. — Но еслибы кардиналъ Гуссе потрудился составить свою компиляцію съ бо̀льшимъ вниманіемъ и осмотрительностію, то, безъ сомнѣнія, не могъ бы не узнать, что бесѣды, изъ которыхъ онъ запмствова̀лъ эти слова, несправедливо носятъ имя Оригена, и не принадлежатъ ему. Это давно извѣстно наукѣ, и замѣчается во всѣхъ учебникахъ Патрологіи. «Подъ именемъ Оригена, говоритъ Мёлеръ, существуютъ еще 10 бесѣдъ на разные (тексты) (Homiliae in diversos): но въ нихъ нѣтъ ничего общаго съ пріемами этого отца, ни въ отношеніи къ слогу, ни въ отношеніи къ методу изъясненія, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, постоянные намеки на позднѣйшія происшествія явно обличаютъ на каждой строкѣ руку совершенно другаго писателя, котораго, въ сравненіи съ первымъ, едва ли можно признать даже православнымъ» (La Patrologie, etc. t. II, p. 102, ed. Louvain). Тоже говоритъ и Фесслеръ: «Оригену еще приписываютъ семь бесѣдъ на св. Матѳея, которыя составляютъ часть, такъ называемыхъ, бесѣдъ *in diversos;* но изъ

---

persuasione serpentis decepta est, neque ejus afflatibus venenosis infecta.» (Hom: 1, ex decem Hom. in divers).

нихъ нѣтъ ни одной подлинной.» И потомъ: «десять бесѣдъ *in diversos* принадлежатъ къ подложнымъ и апокрифическимъ твореніямъ Оригена ([22]).» (Institutiones Patrologiae, t. I, p. 263, not. 3 et p. 266). Такой погрѣшности к. Гуссе мы не можемъ приписать ничему иному, кромѣ поспѣшности, слѣды которой видны во всей его книгѣ. Отъ чего бы впрочемъ она ни произошла, мы предоставляемъ ему самому отвѣчать на торжественный вопросъ, который онъ предлагаетъ въ слѣдъ за приведенными имъ словами: «сталъ ли бы Оригенъ говорить такимъ образомъ, если бы онъ думалъ, что Марія была подвержена грѣху первородному?» Равнымъ образомъ ему же предоставляемъ трудъ, къ которому должно обязать его уваженіе къ истинѣ, вычеркнуть Оригена изъ списка отцовъ, которые видѣли въ *пророческихъ словахъ книги Бытія мысль, будто Богъ не хотѣлъ, чтобы Пресв. Дѣва Марія подверглась грѣху Евы и Адама.*

5. К. Гуссе приводитъ за тѣмъ свидѣтельство *св. Григорія неокесарійскаго*, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *чудотворца*. Здѣсь онъ ссылается на его бесѣды *De annuntiatione B. V. M.* По счастіе не благопріятствуетъ почтенному кардиналу. «Эти бесѣды, говоритъ Мёлеръ, очевидно подложны. Слогъ ихъ отличенъ отъ

([22]) Этотъ учебникъ Патрологіи, которымъ мы и впредь будемъ пользоваться, напечатанъ въ Германіи въ 1850—1851 годахъ въ руководство для Богословскихъ школъ и семинарій. Онъ удостоился весьма лестнаго одобренія отъ епископской брикской (de Brixe) консисторіи, и всѣ католическіе нѣмецкіе журналы отзывались о немъ съ похвалою. Г. Гефеле съ жаромъ рекомендуетъ его въ двухъ статьяхъ тюбингенскаго *Theologiche Quartaschrift.* Что касается до Мёлера, то онъ пользуется столь всеобщею извѣстностію, что объ этомъ нѣтъ нужды и говорить.

слога св. Григорія; и проч... и вообще подлогъ ихъ неоспоримъ.» (Loc. cit. p. 217). Таково же объ этомъ мнѣніе и Фесслера (Loc. cit. p. 217). Такъ какъ это апокрифическое твореніе есть единственное, на которое можно ссылаться; то мы и не будемъ болѣе останавливаться на св. Григоріѣ.

6. За симъ слѣдуетъ *св. Ефремъ*, изъ котораго к. Гуссе выписываетъ слѣдующія слова: «о Дѣва, госпожа моя, непорочная Матерь Божія.... славнѣйшая херувимовъ и несравненно честнѣйшая всѣхъ небесныхъ воинствъ..... Дѣва пренепорочная.... Дѣва пречистая.... Радуйся, цѣна искупленія Евы, источникъ благодати и безсмертія, запечатлѣнный сосудъ Св. Духа, пребожественный храмъ, жилище Бога, Дѣва пречистая, *сокрушившая главу коварнаго дракона*..... Дѣва пренепорочная.... Радуйся, о всечистая, приснодѣва, какъ тѣломъ, такъ и душею нетлѣнная и непорочная.... Помилуй меня бѣднаго, о непорочная и пр. ([25])» Эти отрывочныя фразы взяты изъ *молитвъ къ Пресв. Матери Божіей*, которыя носятъ имя св. Ефрема, и помѣщены въ концѣ III и послѣдняго тома его твореній, извѣстныхъ только на греческомъ языкѣ. Не желая вдаваться здѣсь въ разсужденія, не относящіяся къ нашему предмету, замѣтимъ только, что строгая критика, которой дѣло—отдѣлять неоспоримо истинное отъ ложнаго, еще не произнесла своего послѣдняго слова объ этихъ сочиненіяхъ св. Ефрема. Въ собраніе его сочиненій, сдѣланное Ассемани,—опытнымъ впрочемъ оріенталистомъ,—включены всѣ сочиненія, найденныя съ именемъ св. Ефрема, безъ того ученаго разбора, ко-

([25]) Ed. Romae, t. III, p. 545—549.

торый составляетъ достоинство и славу изданій бенедиктинскихъ. Впрочемъ, что касается до подлинности молитвъ, о которыхъ мы говоримъ, то, кажется, и самъ Ассемани не вполнѣ ей вѣрилъ или, по крайней мѣрѣ, давалъ мѣсто сомнѣнію о ней. Вотъ все, что̀ онъ счелъ себя вправѣ сказать объ нихъ, въ своихъ предварительныхъ замѣчаніяхъ объ источникахъ, изъ которыхъ заимствовалъ ихъ: «книга монаха Теопара содержитъ въ себѣ восемь молитвъ къ Богу и одиннадцать къ Преблаженной Дѣвѣ, *о которыхъ говорятъ*, что они извлечены изъ сочиненій св. Ефрема—*quae ex s. Ephraemi scriptis dicuntur collectae.*» Эти слова не очень рѣшительны и могутъ давать поводъ къ серіозному сомнѣнію (24). Не естественно ли было, для распространенія между вѣрующими произведеній такого рода, надписывать надъ ними имя такого отца, на котораго восточная или сирійская церковь всегда смотрѣла, какъ

---

(24) Намъ кажется, что достаточно имѣть немного вкуса и знакомства съ отцами, чтобы почувствовать, что это длинное перечисленіе эпитетовъ, часто преувеличенныхъ, наполненное болѣе словами, чѣмъ мыслями, и носящее всѣ признаки компиляціи, столь же мало можетъ быть сочтено оригинальнымъ и подлиннымъ твореніемъ св. отца, какъ и тотъ *плачь о страданіяхъ Господа,* и другая *молитва къ Дѣвѣ*, которыя Тилльмонтъ и Сейлье рѣшительно относятъ къ числу апокрифовъ. Эти авторы ничего не говорятъ о той молитвѣ, изъ которой взято свидѣтельство к-мъ Гуссе, потому что она тогда еще не была издана. Если бы она была имъ извѣстна, то, безъ сомнѣнія, они произнесли бы и о ней тоже самое сужденіе. Такъ она сходна и по содержанію и по формѣ съ тѣми произведеніями, подложность которыхъ ими признана рѣшительно. Къ тому же самъ Ассемани предполагаетъ, что часть этихъ эпитетовъ, должно быть, прибавлена переписчиками, ревновавшими не столько о вѣрности текста, сколько о славѣ Пресв. Маріи (S. Ephraem. opera græca, Prolegom. ad t. III, p. 54).

«на лиру Св. Духа, столпъ Церкви, учителя всемірнаго и сирійскаго пророка»? (offic. Eccles. Maronit) ([25]). Но какъ бы то ни было, примемъ приведенныя слова за подлинныя слова св. Ефрема и разсмотримъ ихъ.

Св. Ефремъ оставилъ намъ обширныя и замѣчательныя толкованія на бо́льшую часть книгъ Свящ. Писанія и въ частности на книгу Бытія. Чтобы узнать истинную мысль его въ отношеніи къ тексту, который служитъ предметомъ нашего изслѣдованія, справедливѣе и вѣрнѣе было бы обратиться къ тѣмъ его произведеніямъ, въ которыхъ онъ занимается этимъ текстомъ нарочно, чѣмъ къ молитвамъ, которыхъ подлинность сомнительна. Поправимъ эту погрѣшность.— Вотъ подлинное объясненіе нашего текста! «*Положу вражду между имъ и тобою;* и это въ то самое время, какъ ты, прикрываясь притворною дружбою къ человѣку, сдѣлалъ его врагомъ Богу, врагомъ ему самому и его ближнему, и когда ты самъ сдѣлался его врагомъ. И потомство человѣка сокрушитъ тебѣ главу.... Эти слова, въ смыслѣ таинственномъ, относятся къ змію разумному, къ діаволу. Онъ постоянно угрожаетъ нашей пятѣ; а намъ слѣдуетъ наблюдать за его главою, т. е. за началомъ искушеній, посредствомъ которыхъ онъ преклоняетъ нашу волю ко грѣху и располагаетъ послѣдовать порочнымъ страстямъ ([26])».

([25]) Сиріане приписываютъ св. Ефрему болѣе тысячи твореній и три милліона стиховъ (billier t. VIII, p. 9). Ассемани говоритъ, что литургіи яковитская и мароновитская содержатъ много молитвъ, которыя носятъ имя св. Ефрема, и что въ этихъ литургіяхъ ему прямо приписывается Плачъ о страданіяхъ Господа, котораго (плача) подлогъ очевиденъ и всѣми признанъ (Ibid. Prolegom. ad t. II, p. 58 et t. III p. 54)

([26]) In Genes. opera Syr. t. I, p. 135.

Если сличить съ этимъ мѣстомъ слова молитвы, на которыя указываетъ к. Гуссе, то они представляютъ такой смыслъ—самый естественный и согласный съ единодушнымъ ученіемъ св. отцевъ: если Марія сокрушила главу коварнаго змія, то это значитъ, что Она подвизалась противъ него подвигомъ добрымъ и, при помощи Божіей благодати, въ продолженіи всей своей жизни, торжествовала надъ нимъ. Что же касается до словъ—*непорочная, пренепорочная*—и проч., то они не должны затруднять насъ ни на одно мгновеніе. По ученію какъ св. Ефрема, такъ и всей вообще христіанской древности, Матерь Божія была непорочною, потому что, какъ здѣсь же говоритъ самъ Ефремъ, Она была всегда дѣвою,— и по душѣ и по тѣлу.

Наконецъ припомнимъ, что св. Ефремъ въ одномъ изъ своихъ замѣчательнѣйшихъ и неоспоримо ему принадлежащихъ сочиненій излагаетъ мысли рѣшительно противныя ученію о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы. «Христосъ, говоритъ онъ въ своемъ трактатѣ de Margarita pretiosa,—родился отъ естества, которое подлежало грѣховной нечистотѣ, и потому имѣло нужду въ очищеніи чрезъ Его присѣщеніе—ex natura sordibus obnoxia, quae purificationibus per visitationem Ejus indigebat.... Онъ родился отъ Дѣвы, очистивъ Ее напередъ, дабы показать, что гдѣ Христосъ, тамъ совершенная чистота. Онъ очистилъ Ее in Sancto praeparans Spiritu (т. е. какъ объясняетъ Г. Селье, когда Св. Духъ сошелъ на Нее); потомъ низшелъ въ это дѣвственное чрево, такимъ образомъ очищенное. Очистивъ Ее, Онъ сдѣлалъ Ее непорочною и освященною, и потому родившись отъ Нея, оставилъ Ее

дѣвою». Во всякомъ случаѣ значитъ, к. Гуссе напрасно въ авторитетѣ св. Ефрема ищетъ опоры своему мнѣнію.

7. Напрасно также ссылается онъ и на *св. Епифанія,* заимствуя слова его изъ бесѣды de laudibus Mariae. Подложность этой бесѣды, равно какъ и всѣхъ другихъ, которыя приписываются св. Епифанію, такъ очевидна, что ученый издатель его сочиненій—Петавій издалъ ихъ, какъ самъ говоритъ, только для того, чтобы не опустить ничего, появившагося подъ именемъ св. Епифанія. Если патеръ Плацца въ своемъ ученомъ сочиненіи: Causa immaculatae conceptionis B. M. W. [27] доказывалъ подлинность сихъ бесѣдъ; то, видно, его доказательства не очень убѣдительны, что до сего времени нисколько не поколебали мнѣнія ученыхъ объ ихъ достоинствѣ и не воспрепятствовали профессору Фесслеру повторить еще въ наше время: «подъ именемъ св. Епифанія извѣстны также восемь словъ или бесѣдъ. Но опытные критики думаютъ вмѣстѣ съ Петавіемъ, издателемъ сочиненій сего св. отца, что поученія сіи не имъ написаны, а должны принадлежать писателю позднѣйшему, можетъ быть, 7 и 9 вѣка.»

Впрочемъ такъ какъ не одинъ к. Гуссе ссылается на свидѣтельство св. Епифанія въ пользу непорочнаго зачатія, то мы считаемъ долгомъ на минуту остановиться на немъ. По нѣкоторымъ толкователямъ св. Писанія, св. Епифаній, въ своемъ Panarium 3 adv. Antidic., учитъ будто бы, что въ 15 стихѣ 3 гл. книги Бытія,—подъ *женою* главнымъ образомъ разумѣется

---

[27] К. Гуссе, Croyence et cet. стр. 747, зам. 2.

Преблагословенная Дѣва Марія......, потому что Она не была запятнана никакимъ грѣхомъ, ни даже грѣхомъ первороднымъ, который есть какъ бы *глава всѣхъ* другихъ» (Tirin. Comment. in Genes. III, 15). Посмотримъ на самый текстъ: «жизнь приходитъ оттуда же, откуда проистекла смерть. Такъ надлежало быть для того, чтобы мѣсто смерти заступила жизнь и чтобы родился именно отъ жены Тотъ, Кто разрушилъ смерть, дабы сдѣлаться нашею жизнію. Такъ какъ Ева, будучи еще дѣвою, въ саду едемскомъ, оскорбила Бога дѣломъ непослушанія, то въ соотвѣтствіе этому, дана была Дѣвѣ Маріи благодать повиновенія, послѣ того, какъ было возвѣщено, что Слово, Которое есть жизнь вѣчная, приявъ плоть, сниидетъ на землю. Богъ въ самомъ началѣ сказалъ змію: *положу вражду между тобою и между женою, и между ея и твоимъ потомствомъ*. Но такого потомства не оказалось нигдѣ. Слѣдовательно только прообразовательно и символически усвояется Евѣ эта вражда, веденная зміемъ и бывшимъ въ немъ завистливымъ діаволомъ, противъ потомковъ жены. Не въ ней все это могло вполнѣ и совершенно исполниться, но въ Томъ, безконечно святомъ, совершенномъ и чудномъ Потомкѣ, Который родился отъ Дѣвы Маріи—одной—безъ участія мужа.— Sed in sanctissima, eximia ac singulari stirpe, quae ab sola virgine Maria sine ulla viri consvetudine propagata est, reipsa ac penitus impletur» (Loc. cit. p. 18, 19).

Такъ св. Епифаній говоритъ тоже, что̀ говорили всѣ св. отцы, т. е., что Іисусъ Христосъ, Богочеловѣкъ, составляетъ главный предметъ разсматриваемаго нами пророчества; и если при семъ есть какой намекъ и о св. Дѣвѣ, то это единственно потому, что Она

была матерью сего Сына—Избавителя. Вотъ какъ примѣшивая къ словамъ великихъ учителей Церкви совершенно произвольныя толкованія и объясненія, искажаютъ ихъ смыслъ ([28]). Если бы св. Епифаній, который во всей этой главѣ съ такою ревностію старается выяснить всѣ достоинства и всю славу Пресв. Дѣвы Маріи, зналъ что-нибудь о Ея непорочномъ зачатіи, онъ не преминулъ бы воспользоваться тѣмъ; ибо это было бы самымъ рѣшительнымъ обличеніемъ хулителей Ея дѣвственной чистоты. Но онъ не только не говоритъ о немъ, но даже не подозрѣваетъ, чтобы можно было еще что-нибудь присоединить къ тѣмъ достоинствамъ, которыя онъ Ей усвоилъ.

Этого мало: онъ боится даже, чтобы кто не вздумалъ итти далѣе и оканчиваетъ свои Ей похвалы весьма замѣчательными словами, которыми какъ-бы намекаетъ на наше время: «будемъ остерегаться, чтобы слишкомъ возвышая славу Преблагословенной Дѣвы, не подать повода къ какому нибудь заблужденію или соблазну.—Cavendum illud nobis est, ne effusiora illa B. Wirginis praeconia alterius erroris et offensionis materiam alicui praebeant.» (Loc. cit. n. 22).

Зная теперь мысли св. Епифанія, подлинно ему принадлежащія, обратимся къ к. Гуссе, или къ тѣмъ словамъ, которыя онъ беретъ изъ твореній сего отца, подлинность которыхъ подлежитъ сомнѣнію. Вотъ эти слова: «Она была выше всѣхъ су-

([28]) Нынѣ всѣ почти,—самый Перроне, повторяютъ, что въ этомъ мѣстѣ св. Епифанія указывается на Пресв. Дѣву Марію, какъ на главный предметъ пророчества книги Бытія. Если бы Перроне не выписалъ въ своей книгѣ всего текста сполна, можно бы подумать, что онъ не читалъ его. Понять нельзя подобнаго ослѣпленія.

ществъ, кромѣ Единаго Бога, и по своей природѣ прекраснѣе самихъ Херувимовъ и Серафимовъ и всего небеснаго воинства..... Непорочная агница, которая родила Агнца.—Solo Deo excepto, cunctis superior exstitit, natura formosior et (читай: est ipsis) Cherubim, Seraphim et omni exercitu angelorum.... Ovis immaculata, quae peperit Agnum.» Скажу прежде всего, что я прочиталъ внимательно—съ одного конца до другаго—все это собраніе апокрифовъ и не нашелъ въ немъ ничего, что имѣло бы отношеніе къ непорочному зачатію Пресв. Дѣвы; вездѣ тамъ говорится о Ней, только какъ о Богоматери. Самый этотъ текстъ не имѣетъ другаго смысла. Всякій, и безъ особеннаго толкованія, можетъ видѣть, что въ немъ говорится о таинствѣ воплощенія и, если превозносится Пресв. Марія, то потому только, что Она есть Матерь Божія. Она дѣйствительно *выше всѣхъ, кромѣ Бога*, потому что имѣла честь носить въ своемъ чревѣ Владыку міровъ и родить вочеловѣчившееся Слово. Если Она прекраснѣе Херувимовъ, то это опять потому, что есть Матерь Божія. Безразсудно было бы видѣть здѣсь что-нибудь другое. Въ самомъ дѣлѣ отнимите у Пресв. Дѣвы Маріи Ея Богоматерство, можетъ ли Она тогда по своему существу (человѣческому) ([29]) быть превосходнѣе этихъ чистыхъ и безсмертныхъ умовъ, этихъ

([29]) «Хотя Марія есть сосудъ драгоцѣнный и избранный, говоритъ св. Епифаній, тѣмъ не менѣе Она женщина (nihilominus mulier est) и одной природы съ другими. Благость Божія возвеличила Ее,—такъ однакожъ, что Она не отличалась отъ другихъ смертныхъ образомъ своего рожденія. Ita tamen, ut non aliam, quam coeteri mortales, nascendi conditionem habuerit». (Loc. cit. adv. Collyrid. n. 5). Эти послѣднія слова не опровергаютъ ли ученія о Ея непорочномъ зачатіи?

небесныхъ духовъ, самыхъ высшихъ въ ряду существъ ([50])? Наконецъ эти слова: *непорочная агница... родила Агнца*,—въ своемъ переносномъ смыслѣ означаютъ, что Матерь (ovis), родившая Христа (agnum), была и пребыла дѣвою (immaculata). Итакъ всюду у св. Епифанія одна и та же мысль, одинъ и тотъ же языкъ.

8. *Св. Амвросій* даетъ пророчеству книги Бытія слѣдующій смыслъ. По его ученію, потомки жены вообще, и между всѣми ими одинъ потомокъ по преимуществу, т. е. Іисусъ Христосъ, должны сокрушить главу змія. Но послушаемъ его самаго: «Богъ сказалъ змію: *вражду положу между тобою и между женою, между твоимъ сѣменемъ и сѣменемъ жены* и пр. . . . . Этому змію предоставлено блюсти пяту жены и ея потомства, уязвлять ихъ и вливать въ нихъ свой ядъ. Не будемъ же предаваться дѣламъ міра сего, и тогда змій не въ состояніи будетъ вредить намъ ([51]).» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ такъ: «хотя жена была обольщена и впала въ преступленіе, однако она спасется чрезъ рожденіе дѣтей, между которыми родила

([50]) Утверждать противное значило бы, во всякомъ случаѣ, итти противъ ученія святаго Епифанія. «Если Богъ не позволяетъ воздавать Божескую честь даже Ангеламъ, говоритъ сей святый отецъ, тѣмъ менѣе попустилъ бы Онъ, чтобы воздавали эту честь дочери Анны: quanto minus id filiae Annae tribui concesserit»! (Ibid. adv. Collyrid. n. 5).

([51]) Deus ait ad serpentem: et inimicitias ponam inter te et inter mulierem, et semen tuum et semen mulieris, etc. Ubi inimicitiae sunt, ibi discordia est nocendique studium: ubi nocendi studium, ibi malitia ponitur. Ergo discordia inter serpentem et mulierem discordiae malitia subest. Non est ergo sublata malitia. Denique servatum est serpenti, ut calcaneum mulieris et seminis ejus observet, quo noceat, et venenum suum infundat. Non ergo ambulemus in terrenis et serpens nobis nocere non poterit. (De jugo saec).

и Христа ([32])». Послѣ сего мы имѣемъ право заключить, что если св. Амвросій усвояетъ гдѣ нибудь въ своихъ писаніяхъ—Пресв. Дѣвѣ Маріи какимъ нибудь особеннымъ образомъ сокрушеніе главы змія, то это, безъ сомнѣнія, потому, что Она родила Господа Іисуса Христа, а отнюдь не потому, что была Сама зачата безъ грѣха.

К. Гуссе приводитъ изъ св. Амвросія и еще одно мѣсто въ защиту своего мнѣнія; но въ немъ нѣтъ и намека на разсматриваемый нами текстъ. Вотъ это мѣсто. — «Пріиди Господи; взыщи овцу твою уже не чрезъ рабовъ и наемниковъ, но Самъ Собою; восприми меня въ той плоти, которая пала въ Адамѣ; восприми меня не отъ Сарры, но отъ Маріи, дѣвы непорочной,—отъ дѣвы, свободной, по благодати, отъ всякой нечистоты грѣха, вознеси меня на крестъ» и пр. ([33]). Кто потрудится вникнуть въ смыслъ этихъ словъ, подумаетъ ли, что они относятся прямо къ Пресв. Маріи? Въ сущности они суть только выраженіе слѣдующихъ изреченій св. апостола Павла: (подобаетъ) *отложити....ветхаго человѣка.... и облещися въ новаго,... созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—26). *Совлекшеся ветхаго человѣка . . . . и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ, по образу*

([32]) Quamvis autem mulier seducta et in praevaricatione fuerit, salva tamen erit per filiorum generationem, inter quos generavit et Christum. (De parad. n. 47).

([33]) Veni ergo (Domine) et quaere ovem tuam jam non per mercenarios, sed per Temetipsum. Suscipe me in carne, quae in Adam lapsa est. Suscipe me non ex Sara, sed ex Maria: ut incorrupta sit virgo, sed virgo per gratiam omni integra labe peccati. Porta me in cruce et cet. In ps. 118 serm. 22 n. 30.

Создавшаго его (Кол. 3, 9. 10). *Первый человѣкъ отъ земли — перстенъ; вторый человѣкъ, Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 22) (34). По теченію мыслей св. Амвросія, Св. Дѣва служитъ здѣсь только путемъ, переводящимъ ко Христу. Какъ Іисусъ Христосъ, жизнь наша, намъ данъ чрезъ Нее, то чрезъ Нее же въ этомъ отношеніи мы и возраждаемся. Что касается до качествъ, которыя онъ приписываетъ Ей, то всѣ онѣ принадлежатъ Ей, единственно потому, что Она есть Матерь Господа; съ чѣмъ неразрывно соединяется — непорочное дѣвство или, какъ вообще вѣровала христіанская древность,—святость и чистота отъ всякаго дѣйствительнаго грѣха.—Значитъ, св. Амвросій только повторяетъ, свойственнымъ ему образомъ, мысли св. Іустина и св. Иринея.

Если бы на счетъ сего еще оставалось какое-нибудь сомнѣніе, то достаточно припомнить одно или два мѣста, гдѣ Амвросій выражаетъ ученіе о первородномъ грѣхѣ вообще, чтобы видѣть, до какой степени онъ далекъ отъ вѣрованія въ непорочное зачатіе Пресв. Дѣвы. «Изъ всѣхъ рожденныхъ женами, говоритъ онъ, нѣтъ ни одного совершенно святаго, кромѣ Господа Іисуса Христа, *Который по особенному новому образу непорочнаго рожденія, не испыталъ заразы земнаго поврежденія* (35)». Потомъ: «Одинъ только Богъ безъ грѣха. Обыкновенно всѣ, раждаемые отъ

---

(34) Эта мысль выражается, сходно съ св. Амвросіемъ, и въ слѣдующихъ словахъ Петра Коместора: «Egrediamur de terra nostra, id est, Evam nostram reprimamus (Serm, 19 de annunt. B. V.).

(35) «Solus enim per omnia ex natis de femina Santus Dominus Jesus, qui terrenae contragia corruptelae immaculati partus novitate non senserit et coelesti majestate depulerit.» (In Luc. lib. 2 n. 56).

жены и мужа, т. е. отъ плотскаго союза бываютъ повинны грѣху. Слѣдовательно кто не имѣетъ грѣха, тотъ не былъ и зачатъ такимъ образомъ ([56]).» И еще: «Одинъ только человѣкъ, Ходатай Бога и человѣковъ, свободенъ отъ узъ грѣховнаго рожденія; потому что Онъ родился отъ дѣвы, и потому что раждаясь не испыталъ прираженія грѣха. Всѣ же другіе люди, зачинаясь въ беззаконіяхъ, раждаются во грѣхѣ; будучи зачаты въ сладострастіи похоти, они подвергаются заразѣ грѣховной прежде, чѣмъ начинаютъ дышать воздухомъ ([57]).

9. Мы разсмотрѣли первую часть списка к. Гуссе, часть самую важную, — и видѣли, что всѣ эти знаменитые учители, строгіе и вѣрные представители ученія-Церкви, совсѣмъ ничего не говорятъ о непорочномъ зачатіи, — и когда говорятъ о Пресв. Дѣвѣ Маріи, — то говорятъ такъ, что ихъ слова не оправдываютъ, а опровергаютъ мнѣніе папской буллы. Удивительно, какъ Гуссе — кардиналъ и архіепископъ — могъ не знать этого, и какъ, въ слухъ всего католическаго міра, рѣшился онъ приписать св. отцамъ такія мысли, которыхъ и слѣда напрасно будете искать въ ихъ писаніяхъ ([58]).

([56]) Nemo sine peccato nisi solus Deus. Servatum est igitur, ut ex viro et muliere, id est, per illam corporum commixtionem, nemo videatur expers esse delicti. Qui autem expers est delicti, expers est etiam hujusmodi conceptionis.» (Ap. August. de nupt. et concept. l. I, n. 40).

([57]) «Unus solum homo, Mediator Dei et hominum, eo quod sit natus ex virgine, nec senserit nascendo peccatum, generationis obnoxiae vinculis non tenetur. Omnes autem homines sub peccato nascuntur, quorum ipse ortus in vitio est; quia concupiscentiae voluptate concreti, prius subirent contragia delictorum, quam vitalem de hoc aere spiritum ducerent.» (Ap. August. contr. Iulian. lib. 2 n. 32).

([58]) Еще Петавій въ свое время упрекалъ защитниковъ непо-

Теперь слѣдуетъ рядъ позднѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви: Максимъ туринскій, Исихій, св. Андрей критскій, св. Іоаннъ Дамаскинъ, Петръ аргосскій, Бруно астійскій. Пересмотримъ и ихъ мнѣнія о разсматриваемомъ предметѣ.

Изъ *Максима* туринскаго ([39]) (V в.) приводятъ слѣдующее мѣсто: «Марія была для Христа достойнымъ жилищемъ не по состоянію своего тѣла, но по благодати первородной (originali) ([40]).» Предоставляемъ другимъ опредѣлить филологически, что̀ можетъ означать, на латинскомъ языкѣ Максима, слово originalis: съ своей стороны мы утверждаемъ, что оно употреблено здѣсь не съ тѣмъ, чтобы сказать что-нибудь о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи, или, чтобы сдѣлать на это намекъ. Само собою очевидно, что это

рочнаго зачатія въ томъ, что они очень смѣлы въ ссылкахъ и въ выборѣ отеческихъ свидѣтельствъ (De incarn. lib. 14. c. 2, n. 9). Мы представимъ въ добавочномъ примѣчаніи (примѣч. Д) нѣсколько примѣровъ того, что̀ позволяетъ себѣ въ этомъ отношеніи к. Гуссе.

([39]) Относительно этого автора, равно какъ и слѣдующихъ за нимъ, мы ограничимся разсмотрѣніемъ только тѣхъ мѣстъ, какія приводитъ к. Гуссе. Можно бы, какъ это дѣлали мы доселѣ, обратить вниманіе на другія въ нихъ мѣста, прямѣе относящіяся къ Быт. III, 15; но онѣ такъ мало имѣютъ значенія для разсматриваемаго нами ученія, что не будетъ большаго урона совсѣмъ умолчать о нихъ. Впрочемъ, мы можемъ быть увѣрены, что к. Гуссе представитъ намъ все, что́ есть у сихъ отцевъ особенно важнаго.

([40]) К. Гуссе выписываетъ одну только эту фразу. Для тѣхъ, которые захотятъ поближе познакомиться съ этимъ мѣстомъ, мы выписываемъ его вполнѣ: «non Regnator coeli has indignatur angustias, cui habitaculum, erat virgineus venter.—Idoneum plane Maria Christo habitaculum,—non pro habitu corporis, sed pro gratia originali. Ergo exonerata felici onere, Maria matrem se laeta cognoscit, quae se nescit uxorem; et est gloriosa de sobole, quae est ignara de conjuge, et cet. (Hom. 5, ante Nat. Dom.)

слово, употребленное такимъ образомъ, никакъ не можетъ имѣть значенія, равносильнаго тому, какое оно имѣетъ въ выраженіи — «*грѣхъ первородный*», не можетъ быть также ему противупоставляемо — въ видѣ антитеза. Грѣхъ первородный (peccatum originale) означаетъ грѣхъ, который мы заимствуемъ отъ родителей въ самомъ происхожденіи своемъ,—грѣхъ, переходящій къ намъ съ человѣческою природою отъ перваго его источника— Адама. Благодать *первородная* (—originalis),—полагая, что такъ нужно перевесть слово *originalis* въ разсматриваемомъ мѣстѣ,— не можетъ выражать ничего подобнаго,—и означаетъ никакъ не больше того, что Богъ даровалъ Пресв. Дѣвѣ Маріи благодать съ перваго времени Ея существованія, что Она была освящена еще во чревѣ своей матери ([41]), не опредѣляя минуты сего благодатнаго дѣйствія съ математическою точностію. Но въ этомъ смыслѣ приведенныя слова точно также можно было бы приложить и къ Іоанну Крестителю, какъ и къ Пресв. Дѣвѣ Маріи—Матери Спасителя.—Что впрочемъ, употребивъ слово «originalis», Максимъ туринскій не имѣлъ мысли, подобной новому ученію о зачатіи Преблагословенной Дѣвы,

---

([41]) Мы не думаемъ однакожъ, чтобъ такова была мысль Максима. *Originalis* означаетъ вообще—относящійся къ происхожденію, и *gratia originalis*—благодать, относящаяся къ происхожденію. Остается только опредѣлить, къ чьему происхожденію относится сія благодать. Основываясь на томъ, что о Пресв. Дѣвѣ говорится здѣсь, какъ о жилищѣ Христа (habitaculum), должно полагать, что gratia originalis гораздо больше относится къ рожденію Богочеловѣка, чѣмъ къ рожденію Его Матери, и благодать, о которой здѣсь говорится, есть та, которую св. Писаніе изображаетъ слѣдующими словами: *Духъ Св. найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. 1, 35).

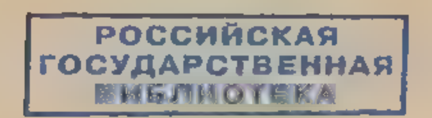
это всего болѣе видно изъ того, что у него не мало мѣстъ совершенно противоположныхъ сему ученію. Такъ нѣсколько разъ и въ выраженіяхъ очень ясныхъ онъ повторяетъ, что одинъ Іисусъ Христосъ родился безъ грѣха; (42) съ другой стороны Пресв. Дѣвѣ Маріи приписываетъ слабости и несовершенства, несовмѣстныя съ тою высотою совершенства, на какой стояла бы Она, еслибы была зачата непорочно (43). И такъ мы по праву отказываемся признать Максима туринскаго свидѣтелемъ въ пользу новаго догмата.

Исихій, іерусалимскій пресвитеръ, малоизвѣстный писатель 6 или 7 вѣка говоритъ: «кто эта дѣва, (о которой говоритъ Исаія VII, 14)? Эта дѣва превосход-

---

(42) Въ одной бесѣдѣ Максимъ влагаетъ въ уста діавола, смущеннаго таинствомъ рожденія Іисуса Христа, слѣдующія слова: «въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ существуетъ, мнѣ случается видѣть человѣка, который раждается безъ грѣха» (Hom. 37);—въ другомъ словѣ онъ говоритъ: «одинъ Сынъ Божій спасаетъ грѣшниковъ, потому что одинъ Онъ свободенъ отъ всякаго грѣха.... quia solus liber est a peccato». (Serm. 40). Объясняя слова символа: *рожденнаго отъ Дѣвы Маріи дѣйствіемъ Св. Духа*, онъ выражается такъ: «сказано: *дѣйствіемъ Св. Духа*—для того, чтобы ты зналъ, что это было рожденіе чудное и непорочное...... ut partum illum mirabilem simul et inculpabilem recognoscas» (Hom. 83). Въ словѣ 62 на рождество Іоанна Крестителя, Максимъ долго останавливается на томъ, чтобы доказать своимъ слушателямъ возможность освященія этого праведника in utero (во чревѣ). Еслибы вѣрованіе въ непорочное зачатіе Пресв. Дѣвы Маріи существовало уже въ это время, то достаточно было бы напомнить о немъ, чтобы безъ труда убѣдить въ возможности такого освященія. Если онъ не прибѣгаетъ къ такому доказательству, то вѣрно потому, что тогда не думали такъ о зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи. Наконецъ, и въ приведенномъ изъ него изреченіи слова: non pro habitu corporis—не совсѣмъ благопріятствуютъ ученію буллы—Ineffabilis.

(43) Conf. Petavii Theolog. dogm. De incarnat. l. 14, c. 1, n. 6.

нѣйшая изъ женъ, избранная изъ дѣвъ, самое лучшее украшеніе нашей природы, слава нашего смиренія. Это та, которая освободила Еву отъ поношенія и Адама отъ проклятія, которая укротила дерзость змія, до которой не коснулся дымъ похоти и которую не повредилъ червь сладострастія». К. Гуссе сопровождаетъ это мѣсто такимъ замѣчаніемъ: «было ли бы справедливо, что Марія освободила нашихъ прародителей отъ проклятія, если бы Сама Она подлежала проклятію (44)»? Такія слова, въ устахъ одного изъ первыхъ представителей нашей (католической) Церкви, невольно приводятъ въ смущеніе. А если бы Марія была зачата непорочно, какъ хотятъ этого, ужели бы тогда Она была нашимъ искупителемъ, нашимъ спасителемъ?

Хотятъ ли того, или не хотятъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что такого рода ученіе, подъ предлогомъ достодолжнаго почитанія и прославленія св. Дѣвы (45),

---

(44) La croyance générale et cet. p. 736.,

(45) Эти выраженія: *воздать честь Маріи,—достойно прославить Марію,*—и множество другихъ подобныхъ, которыя мы нашли въ буллѣ и въ большей части епископскихъ посланій въ отвѣтъ на окружное посланіе папы отъ 2 Февраля 1849 г., могутъ затруднять и смущать только человѣка, непривыкшаго къ точному богословскому языку. Сущность дѣла заключается не въ опредѣленіи преимуществъ Пресв. Богородицы, (которыхъ, сказать мимоходомъ, намъ и не опредѣлить, какъ должно), но въ томъ, чтобы указать дѣйствительно ли Богъ даровалъ Ей эти преимущества, дѣйствительно ли открылъ Онъ эту тайну Своей Церкви. Будемъ осторожны! Не впасть бы намъ, въ видахъ благочестія, въ человѣческую гордость,—выставляя себя верховными законодателями и собственныя свои мысли выдавая за помышленія Божіи (Прем. Солом. 9, 13).« Развѣ мы мудрѣе или благочестивѣе св. отцевъ? восклицаетъ Бернардъ. Надменно и опасно браться намъ уяснить то̀, чего они, по своему благоразумію, находили нужнымъ не касаться; а это именно такой предметъ, котораго они ни-

уничтожаетъ великое дѣло Божественнаго воплощенія и низпровергаетъ христіанство. Нѣтъ, нѣтъ! Исихій не думалъ о такомъ чудовищномъ ученіи. Онъ просто повторялъ тò, чтò говорили Іустинъ,Ириней, Тертулліанъ и другіе отцы. Если Преблагословенная Дѣва загладила непослушаніе Евы и преступленіе Адама, то это потому, что Она покорилась гласу Ангела и опредѣленіямъ Всевышняго. Если говорится, что *дымъ похоти не коснулся Ея и червь сладострастія не повредилъ Ея*, то этимъ превозносится таинство Ея Божественнаго Матеро—дѣвства.

У св. *Андрея* арх. *критскаго* кард. Гуссе заимствуетъ одну фразу—изъ его слова на рождество Преблагословенной Дѣвы Маріи. Но это слово не принадлежитъ къ числу сочиненій, несомнѣнно подлинныхъ: рукописи весьма разногласятъ касательно имени автора. Да еслибы оно и дѣйствительно принадлежало св. Андрею критскому; самое мѣсто, на которое ссылаются, не представляетъ никакой опоры ученію о непорочномъ зачатіи. «Она, т. е. Пресвят. Дѣва Марія, не знала закваски; но изъ Нея образовался хлѣбъ, который долженъ преобразовать родъ человѣческій: — ea non fermentata per ipsam formatur panis ad humani generis reformationem.» Выраженіе — *non fermentata* —

какъ не оставили бы безъ вниманія, еслибы имѣли основанія опредѣлить его, какъ должно. Почести, воздаваемыя Пресв. Дѣвѣ Маріи, должны быть разумны. Царственная Дѣва, украшенная всевозможными почетными именами и знаками достоинствъ, не имѣетъ нужды въ ложномъ почтеніи »(Ер. 174). Ужъ не думаютъ ли, можетъ быть, что отцы ефесскаго Собора, назвавъ Пресв. Дѣву Марію Богородицею, хотѣли воздать Ей новую почесть, или приписать такое имя, котораго прежде не были обязаны признавать за Нею?—

достаточно показываетъ, что здѣсь разумѣется Ея присподѣвство и, слѣдовательно, только повторяется особеннымъ образомъ мысль Исихія.

За св. Андреемъ критскимъ слѣдуетъ св. *Іоаннъ Дамаскинъ*. Мы позволимъ себѣ противопоставить к. Гуссе знаменитаго профессора Генриха Кле, который по богословскимъ познаніямъ, конечно, не ниже его. «Что касается до Св. Дѣвы Маріи,» говоритъ Кле, «то св. отцы нигдѣ не говорятъ, чтобы Она была зачата безъ грѣха, но учатъ только, что Она была освящена послѣ своего зачатія. *Св. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ равнымъ образомъ только объ освященіи, послѣдовавшемъ за Ея зачатіемъ*. Такъ же думаютъ о семъ Пасхазій Радбертъ, Ратрамнъ, Анзельмъ, Гильдебертъ и др.,» (Manuel de l'hist. des dogm. chret., part. II. c. 5, n. 25). Мы съ своей стороны совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ; а что касается до самаго мѣста, приведеннаго к. Гуссе, то достаточно прочитать его со вниманіемъ, дабы убѣдиться, что благодать, о которой въ немъ говорится, относится не къ Пресв. Дѣвѣ Маріи, а къ Ея матери, дотолѣ безплодной, — подобно Саррѣ ([46]).

Петръ еп. *аргосскій*, котораго имя, безъ сомнѣнія, приводится здѣсь только для счету, ограничивается «*прославленіемъ Бога* за то, что Онъ обогатилъ человѣчество, даровавъ Іоакиму и Аннѣ непорочную дѣву.»

([46]) Этотъ пресловутый текстъ, который булла выставляетъ съ такою радостію и который всѣ иммакулисты выдаютъ за свидѣтельство самое рѣшительное, извлеченъ изъ перваго слова на рождество Пресв. Дѣвы. Но это слово принадлежитъ къ числу сочиненій весьма сомнительныхъ. «Есть, говоритъ Селье, въ поученіяхъ на рождество Пр. Дѣвы непристойности, которыя нимало не соотвѣтствуютъ скромности и важности сего св. отца» (Т. XVIII, p. 150).

Наконецъ *Бруно астійскій* (разумѣется Бруно, основатель Братства шартрскаго, авторъ толкованія на Псалмы, изъ котораго к. Гуссе заимствуетъ свой текстъ, — XII вѣка), называя Пресв. Дѣву Марію землею чистою, которую Господь благословилъ, и которая потому была свободна отъ всякой нечистоты грѣховной ([47]), говоритъ только, подобно Тертулліану, Ѳеодоту анкирскому и мн. другимъ, о дѣвственномъ нѣдрѣ Матери Слова воплощеннаго, которое дѣйствительно было землею чистою, свободною отъ скверны похоти и порока ([48]).

Изъ всего этого очевидно для всякаго, что ни св. Іустинъ, ни св, Ириней, ни Тертулліанъ, ни Оригенъ, ни св. Григорій неокесарійскій, ни св. Епифаній, ни св. Ефремъ, ни св. Амвросій, ни Максимъ туринскій, ни Исихій, ни св. Андрей критскій, ни св. Іоаннъ Дамаскинъ, ни Петръ еп. аргосскій, ни Бруно астійскій,—не учили, будто пророческія слова книги Бытія: *вражду положу*...,.. и пр., означаютъ, что «Богъ не хотѣлъ, чтобы Марія подверглась тлетворному уязвленію змія, чтобы Она была, хотя одну минуту, подъ владычествомъ демона, чтобы Она была причастна грѣху Евы и Адама». Если таковъ результатъ разсмотрѣнія отцевъ, которыхъ приводятъ въ защиту буллы Ineffabilis, то намъ можно бы освободить

([47]) «Haec virgo est incorrupta terra illa, cui benedixit Dominus, ab omni propterea peccati contagione libera» (In ps. 101.

([48]) Доказательствомъ того, что Бруно, говоря такъ, не имѣлъ мысли о непорочномъ зачатіи, служитъ то, что въ толкованіи этого же псалма, онъ влагаетъ въ уста Господу Іисусу Христу слѣдующія слова: «Я одинъ свободенъ отъ всякаго грѣха.»—«Solus in immunitate peccati persisto».

себя отъ труда вопрошать тѣхъ отцевъ, на свидѣтельства которыхъ не ссылаются. Но, съ одной стороны, чтобы не опустить ничего, что можетъ просвѣтить умы, а съ другой,—чтобы точнѣе выполнить правило Собора, которое повелѣваетъ держаться единства вездѣ содержимаго преданія, мы приведемъ и ихъ слова, хотя безъ поясненій.

9. Св. *Кипріанъ* говоритъ: «объ этомъ-то Сынѣ (возвѣщенномъ Исаіею гл. VII, ст. 14) Богъ предсказалъ еще въ кн. Бытія, что Онъ произойдетъ отъ жены и сотретъ главу змія, говоря: «Я положу вражду между тобою и женою, между тобою и ея сѣменемъ; Той (ipse) будетъ блюсти твою главу» (Test. lib. 2, c. 9) (49).

10. Св. *Василій:* «Богъ поселилъ въ насъ вражду къ нашему обольстителю, когда возвѣстилъ діаволу, въ лицѣ змія, который ему служилъ орудіемъ, слѣдующую угрозу: «Я положу вражду между тобою и ея сѣменемъ (Homil, quod Deus non est et caet. n. 8).» Сверхъ того св. Василій не считалъ Дѣву Марію свободною отъ всякой личной слабости (50).

11. Св. *Іоаннъ Златоустъ*: «для меня недостаточно, чтобы ты пресмыкался по землѣ; я сдѣлаю жену твоимъ соперникомъ и врагомъ. И не она только, но и все ея потомство будетъ непрестанно враждовать съ твоимъ племенемъ. Ея потомство (αὐτὸς) будетъ блюсти твою главу, а ты будешь блюсти его пяту. Я дамъ ему (ἐκείνῳ) силу попирать твою главу безъ послабле-

---

(49) Іезуитъ Пассалья приводитъ однакожъ это мѣсто въ подтвержденіе новаго догмата.

(50) Ep. 260 n. 8. И другіе отцы выражаютъ иногда туже мысль,—столь противную иммакулизму.

пія и положу тебя подъ ноги его» (In Genes. c. III, hom. 17, n. 7).

12. Бл. *Іеронимъ*: «Онъ (ille) будетъ блюсти твою главу, а ты будешь блюсти его пяту. Или лучше, какъ въ еврейскомъ текстѣ: Онъ (ipse) раздавитъ твою главу, а ты уязвишь его пяту; такъ какъ наше шествіе было преграждено зміемъ; то Господь сокрушилъ сатану подъ ноги наши» (Quest. hebr. in Gen. III, 15). Вотъ другое мѣсто, не столько прямое: «кто не зараженъ ядомъ діавола, кромѣ Того Одного, Который могъ сказать: се грядетъ князь міра сего; но не найдетъ во Мнѣ ничего ему принадлежащаго» (In Ierem. l. 1, c. 4)?.

13. У бл. *Августина* есть много толкованій на разбираемый нами стихъ книги Бытія, но ни одно изъ нихъ не относитъ сего пророчества къ Дѣвѣ Маріи, а тѣмъ менѣе къ Ея непорочному зачатію. Представимъ два примѣра:

«Богъ сказалъ змію: *она будетъ блюсти твою главу*, а ты будешь блюсти ея пяту.—Діаволъ блюдетъ твою пяту, чтобы тебя низринуть, когда ты поколеблешься; а ты блюди его главу. Что такое глава змія? Это—начало искушенія. Когда змій начнетъ внушать зло, отвергни это внушеніе прежде, чѣмъ родится услажденіе, и послѣдуетъ согласіе. Этимъ способомъ ты сокрушишь его главу и онъ не уловитъ твоей пяты. Почему Богъ обратилъ эти слова къ Евѣ? Потому что человѣкъ падаетъ чрезъ плоть; Ева для каждаго изъ насъ есть наша собственная плоть» (In ps. 48, n. 7).

«Вы знаете, что послѣ грѣхопаденія перваго человѣка было сказано женѣ, или лучше, змію: *она будетъ блюсти твою главу* и пр. Эти слова заключаютъ

великую тайну. Они относятся къ Церкви.....О Церковь! слѣди внимательно за главою змія (In ps. 103, n. 6). Богъ, чтобы содѣлать Церковь Свою внимательною и побудить ее къ осторожности, сказалъ: она будетъ блюсти твою главу, и ты будешь блюсти ея пяту.» (In ps. 36, n. 18).

Извѣстно, впрочемъ, до какой степени ученіе бл. Августина,—главнаго учителя о первородномъ грѣхѣ и благодати, должно быть противно новому догмату ([51]).

14. Заключимъ, наконецъ, толкованіемъ папы Льва св., — столь замѣчательнымъ и столь яснымъ.— «Лишь только злоба діавола заразила насъ своимъ ядомъ, Всемогущій и Милосердый Богъ тотчасъ указалъ врачевство, которое Онъ, по Своей безконечной любви, еще прежде предуставилъ для обновленія человѣка. Онъ возвѣстилъ змію того грядущаго Сына жены, Который, собственною силою Своею, сокрушитъ его гордость, т. е. воплотившагося Христа, Богочеловѣка, родившагося отъ Дѣвы, которая пречистымъ рожденіемъ Его восторжествовала надъ обольстителемъ рода человѣческаго» (Serm. 2. de Nat. Dom.).

Изъ всего доселѣ сказаннаго выходитъ слѣдующее: по преданію отцевъ, разсматриваемому въ общемъ его составѣ, *пророчество кн. Бытія (III, 15) имѣетъ предметомъ* человѣчество вообще и каждаго человѣка въ особенности, т. е. потомство жены, а *предметомъ частнѣйшимъ и главнѣйшимъ*—Сына человѣческаго *κατ' ἐξοχὴν*, истиннаго побѣдителя сатаны, Іисуса Христа. Кто изъясняетъ его иначе, тотъ невѣренъ началамъ св. Церкви.

([51]) См. въ концѣ прибав. Е.

Мы видѣли, что всѣ отцы безъ исключенія, даже тѣ, которые по видимому читали разбираемое нами мѣсто, какъ стоитъ оно въ Вульгатѣ: ipsa conteret caput tuum — приписываютъ сѣмени жены, а не самой женѣ трудъ и силу—сокрушать главу змія. Хотя кард. Гуссе уклонился отъ всякаго герменевтическаго разбора самаго текста, но мы думаемъ, что подобный разборъ, съ помощію опять преданія Церкви, окончательно установитъ смыслъ сего текста; потому считаемъ своею обязанностію заняться имъ.

Булла Ineffabilis, останавливаясь на первой части разсматриваемаго нами стиха: *вражду положу между тобою и между женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ тоя,*— выводитъ отсюда, что если слово — *сѣмя*—относится къ Іисусу Христу, то, по закону параллелизма, *жена*—должна неизбѣжно означать Дѣву Марію. Но такое толкованіе во всѣхъ отношеніяхъ ложно. Слова, на которыхъ опирается булла, не выражаютъ еще торжества, а только—борьбу. Человѣкъ и діаволъ, которымъ слѣдовало пребывать во всегдашнемъ отчужденіи другъ отъ друга, заключили роковый союзъ, который, однакожъ, продолжался только до совершенія преступленія и тотчасъ, по выраженію св. Ефрема, сдѣлался источникомъ непримиримой ненависти и всегдашней вражды. Эта вражда зараждается, прежде всего, между двумя первыми соучастниками, первыми виновниками зла, между зміемъ и женою, между сатаною и Евою; а потомъ между потомствомъ жены или человѣчествомъ и духовными сынами діавола или адомъ. Таковъ смыслъ этихъ словъ Писанія; и контекстъ ихъ не допускаетъ никакого,—особеннаго,— приложенія ихъ къ Дѣвѣ Маріи. Безъ сомнѣнія, и Ма-

терь Господа разумѣется здѣсь, такъ какъ и Она составляетъ часть того сѣмени жены, которому нужно будетъ сражаться со зміемъ; но Она не есть та самая жена, какъ показываютъ самые простые законы Герменевтики. Въ самомъ дѣлѣ, если вы допускаете историческую истину повѣствованій кн. Бытія, то должны согласиться, что Богъ хотѣлъ быть понятнымъ для тѣхъ, къ кому Онъ обращался, и что, возвѣщая близкій конецъ этого минутнаго союза между зміемъ и *женою*, Онъ не могъ означить именемъ жены никого, кромѣ Евы, о которой одной говорится въ этихъ главахъ. Впрочемъ, мы говоримъ это не по однимъ только догадкамъ. Еврейскій текстъ, прилагая членъ ה къ слову האשה достаточно указываетъ на жену извѣстную и опредѣленную; это все равно, какъ еслибы было сказано: *вотъ эта жена*.

Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы останавливаться на первой части этого пророческаго стиха кн. Бытія, слѣдовало бы обратить все вниманіе на вторую, которая возвѣщаетъ побѣду послѣ борьбы. Кто же, по указанію этой послѣдней части стиха, долженъ сокрушить главу змія?

Нынѣшняя Вульгата, переводя: ipsa conteret caput, повидимому приписываетъ это преимущество женѣ и устанавливаетъ так. образомъ смыслъ, котораго наименьшій недостатокъ состоитъ въ томъ, что онъ искажаетъ важность и значеніе обѣтованія. Но Вульгата въ опредѣленіи истиннаго чтенія св. Писанія не можетъ быть принята за норму и имѣть больше важности, чѣмъ другіе памятники, служащіе къ правильному уразумѣнію текста. Когда отцы собора тридентинскаго приняли, для употребленія въ церкви, древній латинскій

переводъ, сдѣланный, по большей части, бл. Іеронимомъ, то онъ оказался такъ испорченнымъ и поврежденнымъ, что они не могли одобрить ни одного экземпляра этого перевода въ особенности и должны были ограничиться однимъ выраженіемъ желанія, чтобы сдѣлано было новое его изданіе, сколько возможно, правильное: quam emendatissime imprimatur. Это желаніе начало осуществляться не ранѣе, какъ чрезъ 40 лѣтъ, когда, при папѣ Секстѣ V, явилось изданіе Библіи, которое долженствовало быть признаваемо, какъ выражается помѣщенный въ началѣ ея декретъ, *Aeternus ille*, — *единственно вѣрнымъ* и которое измѣнять въ чемъ-нибудь запрещено было подъ страхомъ отлученія. Не смотря, однакожъ, на этотъ декретъ, Секстъ V скоро самъ замѣтилъ, что новыя исправленія въ немъ были неизбѣжно необходимы. Григорій XIV, преемникъ Секста, нашелъ это изданіе до того неправильнымъ, что думалъ включить его въ число запрещенныхъ книгъ и сжечь всѣ экземпляры. Климентъ VIII исправлялъ его нѣсколько разъ (1592—95—98). Но можно ли наконецъ и это послѣднее изданіе, которое весьма немногимъ разнится отъ употребляемаго нынѣ, считать совершенно правильнымъ и точнымъ? Нельзя сказать утвердительно. Римскіе исправители сознаются сами въ предисловіи къ читателю, что они не смѣютъ льстить себя мыслію, что успѣли возвратить Вульгатѣ ея первоначальную чистоту, и что они оставили въ ней очень многое, что̀ слѣдовало бы исправить— etiam alia, quae mutanda videbantur, consulto immutata relicta sunt. Беллярминъ, одинъ изъ этихъ исправителей, писалъ Лукѣ брюгскому: „хочу вамъ сказать, что мы не были строги въ нашихъ исправленіяхъ и съ намѣ-

реніемъ, по уважительнымъ впрочемъ причинамъ, оставили многое неисправленнымъ. Этотъ Лука брюгскій и Вукентонъ, не говоря уже о другихъ, указали часть ошибокъ, которыми преисполнены прежнія изданія.

Слѣдовательно достоинство текста Вульгаты, который не сохранился въ своей первоначальной чистотѣ и требовалъ, въ эпоху собора тридентинскаго, общаго исправленія, опредѣляется только достоинствомъ лицъ, трудившихся надъ его исправленіемъ, и манускриптовъ, которыми они пользовались. Но, не унижая учености исправителей Вульгаты, избранныхъ Климентомъ VIII, можно сказать, что еслибы это дѣло совершено было людьми подобными Мартіанею, Сабатіеру, Росси, Лахману, Тимендорфу, и,—при помощи тѣхъ пособій, которыми располагаетъ наше время, то, конечно, оно имѣло бы результаты совершенно другіе. Полагаемъ, что нуженъ новый пересмотръ Вульгаты. Нужно, чтобы онъ былъ совершенъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, дабы, принявъ Вульгату за каноническій авторитетъ, мы могли быть увѣрены, что найдемъ въ ней подлинное слово Бога. Честь Церкви этого требуетъ, примѣръ первосвященниковъ Римскихъ даетъ на это право, а желаніе собора тридентинскаго налагаетъ обязанность.

При такомъ положеніи дѣла, лучше бы всего обратиться къ еврейскому тексту, если бы авторитетъ его былъ для насъ столько высокъ, что не оставлялъ бы мѣста никакому сомнѣнію. Знатоки впрочемъ этого языка, вникая въ составъ рѣчи разбираемаго нами стиха, точно находятъ, что послѣ словъ: *вражду положу между тобою и женою, между сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ ея*,—должно слѣдовать: *онъ*

сотретъ..... и пр. (ipse), а не она (ipsa....). Но оставивъ въ сторонѣ эти изслѣдованія, не для всякаго доступныя, мы можемъ изъ другихъ источниковъ, болѣе для насъ уважительныхъ, опредѣлить истинное чтеніе сего мѣста. Разумѣемъ переводъ семидесяти толковниковъ, котораго только воспроизведеніемъ была первоначальная Вульгата. Въ немъ стоитъ: *αὐτός σου τηρήσει κεφαλήν*. Онъ будетъ блюсти твою главу ([52]). Въ древнемъ текстѣ италійскомъ, т. е. въ переводѣ латинскомъ, который составлялъ Вульгату прежде, чѣмъ Бл. Іеронимъ издалъ свой переводъ, было также *ipse*. Самъ Іеронимъ не измѣнилъ этого слова; и достовѣрно извѣстно, (какъ можно видѣть въ сочиненіяхъ этого отца, изданныхъ Мартіаномъ), что въ его переводѣ прежде, чѣмъ онъ подвергся поврежденію, стояло также: ipse conteret caput ([53]). Это чтеніе имѣетъ за себя и всѣ манускрипты еврейскіе, нѣкоторые древніе списки Вульгаты, текстъ Самаританскій, всѣ древніе переводы и пунктуацію Мазаретскую; ему слѣдовали Филонъ, Онкелосъ, Іонафанъ, св. Ириней, Люциферъ Кальяри, Іеронимъ, св. Іоаннъ Златоустъ, Петръ Хрисологъ, св. Ефремъ, св. Левъ и др.

([52]) Слѣд. доказательство, которое думаютъ извлечь изъ *ipsa* Вульгаты въ пользу новаго догмата не имѣетъ цѣны для греко-униатовъ, которымъ разрѣшено пользоваться переводомъ Семидесяти. Обращаясь къ св. Писанію, они находятъ противное тому, чему ихъ учатъ. Какая странная несообразность!

([53]) Это обстоятельство чрезвычайно важно. Если Церковь имѣла намѣреніе принять для книги Бытія переводъ Іеронима, то она должна желать, чтобы онъ былъ таковъ, какимъ вышелъ изъ рукъ этого отца, и очистить его отъ всѣхъ ошибокъ, которыя вошли въ него послѣ.—

При такомъ множествѣ доказательствъ всякаго рода, сомнѣваться на счетъ истиннаго чтенія этого текста невозможно. Какъ же объяснить несогласное съ нимъ нынѣ чтеніе Вульгаты? Мартіаней замѣчаетъ, что *ipse* нѣкогда писалось *ipsae* и что переписчикамъ легко было опустить конечное *e*. Каково бы ни было это объясненіе, но ошибка въ латинскомъ текстѣ очевидна, и мы въ правѣ утверждать, что буквальное чтеніе 15 ст. III гл. книги Бытія также противно ученію о непорочномъ зачатіи Пресвятыя Дѣвы Маріи, какъ и его толкованіе, основанное на преданіи.

II.

Переходимъ ко второму тексту — Лук. 1, 28. — Кардиналъ Гуссе излагаетъ заимствуемое изъ него доказательство въ пользу новаго догмата въ слѣд. словахъ: «мы читаемъ въ Евангеліи св. Луки, что Архангелъ Гавріилъ, возвѣщая Пресв. Дѣвѣ Маріи неизреченное таинство, которое долженствовало совершиться въ Ней, обратился къ Ней съ такими словами: *радуйся благодатная: Господь съ тобою: благословенна ты въ женахъ.* — Слова — *благодатная, благословенная въ женахъ*, сказанныя Пресв. Маріи прежде, нежели открыто Ей намѣреніе о Ней промысла, выражаютъ особенное Ея преимущество, — такое преимущество, въ силу котораго, надобно полагать, Она была еще прежде вмѣстилищемъ благодати, была преисполнена благодатію и получила даже первое свое образованіе во чревѣ, или зачата, благодатно, — въ отличіе отъ прочихъ чадъ Адама, которые всѣ зачинаются во грѣхѣ. Таковъ смыслъ греческаго выраженія, которое Вульгата переводитъ чрезъ *gratia plena*... Посему-то отцы Церкви

всегда указывали на эти слова Ангела, когда считали нужнымъ утверждать народъ христіанскій въ вѣрѣ (содержимой имъ впрочемъ по преданію), относительно непорочнаго зачатія Матери Божіей.»—Затѣмъ, въ подтвержденіе своей мысли, Гуссе приводитъ древнія литургіи: св. Діонисія александрійскаго, Оригена, Софронія—друга Іеронима, Петра Хрисолога, св. Василія селевкійскаго, св. Анастасія синаита, Фульгенція, Пасхазія Радберта, Фульгенція шартрскаго, Петра де Блуа, Бонавентуру, Гуга де Сен-Шеръ, Петра Пасхазія, Діонисія картезіанскаго. За исключеніемъ словъ, взятыхъ изъ Евангелія, здѣсь, можно сказать, столько же ошибокъ, сколько словъ, столько же историческихъ подлоговъ, сколько положеній. Но будемъ разсматривать все по порядку.

Гуссе начинаетъ свой доводъ изложеніемъ смысла самаго текста. «Слова, говоритъ онъ, *благодатная, благословенная въ женахъ*, означаютъ, что Марія получила первоначальное образованіе во чревѣ, или зачата, благодатно,—въ отличіе отъ другихъ чадъ Адама, которые всѣ зачинаются во грѣхѣ: таковъ смыслъ греческаго выраженія, которое Вульгата передаетъ чрезъ—*gratia plena*». Говоримъ откровенно, что к. Гуссе не болѣе счастливъ въ своихъ филологическихъ выводахъ, какъ и въ доказательствахъ патрологическихъ.

Греческое слово κεχαριτωμένη употреблено еще два раза въ св. Писаніи: въ книгѣ Іисуса сына Сирахова (18, 17) и въ посланіи къ Ефесеямъ (1, 6). Посмотримъ, что̀ оно означаетъ въ сихъ мѣстахъ. Первое мѣсто читается такъ: *не се ли слово паче подаянія блага: обоя же у мужа благодатна* — παρὰ ἀνδρὶ κεχαριτωμένῳ (Вульгата: justificato). А второе—такъ: благословенъ

Богъ, Который *прежде нарекъ* насъ *во усыновленіе Іисусъ Христомъ въ Него, по благоволенію хотѣнія Своего, въ похвалу славы благодати Своея, еюже облагодати насъ*,— ἐν ᾗ ἐχαρίτωσεν ἡμᾶς. Кромѣ священныхъ книгъ, это слово встрѣчается и у другихъ писателей, какъ напр. у Симмаха (Traduct. du ps. 17. 26), всегда впрочемъ въ одномъ и томъ же значеніи. Послѣ сего всякій, сколько нибудь уважающій законы филологіи, долженъ согласиться, что слово κεχαριτωμένη, употребленное св. Лукою, означаетъ облагодатствованную, или оправданную, какъ переведено въ Вульгатѣ: «gratificata, justificata». Этотъ филологическій выводъ вполнѣ подтверждается контекстомъ рѣчи, который на этотъ разъ даетъ намъ столь очевидный смыслъ сего выраженія, что нельзя и представить возможности понять его иначе. Что говоритъ Ангелъ Дѣвѣ Маріи, смутившейся при наименованіи Ея благодатною (κεχαριτωμένη)? *Обрѣла бо еси благодать у Бога.* Чрезъ это онъ дополняетъ, уясняетъ и какъ бы намѣренно указываетъ смыслъ перваго своего привѣтствія. Прошу припомнить, что такое замѣчаніе не ново, и не я первый высказываю его. «Ангелъ называетъ Дѣву Марію благодатною, обогащенною дарами небесными», говоритъ ученый Калметъ,—потому «что Она обрѣла благодать предъ очами Божіими, какъ онъ (Ангелъ) тотчасъ же и сказалъ Ей: *обрѣла бо еси благодать у Бога*» (Лук. 1, 28). Также Янсеній въ своемъ, всѣми уважаемомъ, толкованіи на Евангелія говоритъ: «словами: *обрѣла еси благодать*, Ангелъ, по-видимому, представляетъ причину на то, почему онъ назвалъ Дѣву Марію *благодатною и благословенною въ женахъ*» (in Luc. 1, 30).

Вотъ что можно сказать о смыслѣ греческаго

слова — κεχαριτωμένη! Оно не даетъ той мысли, какую навязываетъ ему к. Гуссе, — будто т. е. оно означаетъ, что Дѣва Марія зачата безъ первороднаго грѣха. Что касается до латинскаго выраженія: «gratia plena, которое мы считаемъ весьма вѣрнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ греческому, то и оно означаетъ тоже самое. Въ самомъ дѣлѣ, если избранные Богомъ не лишены ни *во единомъ же дарованіи* (1 Кор. 1, 7); то, безъ сомнѣнія, Пресв. Дѣва Марія долженствовала быть исполнена ими въ высшей мѣрѣ. Это именно и разумѣли отцы, постоянно переводя слово—κεχαριτωμένη словами—gratia plena. «Это греческое слово, говоритъ Тиринъ, собственно значитъ: благодатная т. е. исполненная благодати, какъ перевели его отцы» (in Luc. 1, 28). И Алліоли: «*благодатная* т. е. получившая освящающей благодати болѣе всякаго другаго праведника, какъ избранная быть Матерью Спасителя: такъ единогласно толкуютъ св. отцы». Если бы здѣсь разумѣлось непорочное зачатіе, то Алліоли не преминулъ бы упомянуть объ этомъ.

Итакъ мнѣніе к. Гуссе касательно значенія греческаго слова, въ Вульгатѣ переведеннаго выраженіемъ: gratia plena, не выдерживаетъ критики. Преданіе, на которомъ онъ думаетъ основаться, еще менѣе оправдываетъ его. «Отцы,» говоритъ онъ, «ссылались на слова Ангела къ Пресв. Дѣвѣ Маріи, когда считали нужнымъ утвердить христіанъ въ вѣрѣ въ непорочное зачатіе Божіей Матери,—въ вѣрѣ, содержимой впрочемъ ими по преданію.» Опровергнуть это положеніе такъ легко, что можно бы не обременять читателя выпискою отеческихъ свидѣтельствъ,—какъ это нужно было дѣлать въ отношеніи къ первому тексту. Ибо рѣшитель-

но никто изъ отцевъ не высказывалъ мысли въ родѣ той, какую приписываетъ имъ кардиналъ. Намъ извѣстно мнѣніе Тирина и Алліоли. Изъ свидѣтельствъ, приведенныхъ Мальдонатомъ въ его извѣстномъ толкованіи, видно, что по общему мнѣнію св.. отцевъ такія слова обращены были Ангеломъ къ Дѣвѣ Маріи потому, что Ей было опредѣлено быть Матерію Бога, и что благодать, съ которою онъ привѣтствовалъ Ее, есть Самъ Іисусъ Христосъ, въ Которомъ живетъ *всяко исполненіе божества тѣлесиѣ*, въ Которомъ сокровенны *вся сокровища премудрости и разума Божія*. Таково единодушное ученіе отцевъ! Будучи впрочемъ совершенно согласны въ сущности дѣла, они нѣсколько разногласятъ между собою въ мысли второстепенной, какъ замѣчаетъ Мальдонатъ: «при всемъ томъ эти отцы нѣсколько разногласятъ между собою: одни думаютъ, что Марія была названа благодатною потому, что Она уже носила Христа въ Своей утробѣ: а другіе—потому, что Она имѣла еще принять Его. Къ числу первыхъ относятся блаж. Іеронимъ и св. Григорій неокесарійскій; а къ числу вторыхъ—Амвросій, Августинъ, Софроній, Хрисологъ, Беда, Рупертъ, Петръ Даміенъ, Бернардъ и Аѳанасій» (¹). Такое постоянное ученіе церковнаго преданія еще до-нынѣ слышится въ нашихъ литургіяхъ, которыя въ Дѣвѣ Маріи прославляютъ преимущественно Ея Богоматерство, величаютъ Ее блаженною и благословенною потому, что Она содѣлалась пречистою Матерію Спасителя, и что отъ Нея возсіяло Солнце Правды—Христосъ, Богъ нашъ.

(¹) Здѣсь перечислены всѣ замѣчательнѣйшіе отцы, изъяснявшіе слова Ангела къ Дѣвѣ Маріи.—На нихъ же ссылается или долженъ былъ сослаться и к. Гуссе.

Оставаясь вѣрными принятому нами методу, приступимъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ, какія представляетъ к. Гуссе.

1) Сначала онъ ссылается на древнія литургіи какъ то: св. Златоуста, св. Василія, св. Марка, св. Іакова и др. Но всѣ онѣ ничего не содержатъ такого, что̀ бы давало к. Гуссе право помѣстить ихъ въ ряду свидѣтельствъ о непорочномъ зачатіи. Мы согласны съ нимъ, что въ нихъ (литургіяхъ) усвояются Дѣвѣ Маріи названія — пресвятой, пречистой, нескверной, непорочной и преблагословенной. Такъ точно поступаемъ и мы. Сто разъ уже было доказано, что христіанская древность, называя Пресв. Дѣву пречистою, нескверною, непорочною имѣла въ мысли только достойно восхвалить и прославить Ее, какъ Матерь Бога-Слова, а не другое что.

2) У св. *Діонисія александрійскаго*, говоритъ кард. Гуссе, есть три мѣста, въ которыхъ онъ излагаетъ ученіе о непорочномъ зачатіи. Онъ говоритъ: «есть много матерей, но только одна и единственная дѣва, дщерь жизни, родила Живопосное Слово». — «Не въ скиніи работной вселился Христосъ, но въ Своей святой скиніи, несозданной рукою человѣческою, — въ Дѣвѣ Маріи» ([2]). «Слово, Сынъ Божій, сшедшій съ неба, носимъ былъ въ утробѣ Дѣвы Маріи и изшелъ изъ сего дѣвственнаго рая, изобиловавшаго всѣми совершенствами.» Эти мѣста извлечены, — первое изъ *посланія св. Діонисія къ Павлу самосатскому*, а другія два —

([2]) Non in servo inhabitavit (Christus), sed in sancto suo tabernaculo, non manufacto, quod est Deipara Maria. Выраженіе—non manufacto, явно означаетъ, что Пр. Дѣва Марія зачала — по дѣйствію Духа Святаго.

изъ *отвѣтовъ его къ нему же*, составляющихъ одну книгу съ посланіемъ: то есть, к. Гуссе, по своему обыкновенію, приводитъ намъ свидѣтельства изъ сочиненій чисто подложныхъ. Послушаемъ, что̀ говорятъ наши критики: «мы не принадлежимъ», говоритъ Мёллеръ, «къ числу тѣхъ, которые считаютъ это сочиненіе подлиннымъ. Не только древніе (и особенно св. Аѳанасій, для котораго важно было знать о немъ), не знали о существованіи такого посланія; не только нигдѣ не видно въ немъ высокаго слога Діонисіева, но оно еще полно анахронизмовъ» . . . Сельѐ, съ другой стороны, справедливо замѣтилъ, что «авторъ, по незнанію предмета, о которомъ шелъ споръ, приписалъ Павлу такія мысли, которыхъ онъ никогда не имѣлъ» (Т. II. p. 200). Ѳесслеръ также—«*посланіе къ Павлу самосатскому* и *отвѣты на десять вопросовъ Павла самосатскаго* считаетъ весьма подозрительными» (Том. I. p. 312). Впрочемъ, кто бы ни былъ авторъ этого *посланія и отвѣтовъ Павлу самосатскому*, защитники ученія о непорочномъ зачатіи вдвойнѣ несправедливы, ссылаясь на ихъ свидѣтельство. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ того, что мѣста, которыя они приводятъ, нисколько не говорятъ, какъ это само собою видно, въ пользу ихъ дѣла,—въ то̀мъ же сочиненіи есть одно мѣсто, которое явно не благопріятно для нихъ. Представляемъ его вниманію читателя: «если бы Христосъ не былъ Богомъ, то Онъ не могъ бы быть безгрѣшенъ — οὐκ ἠδύνατο εἶναι ἀναμάρτητος; потому что, кромѣ Христа, Бога Отца и Св. Духа, никто не свободенъ отъ грѣха (Ap. Labbe, Concil. t. I. p. 856).

3) Вотъ слова *Оригена*. «Ангелъ привѣтствуетъ Дѣву Марію новымъ словомъ, говоря Ей: *благодатная*

(κεχαριτωμένη). Не помню, чтобы я встрѣчалъ это слово гдѣ нибудь въ св. Писаніи: и, дѣйствительно, подобное привѣтствіе: *радуйся, благодатная*—не можетъ быть отнесено къ какому нибудь обыкновенному лицу человѣческому. Такое привѣтствіе было сдѣлано одной только Дѣвѣ Маріи. Если бы Она, соединявшая вѣденіе закона съ даромъ святости и, чрезъ каждодневныя размышленія, проникшая въ духъ сказаній пророческихъ,—если бы Она знала, что такое привѣтствіе было дѣлаемо и другимъ, то конечно не смутилась бы отъ него, какъ отъ привѣтствія новаго и необычайнаго» (in Luc. Hom. 6). Мы оскорбили бы читателя, если бы стали говорить ему, что въ этихъ словахъ нѣтъ и намека на ученіе о непорочномъ зачатіи. Но пойдемъ далѣе.—Здѣсь нѣтъ еще полной, законченной мысли; это есть только нѣкотораго рода введеніе къ главному предмету, который раскрывается у Оригена вслѣдъ за симъ. Сказавши о необыкновенномъ ангельскомъ привѣтствіи Дѣвѣ Маріи и о томъ, какъ Пресв. Марія смутилась, услышавъ необыкновенныя слова, которыя предсказывали Ей о событіи столько же важномъ, сколько и новомъ, Оригенъ тотчасъ объясняетъ эту тайну. «Поэтому-то Ангелъ спѣшитъ,» продолжаетъ Оригенъ, «сказать Ей: *не бойся, Маріамь, обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревѣ и родиши Сына и наречеши имя Ему Іисусъ. Сей будетъ велій и Сынъ Вышняго наречется*». Слѣд., по мнѣнію Оригена, также какъ и по мнѣнію всѣхъ отцевъ, Дѣва Марія названа благодатною — κεχαριτωμένη — не потому, будто Она зачата благодатно, въ отличіе отъ прочихъ чадъ Адамовыхъ, которыя зачинаются во грѣхѣ; но потому, что Она была, или имѣла быть Матерію Бо-

жіею. К. Гуссе, безъ сомнѣнія, не могъ этого не видѣть; и однакожъ не стыдится выставлять Оригена единомысленнымъ себѣ. — Чтобы еще яснѣе показать, какъ далекъ Оригенъ по своему образу мыслей отъ проповѣдниковъ новаго догмата, приведемъ изъ него и другое мѣсто. «Въ св. Писаніи сказано,» говоритъ онъ: «*кто бо чистъ будетъ отъ скверны? никто же, аще и единъ день житіе его на земли.* Значитъ, какъ скоро человѣкъ зачатъ во чревѣ своей матери, и отъ сѣмени отчаго получилъ вещество для своего тѣла, онъ уже бываетъ оскверненъ въ своемъ отцѣ и матери;... да, каждый человѣкъ оскверненъ въ матери и отцѣ. Одинъ только Господь мой Іисусъ пришелъ на землю непорочнымъ. Только Онъ одинъ былъ свободенъ отъ грѣха; потому что Онъ одинъ только воспріялъ тѣло, зачатое безъ скверны.» (Hom. XII in Levit. n. 4).

4) К. Гуссе ссылается также на *Софронія* древняго, друга Іеронимова. (In Homilia, или лучше in Epistola de Assumptione B. Mariae). Но хотя мы привыкли уже къ погрѣшностямъ к. Гуссе, тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться этой новой его ошибкѣ: — такъ легко было избѣжать ея, если бы онъ захотѣлъ. И одно заглавіе должно бы было побудить его не приписывать сего сочиненія несомнѣнно лицу, жившему въ 4-мъ вѣкѣ ([1]). Что касается до праздника, по случаю

([1]) Отцы первыхъ шести вѣковъ не оставили намъ ни одного подлиннаго сочиненія на сей случай. Правда къ концу 5-го в. было извѣстно одно сочиненіе подъ заглавіемъ: Transitus B. Mariae. Но это сочиненіе не признано Церковію и папа Геласій (въ 494 г.) внесъ его въ свой каталогъ подложныхъ книгъ (Labbe, Concil, t. IV. p. 1264. Conf. Natalis Alexander, Hist. Eccles. Saec. II, c. 4, act. 3).

котораго эта бесѣда написана (⁴), то извѣстно, что онъ сталъ называться праздникомъ — *взятія или вознесенія на небо* (Assumptio) только съ 8 вѣка (⁵). Въ концѣ 7-го вѣка папа Сергій I-й зналъ только о праздникѣ Успенія Божіей Матери, какъ свидѣтельствуютъ о томъ слова папскаго служебника (Liber Pontificalis) (⁶). Мартирологъ Беды Достопочтеннаго, восходящій къ началу 8-го вѣка, называетъ его тѣмъ же именемъ. Впрочемъ если бы к. Гуссе и не имѣлъ такихъ свѣдѣній, то могъ бы по крайней мѣрѣ изъ предисловія, помѣщеннаго Бенедиктинцами въ началѣ упомянутой бесѣды, узнать, что она не могла быть написана раньше конца 8 вѣка. Къ довершенію всего, Геранже въ своемъ — Mémoire sur la question de l'immaculée Conception (p. 71), которымъ к. Гуссе умѣлъ очень хорошо пользоваться, предварялъ его, что эту бесѣду всѣ вообще ученые относятъ къ произведеніямъ 9-го вѣка.

Кто бы впрочемъ ни былъ авторомъ этого сочиненія, который выдаетъ себя за друга бл. Іеронима, мы охотно займемся его бесѣдою или посланіемъ. — К. Гуссе приводитъ изъ него слѣдующую фразу: «Она была непорочна, потому что ни въ чемъ не подлежала поврежденію». Мы уже прежде доказали, что слово «непорочная», встрѣчающееся у древнихъ, никакъ

(⁴) Постоянно встрѣчаются выраженія: in die solemnitatis, festivitatis B. M. V.—Hanc festivitatem devotissime celebremus,—Solemnitas Assumptionis B. V. celebratur in ecclesiis, etc.

(⁵) Conf. Op. S. Hieronymi, éd. Migne, t. XI, p. 122. Monitum etc., Baluze. Notae ad lib. Capit. t. II, p. 1171.

(⁶) «Ut diebus Annuntiationis Domini, Nativitatis et Dormitionis Dei Genitricis semperque Virginis Mariae litania exeat a sancto Hadriano et ad S. Mariam populus occurrat.»

не можетъ доказывать ученія иммакулистовъ, если они не докажутъ намъ въ тоже время, что и древніе соединяли съ этимъ словомъ такое же значеніе, какое даютъ ему нынѣ иммакулисты. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, мы и слѣда не видимъ, что бы ему придавалось такое значеніе. Прочитайте это сочиненіе отъ начала до конца, — и вы найдете, что всюду въ немъ это слово (непорочная) относится къ Пресвятой Дѣвѣ, только какъ къ Богоматери. Приведенное мѣсто, если читать его въ связи съ контекстомъ, есть выраженіе той же мысли. «Она была непорочна, сказано тамъ, потому что ни въ чемъ не подлежала поврежденію. *Дѣйствительно* Она носила человѣка въ Своей утробѣ, не воспріявъ его от-нюды....» Смыслъ этихъ словъ ясенъ самъ собою; и нѣтъ нужды прибавлять къ нимъ какое-нибудь объясненіе. Притомъ тотъ же самый писатель въ другомъ мѣстѣ, (о которомъ к. Гуссе однакожъ умалчиваетъ,) яснѣе выражается касательно смысла словъ святаго евангелиста Луки. Именно: «Богъ Всевѣдущъ и Всемогущъ. Посему Онъ могъ, [такъ какъ Христу надлежало быть вмѣстѣ Богомъ и человѣкомъ], сочетаться и соединиться съ человѣчествомъ во чревѣ Дѣвы, не заимствуя притомъ грѣховной нечистоты.» «Значитъ, *Матерь Божія*, избранная на то, справедливо привѣтствована отъ Ангела именемъ *благодатной*». То есть, какъ замѣчаетъ Мальдонатъ, это высокое привѣтствіе относится къ Дѣвѣ Маріи, какъ къ будущей Матери Слова.—Если к. Гуссе, во что бы то ни стало, хотѣлъ сослаться на какое нибудь мѣсто изъ этого сочиненія, то отъ чего онъ не привелъ того мѣста, гдѣ сочинитель, въ предостереженіе своихъ читателей отъ слишкомъ большей довѣрчивости, сказав-

ши, что объ Успеніи Блаженной Дѣвы Маріи неизвѣстно ничего достовѣрнаго, въ заключеніи говоритъ слѣдующія слова, которыя не худо бы помнить въ наши дни: «благоразуміе учитъ насъ лучше довольствоваться одними догадками, въ случаѣ благочестиваго желанія знать что нибудь безвѣстное, чѣмъ безразсудно опредѣлять то, чего можно не знать безъ всякой опасности,—*quam inconsulte definire, quod sine periculo nescitur*?»

5. Мѣсто, приведенное изъ *Петра Хрисолога*, небольше другихъ благопріятно нашему богослову.— При этомъ кардиналъ Гуссе также ссылается и на св. Прокла и Амфилохія, указывая у нихъ мимоходомъ подобныя мѣста. Въ отношеніи къ послѣднимъ замѣтимъ только, что 6-е слово святаго Прокла (7) и 4-е Амфилохія (8), которыя онъ цитуетъ, суть сочиненія подложныя и притомъ довольно темныя; — и обратимся къ Петру Хрисологу. «Марія, говоритъ онъ, обручена была Христу во чревѣ матери тогда еще, какъ только была зачата.» *Cui est in utero pignorata, cum fieret.*— Не отрицаемъ, что эта фраза, взятая отдѣльно и разсматриваемая сквозь фальшивую призму иммакулизма, можетъ привесть къ заключеніямъ, благопріятнымъ

---

(7) «Шестое слово—подложное и наполнено нелѣпостями» (*Fessler*, t. II, p. 580).

(8) «Изъ бесѣдъ Амфилохія по крайней мѣрѣ восемь сомнительныхъ, или, вѣроятнѣе всего, подложныхъ; каковы бесѣды: 1. *In Christi natalem;* 2. *In Domini circumcisionem;* 3. *De occursu Domini;* 4. *In S. Deiparam et Simeonem,*» и проч. (ibid. t. I, p. 631). На эту то бесѣду и указываетъ к. Гуссе. Въ статьѣ: «Амфилохій», помѣщенной въ «*Kirchen-lexicon*», тотъ же авторъ говоритъ: «Его бесѣды 4-я и 8-я несомнѣнно подложны».

ученію о непорочномъ зачатіи. Но надобно знать, что самъ авторъ разумѣлъ здѣсь, а не то, что онъ, благодаря тому или другому толкованію, желалъ будто высказать. Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы онъ одинъ въ свое время высказалъ ученіе, неизвѣстное его современникамъ. Напротивъ, мы имѣемъ основаніе допустить противное: ибо тогда какъ онъ посвящаетъ семь рѣчей зачатію и рождеству святаго Іоанна Крестителя, тогда какъ въ преувеличенныхъ чертахъ изображаетъ его славу и величіе, мы не нашли въ его сочиненіяхъ и, особенно, въ его рѣчахъ о Пресвятой Дѣвѣ ни одного слова, которое бы намекало на Ея непорочное зачатіе: а это было бы неизъяснимо, если предположить, что тогда вѣровали въ такое зачатіе. Даже въ 140-мъ словѣ, изъ котораго заимствовано приведенное нами мѣсто, онъ разсуждаетъ о Пресв. Дѣвѣ, только какъ о Матери воплотившагося Слова. Здѣсь изображается у него, какъ «небесный вѣстникъ прилетаетъ къ Дѣвѣ Маріи, чтобы у Невѣсты Божіей истребить всякое желаніе человѣческаго обрученія,—не для того, чтобы отнять Ее у Іосифа, но для того, чтобы возвратить Ее, такъ сказать, Христу, Которому она была обѣщана отъ чрева матери, — еще тогда, какъ была только зачата». За тѣмъ писатель продолжаетъ: «но послушаемъ, что дѣлаетъ Ангелъ. *Вшедъ къ ней рече: радуйся благодатная: Господь съ Тобою*: это не простое привѣтствіе, но предъявленіе небеснаго дара. *Радуйся*, т. е. прими благодать, не смущайся, не заботься о природѣ. *Благодатная*, т. е. если благодать подается другимъ, то на тебя низойдетъ вся полнота благодати. *Господь съ Тобою*. Что это значитъ? То, что Онъ низойдетъ въ Тебя для того, чтобы воспріять

необыкновенное и чудесное рожденіе.» — Очевидно, что Петръ Хрисологъ, равно какъ и всѣ отцы, признаетъ, что *благодатною* названа Пресв. Дѣва, какъ Богоматерь; а это столь же далеко отъ мысли о непорочномъ зачатіи, сколько и отъ толкованія текста св. Луки, которое поддерживаютъ защитники Буллы. Но какой же смыслъ, по разуму Петра Хрисолога, должна имѣть эта его довольно оригинальная фраза, если только она вышла изъ-подъ его пера: «Пр. Дѣва Марія обручена была Христу во чревѣ матери, — тогда еще, когда только была зачата: — Cui est in utero pignorata, cum fieret»? Думаемъ, что на запутанномъ языкѣ этого писателя она выражаетъ очень простую богословскую истину, т. е. что Дѣва Марія отъ вѣчности была предназначена содѣлаться Матерію имѣющаго воплотиться Слова. Просимъ самаго читателя пересмотрѣть это мѣсто, въ полной увѣренности, что онъ не придетъ къ иному заключенію. Впрочемъ Петръ Хрисологъ, согласно со всею христіанскою древностію, учитъ, что Христу, для того, чтобы быть свободнымъ отъ первороднаго грѣха, надлежало родиться отъ дѣвы: другими словами — всѣ, родившіеся обыкновеннымъ образомъ, подлежатъ первородному грѣху. Christus accepit hospicium carnis, sed in aula virginis, ut... de pollutione humani corporis nil haberet (Serm. 15).

6) Такъ какъ к. Гуссе упоминаетъ только о св. *Василіѣ селевкійскомъ* и *Анастасіѣ Синаитѣ*, а не приводитъ ихъ словъ, то мы не можемъ ничего сказать о важности ихъ свидѣтельствъ. Впрочемъ не удивительно, что и здѣсь есть какая нибудь ошибка. Сочиненія св. Василія не всѣ подлинны; а Анастасій Синаитъ,

котораго к. Гуссе помѣщаетъ между писателями начала 5-го вѣка, жилъ въ концѣ седьмаго.

7) *Фульгенцій.* — К. Гуссе убѣжденъ, что этотъ писатель зналъ и исповѣдывалъ ученіе о непорочномъ зачатіи, и что онъ именно въ этомъ смыслѣ объяснялъ привѣтствіе Ангела Дѣвѣ Маріи; потому что въ его словѣ «de lavdibus Mariae ex partu Salvatoris» находятся слѣдующія слова: «когда Ангелъ сказалъ Маріи: *радуйся*, то сдѣлалъ Ей только небесное привѣтствіе, а когда сказалъ: *благодатная*, то этимъ показалъ, что первоначальный приговоръ гнѣва Божія рѣшительно уничтоженъ для Нея, и что Ей возвращена благодать полнаго благословенія,—et plenae benedictionis gratiam restitutam». Но кардиналъ и на этотъ разъ сдѣлался жертвою слишкомъ слѣпой довѣрчивости къ писателямъ, которыхъ онъ переписываетъ. Подлогъ этого слова столь общеизвѣстенъ, что объ немъ и говорить не хотятъ. Фесслеръ, перечисливъ сочиненія Фульгенція—подлинныя и подложныя, прибавляетъ, что Ренодъ, подъ именемъ этого писателя, издалъ нѣсколько рѣчей, которыя отнюдь не принадлежатъ ему: такова, между прочимъ, рѣчь de laudibus Mariae ex partu Salvatoris. (Ibid. t. II, p. 865). Что касается до самаго приведеннаго мѣста, то можно спросить: когда это для Пресвятой Дѣвы приговоръ гнѣва уничтоженъ и возвращена Ей благодать полнаго благословенія, — прежде или послѣ Ея зачатія?... Конечно послѣ, какъ это доказываетъ между прочимъ слово — restitutam (°).

(°) К. Гуссе, котораго, безъ сомнѣнія, затрудняло это слово—restitutam, постарался опустить его въ своемъ переводѣ. Онъ переводитъ это мѣсто такъ: «когда Ангелъ говоритъ: *радуйся*, *благодат-*

Какъ бы то ни было, мы не можемъ не поблагодарить к. Гуссе за то, что онъ обратилъ наше вниманіе на Фульгенція. Ни одинъ, быть можетъ, изъ отцевъ Церкви не училъ такъ ясно о томъ, что Пресвятая Марія зачалась во грѣхѣ, какъ онъ. Вотъ его слова: «такова благодать, говоритъ онъ, въ силу которой Богъ, нисшедшій на землю изгладить грѣхи, потому что въ Немъ нѣтъ грѣха, — зачатъ и родился человѣкомъ отъ плоти грѣха, въ подобіи плоти грѣха. И въ самомъ дѣлѣ, плоть Маріи, зачатой обыкновеннымъ образомъ — въ беззаконіяхъ, была, безспорно, плоть грѣха, отъ которой однако же родился Сынъ Божій въ подобіи плоти грѣха». ([10]).

8) *Пасхазій Радбертъ* (IX в.), правда, говоритъ объ освященіи Пресв. Дѣвы; но выражаетъ вмѣстѣ ту мысль, что оно послѣдовало послѣ зачатія. Вотъ его точныя слова: «хотя Марія рождена и зачата была

ная,—то показываетъ, что первый приговоръ гнѣва Божія былъ совершенно уничтоженъ для Нея *чрезъ полноту благодати и благословенія Божія*.»—Это одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ обмановъ, къ которымъ онъ пріучилъ насъ (смотр. прибавоч. примѣч. D).

([10]) «Haec est gratia, qua factum est, ut Deus, qui venit peccata tollere, quia peccatum in Eo non est, homo conciperetur atque nasceretur in similitudine carnis peccati de carne peccati. Caro quippe Mariae, quae *in iniquitatibus fuerat humana solemnitate concepta*, caro fuit peccati, quae Filium Dei genuit in semilitudine carnis peccati». (De inc. et grat.). Потомъ еще: «Ab hac servitute, qua nascens parvulus tenetur obstrictus, solus homo Christus Jesus liber est genitus: qui licet verus homo natus fuerit, non tamen interveniente concupiscentia carnis, nec ex concubitu mariti et feminae, sed de Spiritu Sancto natus, ita veram carnem de carne matris accepit, ut Dominus verus non culpam humanae sumeret originis, sed naturam» (De verit. praedest. et grat. lib. 1).

отъ плоти грѣха, хотя и Сама *была нѣкоторое время плотію грѣха*, но Она не была уже такою тогда, когда, предочищенная благодатію Св. Духа, названа отъ Ангела *благословенною въ женахъ*. И въ самомъ дѣлѣ, если бы Святый Духъ не освятилъ и не очистилъ Ее, то какимъ образомъ плоть Ея не была бы плотію грѣха ([11])?» И еще далѣе: «празднуютъ только рождество Іисусъ-Христово, Пресв. Дѣвы Маріи и св. Іоанна Крестителя. Рождество Іоанна Крестителя празднуется потому, что онъ, какъ св. Писаніе научаетъ насъ, былъ освященъ до своего рожденія; рождество Дѣвы Маріи празднуется также потому именно, что Она равнымъ образомъ *была освящена во чревѣ матери*» ([12]). Если послѣ сего встрѣчаются у этого писателя одно или два выраженія, по-видимому, говорящія въ пользу ученія о непорочномъ зачатіи ([13]), то справедливость

([11]) «At vero beata Maria, licet ipsa de carne peccati sit nata et procreata, ipsaque quamvis caro peccati fuerit, non tunc jam quando, praeveniente Spiritus Sancti gratia, ab Angelo prae omnibus mulieribus benedicta vocatur. Alioquin si non eodem Spiritu Sancto sanctificata est et emundata, quo modo ejus non caro peccati fuit?» De partu virg. lib. 1.

([12]) «Sic et beata virgo Maria, nisi in utero matris sanctificata esset, minime nativitas ejus colenda esset.» Ibid.

([13]) Эти два выраженія находятся на той же страницѣ той же статьи—De partu virginis — и не приведены к. Гуссе. Это—во 1-хъ: Nullis quando nata est (Deipara) subjacuit delictis, neque contraxit, in utero sanctificata, originale peccatum. Во 2-хъ: Constat eam ab omn originali peccato immunem fuisse. Въ первомъ текстѣ слово — *contraxit* находитъ свое непосредственное ограниченіе въ—*quando nata est* и *in utero sanctificata;* во второмъ — *immunem* можетъ означать только—*избавленную, освобожденную*.

требуетъ — объяснять ихъ въ связи со всѣмъ его ученіемъ. Тогда всякое затрудненіе исчезнетъ; ибо нельзя же подозрѣвать Пасхазія Радберта въ противорѣчіи самому себѣ, къ которому онъ былъ неспособенъ.

9) Нѣтъ также основанія думать, чтобы и *Фульбертъ шартрскій* (XI в.) держался того ученія, котораго держатся защитники непорочнаго зачатія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать его слова, приведенныя к. Гуссе: «душа и тѣло (Пресв. Дѣвы), которую Премудрость Бога Отца избрала Себѣ въ жилище, были чисты отъ всякаго порока и отъ всякой скверны». Эти слова дѣйствительно говорятъ намъ, что Пресв. Марія была въ состояніи совершенной чистоты въ то время, когда Слово Божіе воплотилось въ Ея дѣвственной утробѣ. Но время этого очищенія въ нихъ не опредѣлено, и ничто не даетъ намъ права заключать, что, по мысли этого писателя, очищеніе совершилось прежде рожденія, а не послѣ; тѣмъ болѣе, что въ бесѣдѣ, изъ которой извлечены эти слова, говорится о рождествѣ, а не о зачатіи Пресв. Дѣвы.

10) Мы не будемъ останавливаться ни на *Петрѣ де-Блуа*, который, по словамъ самаго к. Гуссе, говоритъ только о благодатномъ освященіи Пресв. Дѣвы, предполагающемъ нужду въ семъ освященіи и слѣдовательно нечистоту; ни на *Гугѣ де-Сенъ-Шеръ* (Hougues de-Saint-Cher) и *Діонисіи Картезіанскомъ* (Denys le Chartreux), изъ которыхъ онъ ничего не цитуетъ; ни на *Петрѣ Пасхазіѣ*, епископѣ іенскомъ (de Iaen) (XIII или XIV вѣка), котораго сочиненія кажутся намъ, по меньшей мѣрѣ, подозрительными, — и заключимъ нашъ обзоръ *Бонавентурою*. Непостижимо, какъ к. Гуссе

осмѣлился ссылаться на свидѣтельство такого ученаго, котораго мнѣніе по этому предмету такъ всѣмъ извѣстно. Бонавентура разбираетъ этотъ вопросъ очень пространно и *ex professo* въ своихъ комментаріяхъ на 3-ю книгу *мнѣній* (Dist. 3, p. 1. art. 1, q. 1 et 2). Мы ограничимся выпискою его окончательныхъ заключеній: «тѣло Пресв. Дѣвы было ли освящено до его одушевленія? тѣло Преславной Дѣвы не было освящено до его одушевленія, потому что освященіе должно совершаться особеннымъ благодатнымъ дѣйствіемъ, которое можетъ быть принято только душею, а не тѣломъ. Прежде ли освящена душа Преблагословенной Дѣвы, чѣмъ содѣлалась причастною первородному грѣху? Сообразнѣе съ благочестивою вѣрою и свидѣтельствами святыхъ думать, что Преславная Дѣва освящена послѣ того, какъ содѣлалась повинною первородному грѣху (14). Правда, к. Гуссе приводитъ два мѣста этого писателя, встрѣчающіяся въ его бесѣдахъ *о Дѣвѣ Маріи*. По первое говоритъ только объ освященіи послѣ *одушевленія и воспріятія первороднаго грѣха,* какъ объ этомъ сказано выше; а второе извлечено изъ бесѣды неподлинной, какъ это доказалъ Ангелъ Рокка (Angèle Rocca), римскій издатель твореній Бонавентуры. К. Гуссе утверждаетъ еще, что когда Бонавентурѣ поручено

---

(14) «An caro virginis sanctificata fuerit ante animationem? Gloriosae virginis caro ante animationem non fuit sanctificata, cum sanctificatio per aliquod superadditum donum fieri debeat, quod non in carne, sed in anima recipitur. An anima B. virginis sanctificata fuerit ante originalis peccati contractionem? Quod gloriosae virginis sanctificatio fuerit post peccati originalis contractionem, pietati fidei magis consonat et sanctorum auctoritati magis concordat».

было управленіе всѣмъ орденомъ, то онъ приказалъ праздновать зачатіе Пресв. Дѣвы во всѣхъ обителяхъ францисканскихъ (Frères mineurs). Если этотъ фактъ и дѣйствительно былъ, то онъ нисколько не доказываетъ, чтобы Бонавентура наконецъ принялъ мнѣніе о непорочномъ зачатіи. Ибо праздникъ Зачатія Пресв. Дѣвы, по словамъ Альвара Пелагія, имѣлъ предметомъ только благодатное освященіе Дѣвы Маріи: Illud festum debet referri ad sanctificationem, non ad conceptionem. Тоже подтверждаетъ и Ѳома Аквинатъ: «празднованіе Зачатія Пресв. Дѣвы отнюдь не даетъ права думать, что Она была святою въ самомъ зачатіи. Но такъ какъ неизвѣстно, въ какое время Она была освящена, то Ея освященіе мы празднуемъ въ день Ея зачатія.» (Pars III, quaest. 27.) (15). Беллярминъ въ свою очередь признаетъ, «что главное основаніе праздника Зачатія не есть непорочное зачатіе, но просто—зачатіе будущей Матери Божіей» (De cult. sanct. lib. 3. cap. 16).

Послѣ этого оставляемъ всякому судить, сколько правды въ возваніи к. Гуссе,—будто «отцы постоянно утверждали христіанскій народъ въ вѣрованіи въ непорочное зачатіе Божіей Матери — въ вѣрованіи, которое онъ содержалъ впрочемъ по преданію» (16). Мы

---

(15) Смотри примѣчаніе F.

(16) Считаемъ долгомъ прибавить, что кардиналъ Гуссе не первый высказалъ эту ложь. Въ буллѣ Ineffabilis говорится, что ученіе о непорочномъ зачатіи «процвѣтало со временъ самыхъ древнихъ, глубоко было укоренено въ умахъ вѣрныхъ и чудесно распространено во всемъ каѳолическомъ мірѣ стараніемъ и усердіемъ святыхъ епископовъ!» Видно, что примѣръ искаженія исторіи идетъ сверху.

знаемъ теперь, какъ учили о семъ отцы. Относительно народа замѣтимъ, что если справедливо, что онъ во всѣ времена содержалъ вѣру въ непорочное зачатіе, то какъ же Бернардъ, при первомъ появленіи этого ученія называлъ его произведеніемъ нѣсколькихъ умовъ— невѣжественныхъ и суевѣрныхъ? Какъ Бонавентура говорилъ открыто, что въ его время почти всѣ (fere omnes) вѣрили, что Марія зачата во грѣхѣ и что онъ никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь утверждалъ противное ([17])? Какъ это случилось, что когда Дунъ-Скотъ въ первый разъ съ высоты публичной каѳедры боязливо высказалъ эту мысль, Альварій Пелагій испустилъ крикъ испуга и совѣтовалъ всячески остерегаться — знакомить народъ съ этимъ ученіемъ — *химерическимъ и новымъ* ([18])? Какъ наконецъ самъ Скотъ принужденъ былъ сознаться, что его мнѣніе отнюдь не есть мнѣніе всеобщее?

Въ заключеніе противопоставимъ к. Гуссе человѣка, который о многомъ, можетъ быть, думаетъ согласно съ нимъ, но который столько уважаетъ науку и исторію, что не рѣшится искажать истину. «Послѣ Дунъ-Скота, говоритъ Г. Деллингеръ, прошелъ долгій еще промежутокъ времени, пока мнѣніе о непороч-

---

([17]) «Nullus invenitur de his, quos audivimus auribus nostris, dixisse virginem Mariam a peccato originali fuisse immunem.» (Loc. cit.).

([18]) Sententiam hanc (de maculata conceptione) tenent omnes antiqui theologi, Alexander, Thomas, Bonaventura et Richardus, licet novi quidam theologi, a sensu Ecclesiae recedentes, tenere contra (indevoti reipsa Domino, ei tamen devoti cupientes apparere) nitantur, eam quodammodo sic Deo et Filio suo comparentes: quorum opinio nova et fantastica sit a fidelibus cancellata.» (De planctu Ecclesiae, lib. 2 art. 52).

номъ зачатіи проникло въ школы и внѣдрилось въ церковную жизнь народа. Современное тогдашнее богословіе долгое время не переставало быть ему противнымъ. Кармелитъ Іоаннъ Баконъ, самый отличный богословъ своего ордена, называлъ его даже ересію: haeresis adulatoria et nimis devota.» (Kirchen lexicon, art. Scotus).

Оканчивая свое изслѣдованіе, мы ничѣмъ приличнѣе не можемъ заключить его, какъ словами Мураторія, которыя теперь естественно приходятъ намъ на память: «съ чистою любовію къ истинѣ мы разсмотрѣли писанія отцевъ и изучили ихъ мысли относительно вопроса, который насъ занимаетъ. Мы пламенно желали найти у нихъ то преимущество, которое приписываютъ Божіей Матери. Да и кто рѣшился бы отказать Ей въ этой чести, если бы возможно было доказать, что она была признана отцами? Но, — скажемъ со скорбію,—мы не могли найти ни одного, который бы признавалъ непорочное зачатіе, — ne unum quidem inveni.» Неужели же вся древность должна принять въ нашихъ глазахъ иной видъ, потому только, что Римъ подалъ противный голосъ?! И на тѣ несомнѣнныя свидѣтельства отцевъ, которые единогласно учили противно новому вѣрованію, ужели по этому одному можно смотрѣть, какъ на апокрифическія или искаженныя?! Что касается до насъ, то мы, вмѣстѣ съ Викентіемъ лиринскимъ исповѣдуемъ, что «тотъ истинно и искренно православенъ, кто, оставаясь твердымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ, не хочетъ ничего допускать и принимать, кромѣ того, что̀, по его разумному убѣжденію, всегда содержала вселенская Церковь: — Quidquid universaliter antiquitas Ecclesiam catholicam te-

nuisse cognoverit, id solum sibi tenendum credendumque decernit.» И говоримъ съ великимъ Иларіемъ: «я содержу вѣру; я содержу то̀, что̀ принялъ, и не измѣняю того, что̀ отъ Бога» ([10]). — Ego penes me habeo fidem.... quod accepi, teneo, nec demuto, quod Dei est.» (Ad const. aug. 1. 2. n. 8).

([10]) См. прибавоч. примѣч. G.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

А.

Бернардъ подаетъ намъ случай сдѣлать общее замѣчаніе о томъ, какъ несправедливо утверждать, что извѣстный отецъ или какой-нибудь церковный писатель признаетъ мнѣніе о непорочномъ зачатіи Дѣвы,— на томъ единственно основаніи, что у него встрѣчаются слова и фразы, которыми нынѣ выражаютъ это ученіе.

Въ самомъ дѣлѣ, никто болѣе Бернарда не благоговѣлъ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Въ его твореніяхъ встрѣчаются, какъ справедливо замѣчаетъ l'Observateur Catholique (1er année tom. 1. pag. 285), почти всѣ похвалы, которыя другими отцами Церкви были воздаваемы Матери Божіей. Но одно обстоятельство заставило его высказать свою мысль опредѣленно, и лишило нашихъ новыхъ богослововъ возможности провозгла-

шать его столпомъ ученія о непорочномъ зачатіи, а въ его твореніяхъ находить неисчерпаемый источникъ доводовъ въ пользу новаго догмата. Если бы каноники ліонскіе не вздумали ввести у себя праздникъ непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы Маріи, или Бернардъ не счелъ бы нужнымъ укорять ихъ за нововведеніе; то не было бы этого знаменитаго посланія Бернарда, и онъ снабдилъ бы нашихъ противниковъ тысячами свидѣтельствъ. Исторія ученія о непорочномъ зачатіи богата фактами этого рода; не мало ихъ представлено и въ нашемъ изслѣдованіи. Но да будетъ намъ позволено привести еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, которые намъ кажутся особенно разительными.

Современникъ Бернарда, писатель не менѣе благоговѣйный къ Пресв. Дѣвѣ Маріи, Годефруа писалъ: «Она была истинно непорочна сердцемъ и тѣломъ, vere immaculata corde et corpore,—Та, чрезъ которую грѣхъ, вошедшій въ родъ человѣческій чрезъ преступленіе прародителей, долженствовалъ быть изглажденъ и разрѣшенъ» (Hom. Dom. IV. ap. Migne, Patr. Latin. tom. CLXXIV, p. 38). Вотъ слова, какъ нельзя болѣе, благопріятствующія ученію о непорочномъ зачатіи; и зная, къ чему способны приверженцы этого вѣрованія, удивляешься, что они не сдѣлали изъ нихъ употребленія. Между тѣмъ Годефруа прибавляетъ нѣсколько ниже: «Преблагословенная Дѣва Марія, отложивъ все плотское, сдѣлала Себѣ, такъ сказать, нѣкоторое насиліе. Будучи зачата, подобно другимъ людямъ, Она могла подлежать требованіямъ человѣческой природы. Но, умерщвляя свое тѣло съ его страстями и похотію, Она сдѣлалась чуждою тому, что̀ должна была испытывать по закону первороднаго грѣха. Suum itaque

fuit carnali concupiscentia delectari, quia in ipsa concupiscentia, ut caeteri homines, concepta erat. Sed quod lege originalis criminis suum esse debuit, mortificando membra sua cum vitiis et concupiscentiis omnino a se alienum fecit» (Ibid. p. 40). Пусть бы Годефруа забылъ пополнить этимъ мѣстомъ свою прежнюю мысль, (что легко могло случиться),—и онъ навсегда прослылъ бы однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ иммакулистовъ.

Петръ Даміанскій представляетъ подобный сему примѣръ. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «плоть св. Дѣвы Маріи, взятая отъ Адама, была свободна отъ скверны Адамовой» (Serm. 40 in Assumpt. B. M. V). И булла Ineffabilis, за которой слѣдуютъ всѣ иммакулисты, не преминула украситься этимъ свидѣтельствомъ. Но достаточно прочитать это мѣсто въ цѣломъ составѣ, чтобы убѣдиться, что въ немъ нѣтъ и рѣчи о зачатіи Пресв. Дѣвы, и что новыя умозрѣнія объ этомъ предметѣ нисколько не занимали автора. Выслушаемъ его самаго: «между благовоніями, которыя изливаетъ Пресв. Марія, — Пѣснь Пѣсней (III, 6) называетъ особенно смирну и ладонъ. Смирна сохраняетъ тѣла отъ повреждения; ладонъ восходитъ къ Богу въ молитвѣ. Здѣсь смирна означаетъ воздержаніе, а ладонъ—благоговѣйный молитвенный духъ. Въ самомъ дѣлѣ, плоть Маріи, взятая отъ Адама, была свободна отъ скверны Адамовой; потому что чистота единственнаго въ своемъ родѣ воздержанія сдѣлала Ее лучезарнымъ отблескомъ вѣчнаго Свѣта. А что касается до благоговѣйнаго духа молитвеннаго, то кто можетъ сравниться съ Нею въ этомъ отношеніи? Вотъ тѣ два аромата, которые облекли добротою существо Пресв. Дѣвы, именно: воздержаніе и благоговѣйный духъ молитвенный. Одно

совершенно освятило Ея тѣло, а другое—духъ; оттого непорочнѣйшее тѣло и чистѣйшій духъ сдѣлались преимущественнымъ достояніемъ Матери Господа». Ужели и теперь это мѣсто представляетъ что-нибудь похожее на ученіе о непорочномъ зачатіи? Впрочемъ Петръ Даміанскій самъ разрѣшаетъ всякое на свой счетъ недоумѣніе, когда говоритъ: «Ходатай человѣческаго рода произошелъ съ плотію безгрѣшною отъ Дѣвы, которая зачата была во грѣхѣ (Lib. gratissimus, c. 19).

Изъ этихъ примѣровъ, принадлежащихъ концу того времени, до котораго преданіе оставалось еще чистымъ и неприкосновеннымъ, мы заключаемъ a priori, что выраженія писателей до XII в., наводящія на мысли, по-видимому, похожія на новый догматъ, не могутъ быть признаны рѣшительными о немъ свидѣтельствами, и что, слѣдуя здравой критикѣ, выводить изъ нихъ это ученіе нельзя.

B.

Человѣка съ умомъ прямымъ ничто не можетъ такъ убѣдить въ новости догмата о непорочномъ зачатіи, какъ чтеніе «епископскихъ отвѣтовъ на окружное посланіе папы отъ 2 февраля 1849, обнародованныхъ въ Римѣ, въ десяти томахъ in-8, подъ заглавіемъ: Pareri dell' Episcopato Catholico, etc.

Здѣсь прежде всего поражаетъ то, что хотя всѣ епископы наперерывъ изъявляютъ желаніе, чтобы эта честь непорочнаго зачатія была предоставлена Пресв. Дѣвѣ Маріи,—и надежду, что ученіе объ этомъ будетъ наконецъ утверждено, какъ догматъ, но ни одинъ не

осмѣлился сказать, что вѣрованіе въ непорочное зачатіе составляетъ дѣйствительно часть Откровенія, и что онъ и его Церковь содержала и содержитъ это ученіе, какъ догматъ Вѣры: всѣ, напротивъ, торжественно провозглашаютъ его новизну. Они не сами отъ себя говорятъ это; но, будучи первосвященниками лѣтъ сихъ, пророчествуютъ (Іоан. XI, 51). «Вѣрованіе въ непорочное зачатіе есть благочестивое мнѣніе, говоритъ епископъ ангулемскій, *которое весьма близко подходитъ къ членамъ Вѣры»* (1) (p. 72). «Между тѣмъ, говоритъ патріархъ антіохійскій (латинскій), нѣкоторые изъ подчиненныхъ мнѣ епископовъ подали мысль, что, принимая во вниманіе множество еретиковъ, не слѣдовало бы размножать члены Вѣры безъ крайней необходимости (!)» (p. 75). Епископъ аквинскій, понтекорвійскій и сорскій (de Sora) напоминаетъ, что еще въ 1848 году «онъ настоятельно просилъ верховнаго первосвященника, непогрѣшимаго рѣшителя спорныхъ вопросовъ (!), чтобы онъ благоволилъ догматически опредѣлить эту истину, которая въ свящ. Писаніи видна, только какбы сквозь покровъ; но, постепенно раскрываясь преданіемъ и практикою Церкви, нынѣ является въ такомъ свѣтѣ, что, *за исключеніемъ истинъ Вѣры*, нѣтъ ничего столько несомнѣннаго, какъ истина непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы Маріи» (p. 82). «Вотъ почему я полагалъ бы, говоритъ епископъ аргипскій (d'Areguipa), что Богу было бы пріятно, сколько для Его славы, столько же для усиленія благоговѣнія къ Пресв. Ма-

---

(1) Мы приводимъ слова въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ приведены у к. Гуссе.

ріи и утѣшенія благочестивыхъ христіанъ, чтобы таинство Ея чистѣйшаго зачатія *было включено въ число членовъ Вѣры каѳолической»* (p. 83). «Довершите же, наконецъ, святой отецъ, восклицаетъ епископъ андрійскій (d'Andria), это святое дѣло, которое *не разъ уже предпринимали и начинали, но безъ всякаго рѣшительнаго результата»* (p. 66). «У васъ ключи Вѣры (!), прибавляетъ епископъ арецкій (d'Arezzo); откройте, просимъ васъ, *обогатите сокровищницу Вѣры»* (p. 84). Епископъ асторгскій (d'Astorga) умоляетъ милосердіе папы, желая желаніемъ пламеннымъ, чтобы таинство непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы *было включено въ число догматовъ и членовъ Вѣры* опредѣленіемъ апостольскаго престола» (p. 96). Капитулярный викарій епархіи бизаркійской (Bisarchia) «желаетъ не менѣе пламенно, чтобы верховный первосвященникъ благоволилъ торжественно утвердить за Пресв. Матерію Божіею честь непорочнаго зачатія, *включивъ его въ число догматовъ Вѣры»* (p. 139). Епископъ городовъ Кальви и Теано изображаетъ «болѣзнь и печаль, которыя онъ испытываетъ, видя, что вѣрованіе въ предохраненіе Дѣвы Маріи отъ первороднаго грѣха составляетъ только дѣло личнаго благочестія, и что нѣтъ *никакого обязательства вѣрить тому, какъ члену Вѣры* (стр. 177). Архіепископъ кесарійскій умоляетъ Его святѣйшество «не отлагать долѣе столь желаннаго опредѣленія и *сдѣлать членомъ Вѣры* мнѣніе о непорочномъ зачатіи Преблагословенной Дѣвы Маріи» (p. 200). «Безпредѣльное уваженіе, которое епископъ города Мильто, управляющій епархіею ливорнскою, всегда оказывалъ и оказываетъ римскому престолу и его непогрѣшимому епископу, не позволяетъ ему высказать сущую правду

и выразить свое мнѣніе касательно важнаго вопроса: *должно ли присовокуплять новый членъ Вѣры къ другимъ членамъ Вѣры каѳолической»* (р. 368).—Такъ всѣ, каждый по своему, сознаются, какъ простодушно выражается епископъ сентъ-брюкскій, что «это благочестивое вѣрованіе *еще не включено въ число догматовъ Вѣры*, и что, созерцая таинство непорочнаго зачатія святѣйшей Дѣвы, чувствуешь, что недостаетъ *чего-то* (!) уму и сердцу, именно этой увѣренности, которая не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія» (р. 538) [2].

Что это за странныя рѣчи, которыя страшно слышать въ нѣдрахъ Церкви и которыхъ не знали отцы наши? Послушайте, какъ говорятъ апостолы, древніе отцы и учители, и судите сами, насколько можно считать нашихъ прелатовъ ихъ преемниками. *О Тимоѳее*, восклицаетъ св. ап. Павелъ, *преданіе сохрани, которое тебѣ ввѣрено, уклоняяся скверныхъ суесловій и прекословій* (1 Тим. 6, 20); *и яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ* (2 Тим. 2, 2). *Подобаетъ епископу быти держащемуся вѣрнаго словесе по ученію* (Тит. 1, 9). *Нѣцыи суть смущающіи вы, и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово. Но и аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 7—8). *Тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Ѳесс. 2, 15). «Пусть не

---

(2) Мы привели здѣсь только самыя замѣчательныя мѣста; но нѣтъ почти ни одного письма, въ которомъ нельзя было бы встрѣтить подобнаго рода признаній. Чтоже было бы, еслибы мы могли видѣть самые оригиналы?

приносится ничего новаго», говорить папа Стефанъ (S. Cypr. Ep. 74). «Да не будетъ допускаемо никакое нововведеніе, говоритъ Сикстъ III, потому что не должно ничего прибавлять къ древнему ученію. Чистая вѣра и чистыя вѣрованія древнихъ не должны быть измѣняемы какою-нибудь испорченною примѣсью мнѣній» (Ep. 2). А Оригенъ говоритъ: «мы не должны удаляться отъ первоначальнаго преданія, ни вѣрить чему-нибудь другому, кромѣ того, что̀ чрезъ постоянное преемство передали намъ церкви Божіи (In Math. cap. 46). Но особенно замѣчательны слова Викентія лиринскаго. Наученный смутами и бѣдствіями, причиненными аріанствомъ, онъ изложилъ, по этому поводу, неизмѣнныя начала истиннаго вѣроученія Церкви: «въ Церкви Божіей, говоритъ онъ, со всею заботливостію должно держаться того, чему вѣрили во всѣхъ мѣстахъ, во всѣ времена и всѣ вѣрные» (Comm. c. 2).

«*О Тимоѳее, преданіе сохрани, которое ввѣрено тебѣ.* Кто же въ настоящее время этотъ Тимоѳей, къ которому обращается Апостолъ? Это—Церковь вселенская, или въ частности собраніе епископовъ.... А это преданіе — что? Это, говоритъ онъ имъ, то̀, что̀ было вамъ ввѣрено, а не то̀, что̀ вами изобрѣтено; то̀, что̀ вы приняли, а не то̀, что̀ сами выдумали; что̀ происходитъ не отъ вашего ума, но отъ ученія, въ которомъ вы были наставлены; что̀ не составляетъ пріобрѣтенія частнаго, но есть достояніе всеобщее; что̀ преемственно дошло до васъ, а не вами произведено; чего вы должны быть не виновниками, а хранителями, не основателями, а послѣдователями; что̀ вы должны не вводить, а чему должны слѣдовать (Cap. 23). «Надобно бѣгать этой новизны въ словахъ, новости въ

ученіи о предметахъ Вѣры, — всего, что̀ не согласно съ древностію: ибо если принять что такое, то нужно будетъ совершенно, или, по крайней мѣрѣ, очень далеко уклониться отъ вѣры св. отцевъ, нужно будетъ признать, что почти вся Церковь вселенская, въ продолженіе долгаго ряда вѣковъ, находилась въ заблужденіи, и не знала того, чему должна была вѣрить» (Cap. 24). Какъ же поступать православному христіанину въ томъ случаѣ, когда бы какая нибудь язва новаго ученія грозила заразить собою всю Церковь? Ему нужно держаться *древности, которой хитрые провозгласители новизны не могутъ уже совратить»* (Cap. 24). — Нисходя по вѣкамъ, мы встрѣчаемъ Мельхіора Кано̀, который тоже говоритъ: «чего нѣтъ ни въ писаніи, ни въ преданіи апостольскомъ, или что не вытекаетъ изъ него съ очевидностію, то̀ никогда не можетъ быть предметомъ вѣры» (Soc. theol. lib. 7, not. 9). Также выражается и Боссюэтъ: «какъ скоро заговорятъ о предметахъ вѣры что нибудь такое, чего не говорили за день предъ тѣмъ, знай, что это — *иновѣріе*, т. е. иное ученіе, несогласное съ *православіемъ*. Всякое ложное ученіе, безъ особеннаго съ нашей стороны труда и изслѣдованія, можетъ быть узнано тотчасъ, *единственно по своей новизнѣ*; потому что во всякомъ случаѣ это будетъ что нибудь такое, что̀ не было постоянно извѣстнымъ. Чрезъ это-то свидѣтельство Вѣра становится доступною людямъ самымъ не образованнымъ, если только они смиренны.» (Prem. instr. sur les Prom., etc.). Вотъ и слова Флери: «для того, чтобы какое нибудь ученіе было признано за членъ Вѣры, нужно, чтобы преданіе о немъ было сохраняемо постоянно, всѣми и всегда, чтобы оно существовало

во всѣ времена и засвидѣтельствовано было единодушнымъ исповѣданіемъ всѣхъ церквей... Поэтому нужно отвергать всѣ мнимыя преданія, основанныя на ложныхъ свидѣтельствахъ, или на мнѣніяхъ частныхъ и новыхъ. Итакъ никакой догматъ не долженъ быть основываемъ на ложныхъ свидѣтельствахъ, или на частномъ мнѣніи какого нибудь учителя, какъ бы уважаемъ онъ ни былъ. Напрасно будете вы умствовать и доказывать, что извѣстное ученіе долженствовало быть именно таково, и что то̀, что̀ вы утверждаете, достойно Премудрости и Благости Божіей; нужно доказать, что Богъ хотѣлъ открыть и дѣйствительно открылъ намъ это; нужно доказать не то, что Церковь должна была и этому вѣровать, но то, что она дѣйствительно такъ вѣровала» (V-e Discours sur l'histoire Ecclesiastique, n. 13). И въ наше время здравомыслящіе богословы говорятъ не иначе: «послѣ Іисуса Христа и апостоловъ, говоритъ Либерманъ, не составляются уже новые догматы (Instit. theolog. ed. VI, t. II, p. 347). Потомъ, прилагая это начало въ частности къ тому предмету, о которомъ у насъ рѣчь, присовокупляетъ: «тѣ, кои требуютъ отъ Церкви торжественнаго приговора касательно непорочнаго зачатія Преблагословенной Дѣвы Маріи, показываютъ тѣмъ свое благоговѣніе къ Ней, но вмѣстѣ обнаруживаютъ и крайнее невѣдѣніе богословскихъ началъ. Церковь не изобрѣтаетъ новыхъ догматовъ... Нельзя ни прибавлять, ни убавлять ничего въ отношеніи къ тому, что̀ содержится въ первоначальномъ Откровеніи» (Ibid. t. III. p. 313). Предоставляемъ на судъ читателя эту замѣчательную параллель.

Кто не видитъ послѣ этого, что *Pareri* есть не-

чальный памятникъ извращенія здравыхъ началъ и вѣрныхъ правилъ истиннаго богословствованія. Эти епископскія посланія стоили бы особливаго тщательнаго изученія. — Мы не можемъ этого сдѣлать теперь; но считаемъ не безполезнымъ еще остановиться на нихъ нѣсколько, чтобъ указать проповѣдуемыя въ нихъ, новыя, неслыханныя прежде, ученія.

Всякому извѣстно, что мнѣніе о непогрѣшимости папы есть не болѣе, какъ произвольное мнѣніе, которое не можетъ принадлежать къ предметамъ Вѣры. Слѣдов. все, что вздумали бы основывать на немъ, не будетъ оттого ни болѣе несомнѣннымъ, ни менѣе слабымъ. Между тѣмъ изъ *Pareri* мы узнаемъ, что большая часть епископовъ имъ только и руководствовалась въ своихъ сужденіяхъ. Отказываясь отъ своего неотъемлемаго права—судить о предметахъ Вѣры, «они вполнѣ полагаются, какъ говоритъ к. Гуссе, на авторитетъ и мудрость св. отца, и свое согласіе на будущій судъ верховнаго первосвященника нисколько не поставляютъ въ зависимость отъ суда своихъ собратій по епископству.» Доказательства тому можно видѣть въ той же книгѣ нашего кардинала, написанной, какъ кажется, скорѣе съ этою цѣлію, чѣмъ для того, чтобы подтвердить истину новаго догмата. «Остается лишь пожелать, святѣйшій отецъ», восклицаетъ кардиналъ Кансіано, еп. сенегальскій, «чтобы ты, котораго Богъ поставилъ верховнымъ учителемъ и *непогрѣшимымъ руководителемъ въ дѣлѣ Вѣры, чтобы ты повелѣлъ Церкви*»... и пр. (p. 578). «Послѣ сего, святѣйшій отецъ, занимающій на землѣ мѣсто Іисуса Христа, въ лицѣ Петра, *одинъ*, получившій отъ Бога власть изъяснять смыслъ изреченія божественныхъ Писаній»,

говоритъ епископъ соанскій, «мнѣ остается только припасть къ стопамъ твоего святѣйшества, прося и умоляя приступить» и пр. (р. 582). «Поспѣшите;» пишутъ изъ Спиры, «воздать эту верховную почесть Пресв. Дѣвѣ Маріи своимъ *непогрѣшимымъ* догматическимъ опредѣленіемъ» (594 р.). Изъ Гвадслупы: «*рѣшенія папъ не подлежатъ разсмотрѣнію:* ибо они имѣютъ власть, равную власти главы апостоловъ, власти Іисуса Христа, власти Божіей» (р. 317). Изъ Пурсіи: «*одному* тебѣ поручено свыше поучать всѣ народы... Ты верховный судія истины» (р. 447). Изъ Тревизо: «Св. отецъ! отверзи святилище таинственныхъ прорицаній (oracles), возвѣсти великій догматъ (!)» (р. 621). Изъ Удино: «Святѣйшій отецъ, *наставникъ истины*, посредникъ между небомъ и землею, возвысь свой апостольскій голосъ и провозгласи съ тою увѣренностію, которую сообщаетъ тебѣ Богъ», и пр. (р. 634). И отвсюду вообще пишутъ такъ: «ты оракулъ Церкви вселенской, источникъ здраваго ученія, неизмѣнное правило вѣры. Твои опредѣленія непогрѣшимы, непоколебимы, неизмѣнны, рѣшительны. Мы теперь, какъ и всегда, покаряемся *непогрѣшимому* суду намѣстника Іисуса Христа» и пр. Наконецъ, Филиппъ Артикò, епископъ астійскій, у котораго всѣ эти нелѣпости доведены, кажется, до крайности, удивляетъ слѣдующими истинно изумительными словами: «усердно прошу тебя, святѣйшій отецъ, тебя, хранителя и судію въ дѣлѣ Вѣры, тебя, который отверзаешь небо, и, просвѣщаясь высшимъ свѣтомъ, *узнаешь сокровенные совѣты и тайны Божіи, тебя, дружески обращающагося съ Іисусомъ Христомъ*, Котораго ты служишь представителемъ, тебя, которому не плоть и кровь, но самъ Богъ

открываетъ истину, *открой* намъ наконецъ то преимущество, какое усвоено было Пресв. Дѣвѣ Маріи» и пр. (p. 95). Хотите ли видѣть еще примѣры глубочайшаго униженія, до котораго сами себя доводятъ епископы? Послушайте!—«Святѣйшій отецъ!» восклицаетъ бадаіозскій епископъ, дойдя до второй части твоего окружнаго посланія, я пришелъ въ смущеніе и замѣшательство при мысли, что оракулъ удостоилъ спросить меня о моемъ мнѣніи, меня—послѣдняго изъ епископовъ!. Признаюсь откровенно, святый отецъ, смущеніе и страхъ отняли бы у меня голосъ, языкъ мой прильнулъ бы къ гортани моей, я не въ состояніи былъ бы произнесть ни одного слова, если бы святая покорность не налагала на меня обязанности говорить» (p. 111). «Тебѣ достоитъ говорить», пишетъ епископъ байсскій, «а намъ слушать, слагать и хранить въ своемъ сердцѣ слова жизни, которыя ты изречешь» (p. 124). Потомъ нѣсколько голосовъ повторяютъ вмѣстѣ: «мы предоставляемъ это дѣло суду твоей святости; мы полагаемся на твою высокую мудрость и напередъ подчиняемся твоему непогрѣшимому рѣшенію». Замѣтимъ, что неиначе понимали это и въ Римѣ: «Пій IX совѣтовался, правда, съ священною коллегіею и съ епископами христіанскаго міра», говоритъ к. Гуссе, «но предоставилъ самому себѣ постановить рѣшеніе о догматѣ зачатія Дѣвы Маріи, — и относительно благовременности торжественнаго опредѣленія этого догмата и касательно тона и формы декрета» (Introd. p. 3).

Нѣкоторые изъ епископовъ, не довольствуясь тѣмъ, что отказались отъ священнѣйшихъ правъ своихъ, по-видимому, отказываются даже отъ здраваго смысла и логики. «Я не осмѣливаюсь», говоритъ откро-

венно епископъ гватемальскій, «проситъ о возведеніи этого мнѣнія на степень догмата; но я одобряю тѣхъ, которые просятъ» (p. 321). Менѣе робкій, но ещё болѣе непонятный архіепископъ парижскій, сказавъ рѣшительно, «что по началамъ богословскимъ мнѣніе о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, *не можетъ быть опредѣлено*, какъ догматъ Вѣры, и что *ни въ какомъ случаѣ* оно не можетъ быть выдано за такое вѣрованіе, которое необходимо надобно принимать, подъ опасеніемъ вѣчнаго осужденія», въ заключеніи говоритъ такъ: «въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, мы свои мнѣнія и убѣжденія подчиняемъ *верховному суду* намѣстника Іисуса Христа. Если *Вашему святѣйшеству благоугодно будетъ* это мнѣніе, своимъ торжественнымъ опредѣленіемъ, возвести на степень догмата; то мы преобразуемъ»... и пр. (p. 470 sqq.).

Весьма немногіе изъ прелатовъ, желая выказать свою ученость и показать, что они изучали этотъ предметъ добросовѣстно, выписываютъ отеческія свидѣтельства въ подтвержденіе ихъ благочестиваго вѣрованія. И что же это за свидѣтельства? — Это сборъ отрывковъ и фразъ изъ апокрифическихъ сочиненій, — всё отъ начала до конца, какъ, надѣемся, это доказано нами въ нашей статьѣ. Это заблужденіе или самопрельщеніе, въ устахъ епископа андрійскаго, принимаетъ форму забавную, отъ которой, кажется, еще болѣе увеличивается его нелѣпость. «Если я не возстану», говоритъ онъ, «и не буду настоятельно требовать догматическаго опредѣленія; то какъ осмѣлюсь возсѣсть въ сонмѣ святыхъ отцевъ на небѣ? Какъ мнѣ будетъ выдержать взоры Діонисія александрійскаго, Иринея, Кирилла, Епифанія, Ипполита, Ефрема, Амвросія и

множества другихъ, свидѣтельства которыхъ о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, собранныя въ одно, составляютъ какбы стройное воинство? Что буду отвѣчать Златоусту и Августину, Максиму (туринскому) и Ѳеодоту (анкирскому), Проклу и Фульгенцію?... Что скажу я Іерониму и Оригену, Седулію и Брунону»... и пр. (р. 64 sqq.). Ахъ! пусть трепещутъ лучше отъ того, что заставляютъ лгать этихъ отцовъ, искажая ихъ слова или навязывая имъ то, о чемъ они никогда не думали и чего никогда не писали!

Епископъ, вѣрный своимъ обязанностямъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ посовѣтоваться съ своимъ клиромъ, съ своею церковію. Нѣкоторые увѣряютъ, что они такъ и поступали; но большая часть не сдѣлали этого и слѣдов. худо исполнили свою обязанность. «Объявляю рѣшительно», говоритъ епископъ чападскій (въ Венгріи), «что я вѣрую, что св. Дѣва, Матерь Божія была зачата безъ первороднаго грѣха. Не могу сказать, такъ ли ясна и положительна вѣра народа, какъ моя собственная, но... и пр. (р. 251). «Возведеніе этого благочестиваго вѣрованія на степень догмата составляло бы для епископа урбинскаго предметъ величайшей радости..., но его клиръ и народъ..., по крайней мѣрѣ, сколько ему извѣстно, не обнаружили желанія видѣть рѣшеніе апостольскаго престола касательно этого предмета» (р. 633).

Епископъ Зеленаго Мыса (du Cap Vert), который вѣрно не считалъ обязанностію долго разсуждать о столь важномъ дѣлѣ, отвѣчалъ на другой день по полученіи имъ окружнаго посланія (р. 182).

Епископъ ципскій (Zips) смѣло увѣрялъ, что благоговѣніе его канониковъ, соборныхъ и простыхъ свя-

щенниковъ, всего клира и народа къ непорочному зачатію Преблагословенной Дѣвы Маріи безпредѣльно, и что всѣ пламенно желаютъ, чтобы Его святѣйшество опредѣлилъ... и пр. (p. 680); и однакожъ преемникъ его, не находя вовсе этого благоговѣнія въ своихъ пасомыхъ, нашелся выпужденнымъ дать совершенно другое свидѣтельство о расположеніи своего клира (p. 681). Наконецъ и епископъ города Сапны (de Sappa) подаетъ свой голосъ въ пользу опредѣленія мнимаго догмата, о которомъ, однакожъ, по собственному его признанію, его клиръ и народъ не имѣютъ *никакого понятія*» (p. 560).

Мы заимствовали изъ этихъ епископскихъ посланій только то̀, что̀ имѣло прямое и непосредственное отношеніе къ нашему предмету. Кто захочетъ подробнѣе изучить ихъ; тотъ найдетъ въ нихъ множество странностей и заблужденій. Мы не могли указать всѣхъ ихъ; а между тѣмъ обнаруженіе ихъ было бы весьма полезно для вразумленія тѣхъ, коихъ такъ стараются ввести въ заблужденіе.

С.

Наша статья была уже приготовлена ко второму изданію, когда удалось намъ достать сочиненіе патера Пассальи (De immaculato Deiparae semper Virginis conceptu commentarius), и мы успѣли воспользоваться имъ отчасти, какъ видно изъ нѣкоторыхъ нашихъ примѣчаній. Скажемъ о немъ еще нѣсколько словъ. Это объемистое сочиненіе, въ 1375 страницъ in-4, есть чудовищный сборникъ всего, что̀ было когда-либо ска-

зано или написано о Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Оно представляетъ поразительную смѣсь отрывковъ изъ твореній подлинныхъ и подложныхъ, древнихъ и новыхъ,— отрывковъ, часто не имѣющихъ никакого отношенія къ предмету и всегда почти приводимыхъ въ искаженномъ видѣ; словомъ, — это настоящій хаосъ, въ которомъ запутывается мысль, и самый предметъ теряется въ бездиѣ мелочныхъ и пустыхъ подробностей. Авторъ этого сочиненія, владѣющій, впрочемъ, не совсѣмъ обыкновенною ученостію, но ученостію безъ критики, отличается особенною способностію находить во всемъ, даже въ самыхъ простыхъ словахъ, исповѣданіе вѣры въ непорочное зачатіе Маріи. По его мнѣнію, чуть не вся Библія говоритъ объ этомъ мнимомъ преимуществѣ Божіей Матери, а отцы Церкви только имъ и занимались. Впрочемъ онъ, кажется, преданъ этому заблужденію со всею искренностію, и нѣтъ причины подозрѣвать его въ притворствѣ. Это нѣкотораго рода самообольщеніе, галлюцинація, первою жертвою которой сдѣлался онъ самъ и которой нельзя уничтожить какими-нибудь разсужденіями. Болѣе предосудительный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ всегда почти отеческія мѣста выражаетъ своими словами и такимъ образомъ, безъ зазрѣнія совѣсти, приписываетъ небывалыя мысли древнѣйшимъ и самымъ уважаемымъ въ христіанскомъ мірѣ писателямъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что гораздо лучше показать смыслъ извѣстнаго изреченія, чѣмъ переписывать самыя выраженія. Значительная часть его сочиненія, именно та, въ которой помѣщаются, такъ называемыя, *ясныя* свидѣтельства преданія, составлена по этой замысловатой методѣ ([3]); при-

([3]) Этой же самой методѣ отчасти слѣдовали въ буллѣ; потому

мѣры чего можно встрѣтить почти на каждой страницѣ. Чтобы дать понятіе о достоинствѣ сей книги, возмемъ наудачу страницу 815. Что̀ читаемъ тамъ? «De ipsa (Virgine) negari debet cum Tertulliano, *quod Eva delinquente deliquerit* (De carne Chr., c. 17); negari cum Origene, *quod cum Eva peccati fonte societatem ullam habuerit*» (In Luc., Hom. 8) etc.» Но этихъ предложеній нѣтъ у Тертулліана и Оригена, ни въ томъ мѣстѣ, на которое онъ ссылается, ни гдѣ-нибудь въ другомъ, и только послѣ изученія этихъ писателей, для котораго у очень немногихъ достанетъ времени и терпѣнія, вы замѣтите, что эти мнимыя свидѣтельства нечто иное, какъ нелѣпыя и произвольныя толкованія словъ этихъ писателей Церкви, между тѣмъ какъ они сами не говорятъ ничего подобнаго.

Мы не станемъ много распространяться о трудѣ патера Пассалльи; замѣтимъ только, что такъ какъ это сочиненіе составляетъ главный источникъ, изъ котораго черпали наши богословы, писавшіе о томъ же предметѣ; то изъ одного этого можно заключать, что у нихъ должно быть не мало ошибокъ и погрѣшностей, и что ихъ сочиненія не имѣютъ слишкомъ строгаго ученаго вѣса. Трудъ кардинала Гуссе служитъ тому доказательствомъ, какъ это видно изъ нашего разбора его сочиненія. Г. Гюэ въ своемъ «*опытѣ преобразованія католичества*» критически разобралъ «*Пастырское наставленіе епископа орлеанскаго*», и доказалъ, что изъ всѣхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ въ семъ послѣднемъ, нѣтъ ни одного, въ которомъ бы содер-

---

можно заключать не безъ основанія, что она вышла изъ подъ пера того же автора.

жалось ученіе о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи, если читать ихъ въ подлинникѣ и въ полномъ составѣ рѣчи.

D.

Мы брали изъ книги кардинала Гуссе и разбирали только то̀, что̀ прямо относилось къ нашему предмету, т. е. къ текстамъ свящ. Писанія. Если бы мы рѣшились указать на всѣ, встрѣчающіяся въ ней, ошибки и неточности; то наше сочиненіе вышло бы слишкомъ обширно. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ погрѣшностей такъ замѣчательны и такъ важны, что считаемъ долгомъ указать на нихъ. Это составитъ предметъ настоящаго примѣчанія.

На 725 страницѣ этой книги находимъ слѣдующее: «Ива, епископъ шартрскій, скончавшійся въ 1117 году, говоритъ (въ словѣ на день Рождества Христова), что Матерь Божія *была предохранена* отъ всякой нечистоты грѣха, какъ первороднаго, такъ и произвольнаго. Словамъ этимъ довольно будетъ только противопоставить самый текстъ, который въ подлинникѣ читается такъ: «Богъ изгладилъ въ Маріи всякую нечистоту грѣха, какъ первороднаго, такъ и произвольнаго. Потомъ, воспріявъ отъ Нея плоть, *преобразилъ* ее, сообщивъ ей чистоту Божественную, подобно тому, какъ вещественный огонь, проникая вещество, очищаетъ его и уподобляетъ себѣ» ([1]). Такимъ обра-

---

([1]) «Omne naevum tam originalis, quam actualis culpae in ea delevit; sicque carnem ejus sumens, eamdem in divinam munditiam transformavit..., sicut ignis materialis omnem materiam, quam assumpsit, mundans in se convertit».

зомъ всякій можетъ видѣть, что Ива шартрскій высказываетъ здѣсь мнѣніе, совершенно противуположное тому, какое ему навязываютъ. На страницѣ 723, к. Гуссе приводитъ слѣдующія слова Герве: «всѣ люди, безъ всякаго изъятія, *исключая только Матерь Божію*, умерли во грѣхахъ первородномъ и произвольныхъ... Марія, происшедшая отъ Адама, умерла бы по причинѣ грѣха, *если бы Она не была изъята отъ него Божественною силою*; но человѣчество Спасителя, воспріятое отъ Маріи, претерпѣло смерть, дабы уничтожить грѣхъ» ([5]). Ученый Эстій давно уже замѣтилъ, при простомъ чтеніи текста, что слова: *исключая Матерь Божію*, и: *если бы Она не была изъята отъ него Божественною силою*, — не могли принадлежать первоначальному тексту и что онѣ составляютъ позднѣйшую вставку. «Это исключеніе», говоритъ онъ въ толкованіи своемъ на 2 Кор. 5, 11, «прибавлено, вопреки намѣренію автора и во вредъ прямому смыслу самой фразы, лицемъ постороннимъ, ревновавшимъ, какъ я полагаю, о славѣ Матери Божіей, но не по разуму». Предположеніе Естія, и само по себѣ очевидное, вполнѣ оправдалось при пересмотрѣ манускриптовъ ([6]).

Такимъ образомъ повторять въ настоящее время эти неумѣстныя прибавленія, значитъ не обращать ни

([5]) «Omnes mortui sunt in peccatis, nemine prorsus excepto, *dempta matre Dei*, sive originalibus, sive etiam voluntate additis» (In II ad Cor. cap. V). «Maria ex Adam mortua propter peccatum, *nisi divinitus exempta fuisset;* et caro Domini ex Maria mortua propter delenda peccata» (In Ep. ad Rom., cap. 8). Эта вторая фраза взята слово въ слово изъ Августина, кромѣ — nisi divinitus exempta fuisset, чѣмъ особенно и обличается сдѣланная вставка.

([6]) Conf. S. Anselmi opera omnia, edit. Gerber. Censura libri De concept.

на что вниманія и оставаться глухимъ ко всему, коль скоро оттого выигрываетъ дѣло иммакулизма. Образъ дѣйствія кардинала Гуссе, въ этомъ отношеніи, какъ видно, не оставляетъ желать ничего болѣе ([7]). Какъ ни удивительно, что между свидѣтельствами въ пользу мнѣнія о непорочномъ зачатіи, к. Гуссе приводитъ и Ансельма, но вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, по поводу какого мѣста онъ дозволяетъ себѣ эту вольность. «Ансельмъ, говоритъ онъ, выражается такъ: прилично было, чтобы Богочеловѣкъ зачатъ былъ чистѣйшею Матерью, Дѣвою столь чистою, что, послѣ чистоты Божіей, высшей чистоты нельзя себѣ представить». Итакъ, по мнѣнію Ансельма, прилично было, чтобы эта Дѣва была чиста и свята въ самую первую минуту Ея зачатія; иначе можно представить себѣ чистоту высшую», и пр. (p. 726). Кардиналъ и дальше продолжаетъ умствовать въ томъ же родѣ; но если бы онъ потрудился прочитать изъ этого автора еще нѣсколько строкъ ниже, то, безъ сомнѣнія, уволилъ бы себя отъ труда набирать эти риторическія фразы. Въ самомъ дѣлѣ, Ансельмъ продолжаетъ такъ: «впрочемъ, я уже объяснилъ въ другомъ мѣстѣ, какъ эта самая Дѣва была очищена вѣрою прежде зачатія Ею Іисуса Христа» ([8]). И вотъ такъ-то всюду открываютъ преданія наши иммакулисты! На страницѣ 737 находимъ слѣдующія слова: «Фавстъ, аббатъ леринскій, бывшій потомъ, около 1175 г., епископомъ рѣзскимъ, гово-

---

([7]) Впрочемъ, онъ слѣдуетъ только примѣру Пассальи, который представляетъ тѣже самыя свидѣтельства въ доказательство своихъ мнѣній (Ibid. p. 1068).

([8]) «Qualiter autem eadem Virgo per fidem ante ipsam conceptionem (Christi) mundata sit, dixi» (De concept. Virgin. cap. 18).

ритъ, что Марія освящена была въ самомъ Ея зачатіи, и была зачата безъ всякаго грѣха—*sanctificata* est conceptu, absque omni peccato concepta est in utero». При этомъ смиренный сынъ Церкви, не дозволяя себѣ сомнѣваться въ словахъ одного изъ первыхъ своихъ пастырей или подвергать ихъ повѣркѣ, воздѣвъ свои руки къ небу, благодаритъ Провидѣніе за то, что оно сохранило столь древнее и столь рѣшительное свидѣтельство о постоянномъ вѣрованіи Церкви въ непорочное зачатіе Преблагословенной Дѣвы Маріи. И однакожъ это свидѣтельство столь положительное и ясное—не болѣе, какъ гнусный обманъ, искаженіе буквы и смысла, словомъ — преступленіе въ глазахъ Вѣры. Нѣтъ ничего проще и согласнѣе съ общимъ преданіемъ подлинной мысли епископа Фавста. Относя къ Дѣвѣ Маріи одинъ текстъ изъ пророка Іезекіиля, онъ говоритъ: «*дверь заключенная* означаетъ стыдливость, дѣвственность плоти непорочной; дѣйствительно, рожденіемъ (Спасителя) не было нарушено дѣвство Дѣвы Маріи, освященной зачатіемъ (Его)» (⁹). Вотъ и все. Что же касается словъ: «Она была зачата безъ всякаго грѣха — absque omni peccato concepta est in utero», которыя слѣдуютъ у к. Гуссе и производятъ такой эффектъ въ его книгѣ, то ихъ нѣтъ и слѣда у автора; это, какъ сознается Перроне, благочестивый обманъ, допущенный кѣмъ либо изъ особеннаго усердія къ Дѣвѣ Маріи, a pio

(⁹) «Porta clausa, id est signaculum pudoris, immaculatae carnis integritas; non enim violata est partu, quae magis sanctificata est conceptu». Замѣтимъ здѣсь этотъ двусмысленный переводъ Гуссе: «освящена была въ самомъ зачатіи своемъ». Можно бы подумать, что здѣсь говорится о зачатіи самой Дѣвы Маріи, между тѣмъ какъ въ этомъ мѣстѣ указывается на зачатіе отъ Нея І. Христа.

quodam Virginis cultore adjecta sunt! (De immacul., etc., c. 6. § 4). Мы не станемъ оцѣнивать такого дѣйствія благочестія; не хотимъ даже осуждать за то к. Гуссе, который, будучи обманутъ другими, впалъ въ погрѣшность, самъ не зная того. Но какое наказаніе уготовляетъ Господь писателямъ, которые не боятся употреблять ложь и обманъ для того, чтобы уловлять вѣру сыновъ Церкви подложными преданіями!

Мы уже видѣли, что кардиналъ Гуссе бываетъ при случаѣ не слишкомъ точнымъ переводчикомъ подлинныхъ отеческихъ словъ. Вотъ, въ заключеніе, послѣдній примѣръ: «въ соборномъ посланіи Ѳеодора, патріарха іерусалимскаго, говоритъ Гуссе, сказано, что Матерь Божія *прежде и послѣ рожденія* была существомъ, обладающимъ бо̀льшимъ величіемъ и бо̀льшею славою, нежели всякое другое существо видимое и невидимое». Если Марія, продолжаетъ кардиналъ, *въ своемъ происхожденіи и въ своемъ зачатіи* была славнѣе и выше всѣхъ людей и ангеловъ; то должно сказать, что Она рождена въ состояніи первоначальной невинности» (p. 720). Но это прекрасное разсужденіе теряетъ всю свою цѣну отъ одного слова, которое знаменитый кардиналъ позволилъ себѣ опустить. Ѳеодоръ говоритъ: «Та, которая есть истинно Матерь Божія, *какъ прежде, такъ и послѣ рожденія* (т. е. Спасителя, ante partum et post partum Virgo)—пребыла дѣвою; и превознесена славою и величіемъ (ὑπερτέραν δὲ δημιουργημένην) паче всякаго творенія, видимаго и невидимаго». — Предоставляемъ самому читателю сдѣлать по этому случаю свои заключенія. Происходитъ ли все это, о чемъ мы сейчасъ говорили, отъ одного только

недостатка познаній и строгихъ соображеній?!! — Мы желали бы, чтобы это было такъ.

Е.

Хотѣли приписать и бл. Августину также, какъ и другимъ св. отцамъ Церкви, ученіе о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи; но эта неудачная попытка въ недавнее время сильно опровергнута въ *Essais sur la reforme catholique* Г. Гюэ ([10]). Здѣсь основательно изслѣдованы и, можно сказать, окончательно объяснены всѣ мѣста, которыми *защитники непорочнаго зачатія* Пресв. Дѣвы Маріи стараются подтверждать свои мнѣнія. Намъ остается только просить читателя ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, представляющимъ собою образецъ здравой и сильной критики.

Но такъ какъ Г. Гюэ имѣлъ цѣлію только опровергнуть доказательства противниковъ: то, конечно, онъ могъ оставить безъ вниманія положительную сторону ученія бл. Августина, относительно зачатія Пресв. Дѣвы Маріи. Желая восполнить этотъ пропускъ, разсмотримъ нѣкоторыя мѣста, въ которыхъ бл. Августинъ особенно ясно и точно говоритъ объ этомъ предметѣ.

«*Одинъ Тотъ родился безъ грѣха, Кого зачала Дѣва безъ участія мужа, не въ похоти плоти, но въ повиновеніи духа*» ([11]).

([10]) Стр. 485—486, 498—504, 513.

([11]) Solus sine peccato natus est, Quem sine virili complexu, non concupiscentia carnis, sed obedientia mentis Virgo concepit (De peccat. merit. l. I, n, 57).

«Одинъ Тотъ, Кто, и содѣлавшись человѣкомъ, пребылъ Богомъ, никогда не имѣлъ грѣха и не принялъ плоти грѣха, *хотя принялъ ее отъ матерней плоти грѣха; ибо принявши ее, Онъ очистилъ ее или предъ принятіемъ, или въ самомъ принятіи»* ([12]).

«Тѣло І. Христа взято было отъ плоти жены, — *которая была зачата отъ плоти грѣха. И, между тѣмъ, такъ какъ оно не было зачато въ Ея чревѣ такимъ же образомъ, какъ Она была сама зачата; то оно не было плотію грѣха, но только подобіемъ плоти грѣха* ([13]).»

([12]) Solus ergo Ille etiam homo factus manens Deus, peccatum nullum habuit unquam, nec sumpsit carnem peccati, quamvis de materna carne peccati: quod enim carnis inde suscepit, id profecto aut suscepiendum mundavit, aut suscepiendo mundavit (Ibid. l. II, n. 38,.

([13]) Pro inde corpus Christi, quamvis ex carne feminae assumptum est, quae de illa carnis peccati propagine concepta fuerat; tamen quia non sic in ea conceptum est, quomodo fuerat illa concepta, nec ipsa erat caro peccati, sed similitudo carnis peccati» (de gen. ad lib. II, lib. X, n. 32). Слова: *тѣло* и *плоть* употребляются весьма часто бл. Августиномъ точно также, какъ и въ св. Писаніи, для означенія цѣлаго человѣка. Св. Писаніе говоритъ: *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14)*; зане отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ* (Рим. 3, 20): *и узритъ всяка плоть спасеніе Божіе, яко Господь глагола* (Ис. 40, 5). Бл. Августинъ учитъ, что, между множествомъ значеній, въ которыхъ принимается слово *плоть*, оно означаетъ также и *человѣка вообще*, когда принимается часть вмѣсто цѣлаго (De civit. lib. XIV, c. 2). Слѣд. на основаніи этихъ выраженій *бл.* Августина нельзя утверждать, что онъ считаетъ сѣдалищемъ грѣха одну только плоть. «Не одна плоть младенца, говоритъ бл. Августинъ, но и душа нуждается въ помощи Спасителя и Искупителя» (De pecc. merit. l. II, n. 59). Никогда св. отцы не имѣли той мысли, будто первородный грѣхъ обитаетъ въ одномъ тѣлѣ. «Грѣхъ первородный, говоритъ Ансельмъ, находится только въ существѣ разумномъ.... Зародышъ человѣка не можетъ быть причастенъ первородному грѣху, прежде чѣмъ сдѣлается человѣкомъ.. А безъ души, отъ которой человѣкъ назы-

.....«Такъ какъ въ сѣмени человѣческомъ находится и видимое вещество и невидимое начало; то и то и другое истекало изъ Авраама, или лучше, изъ самаго Адама—*до самаго тѣла Маріи, которое также было зачато и рождено обыкновеннымъ образомъ.* Что же касается до І. Христа, то Онъ принялъ существо Своей плоти отъ плоти Св. Дѣвы Маріи: но начало Его зачатія низошло съ неба, а не произошло отъ сѣмени человѣческаго» ([14]).

«Безъ всякаго сомнѣнія, плоть І. Христа не есть плоть грѣха, но только подобіе плоти грѣха. *Она одна составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе; всякая другая плоть есть плоть грѣха.* Отсюда слѣдуетъ, что похоть, отъ которой І. Христосъ не восхотѣлъ быть зачатымъ, есть начало распространенія зла въ мірѣ. Тѣло Маріи хотя и *произошло отъ похоти*, но не сообщило ея тому тѣлу, которое зачато не отъ ней (похоти). Кто отвергаетъ эти истины и уподобляетъ плоть І. Христа плоти каждаго человѣка, утверждая, что та и другая имѣетъ одинаковую чистоту, тотъ *окаянный еретикъ*» ([15]).

вается разумнымъ существомъ, человѣкъ не можетъ быть человѣкомъ» (De concept. Virg. c. 3).

([14]) Cum enim sit in semine et visibilis corpulentia et invisibilis ratio, utrumque cucurrit ex Abraham, vel etiam ex ipso Adam, usque ad corpus Mariae; quia et ipsum eo modo conceptum et exortum est. Christus autem visibilem carnis substantiam de carne Virginis sumpsit; ratio vero conceptionis ejus non a semini virili, sed longe aliter ac desuper venit» (Ibid. n. 35).

([15]) «Sine dubio caro Christi non est caro peccati, sed similis carni peccati. Quid restat, ut intelligamus, nisi ea excepta, omnem reliquam humanam carnem esse peccati? Et hinc apparet, illam concupiscentiam, per quam Christi concipi noluit, fecisse in genere humano

«Будемъ хранить это неизмѣнное исповѣданіе вѣры: *Единъ есть Рожденный безъ грѣха*, въ подобіи плоти грѣха ([16]).

Мы могли бы привесть безчисленное множество и другихъ мѣстъ изъ бл. Августина; но ограничимся извлеченіемъ изъ письма 187, въ которомъ кратко изложено все ученіе этого отца о первородномъ грѣхѣ и о возстановленіи человѣка. Этотъ отрывокъ отличается особенною точностію и не допускаетъ никакихъ возраженій. Мы съ своей стороны только прибавимъ нѣсколько словъ, чтобы уяснить для читателей нѣкоторыя темныя выраженія.

«Изъ всего, что я сказалъ, легко можно видѣть, что рожденіе и возрожденіе — двѣ вещи совершенно различныя, хотя то и другое совершаются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Онѣ и происходятъ отъ двухъ различныхъ лицъ: одна—отъ перваго Адама, другая—отъ Втораго т. е. І. Христа». «И недуховное напередъ образуется въ насъ, говоритъ св. Апостолъ, но земное и животное; духовное же привходитъ послѣ. Первый человѣкъ—земный сотворенъ изъ земли, а Вторый—небесный—сошелъ съ неба. Такъ какъ первый человѣкъ—земный; то и чада его—земныя; а какъ Вторый человѣкъ—небесный; то и чада Его—небесныя. И какъ мы

---

propaginem mali; quia Mariae corpus quamvis inde venerit, tamen eam non trajecit in corpus, quod non inde concepit. Quisquis haec negat et carnem Christi ita comparat nascentium hominum caeterorum, ut asserat, utramque esse puritatis aequalis, detestandus haereticus invenitur» (Contr. Iulian. l. V, n. 52).

([16]) Teneamus ergo indeclinabilem fidei confessionem: Solus Unus est, Qui sine peccato natus est in similitudine carnis peccati (De pec. merit. l. II, n. 35).

носимъ въ себѣ человѣка земнаго; то будемъ также носить и образъ Небеснаго. Какъ смерть была внесена въ міръ первымъ изъ нихъ, такъ избавленіе отъ смерти даровано Вторымъ; ибо какъ чрезъ Адама всѣ умираютъ, такъ чрезъ І. Христа всѣ оживутъ».

«Если Апостолъ употребляетъ въ томъ и другомъ случаѣ слово *всѣ*; то это потому, что какъ всѣ умираютъ неиначе, какъ только чрезъ Адама, такъ никто не получитъ жизни, какъ только чрезъ І. Христа... И какъ мы умираемъ только потому, что происходимъ по плотскому рожденію отъ Адама; такъ не можемъ имѣть и жизни, если не будемъ членами І. Христа и не соединимся съ Его тѣломъ духовнымъ союзомъ».

«Для насъ не довольно только родиться, намъ нужно еще возродиться; но І. Христу нужно было только родиться, потому что Онъ родился безъ грѣха и въ состояніи совершенной правоты, тогда какъ мы только посредствомъ возрожденія можемъ достигнуть этого состоянія правоты (17). Если Онъ благоволилъ креститься; то это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы Своимъ смиреніемъ освятить таинство нашего возрожденія».

Іисусъ Христосъ не восхотѣлъ родиться обыкновеннымъ образомъ; потому что хотя связь двухъ половъ въ супружествѣ бываетъ законною и хотя святость супружеская можетъ поставить предѣлы похоти, которая обитаетъ въ нашемъ мертвенномъ тѣлѣ, но это не освобождаетъ дѣтей, которые рождены такимъ образомъ, отъ необходимости быть возрожденными. Итакъ

---

(17) Замѣтьте у бл. Августина — *возродиться* значитъ перейти изъ состоянія грѣха въ состояніе невинности, — правоты.

надлежало, чтобы ничто подобное не имѣло мѣста въ образованіи тѣла І. Христа: почему Господь І. Христосъ и родился отъ Дѣвы, которая не испытала плотскихъ волненій, и ради насъ принялъ отъ Ней плоть, которая была только подобіемъ плоти грѣха, для того, чтобы очистить въ насъ плоть, которая была истинно плоть грѣха. Потому что, какъ чрезъ грѣхъ одного, говоритъ св. Апостолъ, всѣ люди подверглись осужденію; такъ и чрезъ правду Одного всѣ люди получили оправданіе, дарующее жизнь». Это значитъ: какъ всякій человѣкъ раждается только чрезъ посредство плотской похоти, которая идетъ отъ перваго Адама; такъ *каждый и возраждается только чрезъ дѣйствіе благодати, принесенной вторымъ Адамомъ. Слѣдовательно одному мы принадлежимъ по первому рожденію, а Другому — по второму. Но такъ какъ необходимо уже принадлежать первому прежде, чѣмъ принадлежать Другому, потому что никто не можетъ возродиться, не родившись прежде*; то, безъ сомнѣнія, І. Христосъ, не имѣвшій нужды въ возрожденіи, былъ рожденъ совершенно особеннымъ образомъ. Почему же не имѣлъ Онъ нужды въ возрожденіи? *Потому что, не будучи никогда во грѣхѣ, Онъ не долженъ былъ переходить изъ состоянія грѣха въ состояніе праоты,—и потому что Его Матерь не въ беззаконіи зачала Его и не во грѣхѣ питала Его во чревѣ своемъ* ([18]). Въ самомъ дѣлѣ, св. Марія

([18]) «Quadpropter si ad illum (Adamum) nascendo pertinemus, ad hunc (Christum) renascendo; nec renasci quisquam potest, antequam natus sit: profecto ille singulariter natus est, cui renasci non opus fuit; quia non ex peccato, in quo nunquam fuit, transitum fecit, neque in iniquitatibus conceptus est, aut cum in delictis mater ejus in utero aluit».

сдѣлалась матерью только дѣйствіемъ Св. Духа, снисшедшаго на Нее и силою Вышняго осѣнившаго Ее; и отъ того-то святый плодъ, родившійся отъ Нея, нареченъ Сыномъ Божіимъ... Что касается до другихъ людей, исключая Того, Кто есть краеугольный камень, я не вижу для нихъ другаго средства содѣлаться храмомъ Божіимъ и быть для Бога жилищемъ, кромѣ духовнаго возрожденія, которому необходимо предшествуетъ рожденіе плотское. «Такимъ образомъ, какъ бы мы ни думали о дѣтяхъ, находящихся въ утробѣ матери, и хотя бы слова св. Евангелиста, который говоритъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, что онъ взыгрался радостію во чревѣ матернемъ, (что произошло не иначе, какъ по дѣйствію Св. Духа),—или слова Самаго Господа, сказанныя Іереміи: *Я освятилъ тебя прежде, чѣмъ ты вышелъ изъ чрева матери*,—давали или не давали намъ основаніе думать, что дѣти въ этомъ состояніи способны къ нѣкоторому освященію; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что то освященіе, по которому всѣ мы вмѣстѣ, и каждый въ особенности, бываетъ храмомъ Божіимъ, возможно только *для возрожденныхъ, и что возрожденіе всегда предполагаетъ рожденіе*». «Не надобно смѣшивать зачатія съ рожденіемъ: только тогда, когда мы являемся на свѣтъ изъ чрева матери, можно сказать, что мы раждаемся, и только послѣ того, какъ родимся такимъ образомъ, мы бываемъ въ состояніи возродиться водою и Св. Духомъ».

«Такимъ образомъ только тѣ, которые уже родились, могутъ соединиться съ Іисусомъ Христомъ и быть въ союзѣ съ этимъ божественнымъ Тѣломъ, которое дѣлаетъ Его Церковь живымъ храмомъ величія Божія; и это совершается въ нихъ не по какимъ-либо

дѣламъ ихъ праведнымъ, но по благодати возрожденія,—renascendo per gratiam, которая извлекаетъ ихъ изъ развалинъ массы Адамовой и помѣщаетъ въ твердое зданіе Іерусалима небеснаго».

«Когда Посредникъ нашего спасенія видимо пришелъ въ міръ, Онъ восхотѣлъ, чтобы наше примиреніе съ Богомъ совершалось посредствомъ видимаго таинства, тогда какъ примиреніе древнихъ совершалось чрезъ нѣчто невидимое и сокровенное, хотя они спасались не иначе, какъ тою же самою вѣрою, которая спасаетъ насъ нынѣ, и которая должна была открыться только въ свое время».

Мы не будемъ останавливаться на этихъ словахъ бл. Августина и доказывать, что онѣ суть не иное что, какъ торжественное обличеніе иммакулизма. Достаточно будетъ замѣтить, что слово — *возродиться*, прилагаемое къ Дѣвѣ Маріи этимъ великимъ учителемъ, употребляется имъ во всемъ его обширномъ значеніи. Августинъ точно также былъ нерасположенъ приписывать Пресв. Дѣвѣ непорочное зачатіе, какъ и очищеніе in utero, во чревѣ отъ грѣха первороднаго, и мы не сомнѣваемся, что если бы онъ захотѣлъ выразить свою мысль объ этомъ предметѣ опредѣленно, выразилъ бы ее подобно Ансельму, который сказалъ: «Св. Дѣва была очищена вѣрою, когда бы то ни было, только прежде, чѣмъ зачала, — Virgo per fidem ante conceptionem mundata est».

Но какъ же, послѣ сего, бл. Августинъ могъ сказать, что онъ *не предоставляетъ Дѣву Марію діаволу по закону рожденія* (т. е. по причинѣ рожденія въ первородномъ грѣхѣ)? Могъ; потому что онъ тотчасъ

же говоритъ во второй половинѣ фразы, *что этотъ законъ уничтоженъ благодатію возрожденія* ([19]).

Безъ сомнѣнія нашъ св. учитель, провозглашающій безусловно, что всѣ, рожденные отъ человѣческой похоти, подлежатъ виновности Адама, былъ увѣренъ, что св. Дѣва по рожденію была причастна первородному грѣху; онъ не думалъ отвергать этого, какъ доказываютъ всѣ выше приведенныя мѣста. Равнымъ образомъ ему не безъизвѣстно было, что въ этомъ отношеніи Она принадлежала нѣкоторымъ образомъ діаволу въ силу начала: *подъ властію діавола находятся тѣ, которые раждаются отъ плотскаго совокупленія, прежде нежели возродятся* (Contr. Iulian. Pel. IV, n. 37). Но онъ зналъ также, какъ и говоритъ объ этомъ нѣсколько выше, что Богъ можетъ исправить тò, чтò приноситъ съ собою рожденіе. *Illud a Deo sanabile est, quod trahit nativitas* ([20]). Итакъ, если онъ говоритъ,

---

([19]) Non transcribimus Mariam diabolo, conditione nascendi, sed ideo, quia ipsa conditio solvitur gratia renascendi. Пассалья раздѣляетъ эту фразу, и первой части текста усвояетъ силу безусловную, которой будто не можетъ ослабить вторая. Но такое объясненіе грѣшитъ противъ всѣхъ правилъ Герменевтики. Чтобы хорошò понять смыслъ автора, надобно обращать вниманіе на всѣ его показанія и разсматривать фразу въ ея связи. Слѣд. нельзя разъединять того, чтó бл. Августинъ соединилъ. Слова: sed ideo—во второй части фразы служатъ объясненіемъ и ограниченіемъ для первой; онѣ показываютъ, что первую нужно изъяснять не иначе, какъ при свѣтѣ второй, и что особенно на вторую—то и надобно обратить вниманіе.

([20]) Августинъ не смутился бы мыслію, которою столько соблазняются нынѣ, что, если Пресв. Марія подлежала первородному грѣху, то Она должна была быть хоть сколько нибудь времени врагомъ Божіимъ, состоять подъ гнѣвомъ Божіимъ. Въ самомъ дѣлѣ, по мысли св. отца, предъизбранные, хотя и принадлежатъ къ массѣ погибающихъ, но всегда составляютъ предметъ особеннаго божествен-

что не предаетъ (non transcribimus) Марію сатанѣ; то это потому, что Ея Спаситель силенъ исхитить Ее изъ рукъ сатаны, разрушить договоръ, тяжесть котораго лежала на Ней, какъ на дочери Евы, и потому что Она несомнѣнно предназначена была къ возрожденію. Но это такое преимущество, которое, безъ сомнѣнія, всѣ избранные раздѣляютъ съ Ней въ различной степени ([21]); и слѣд. бл. Августинъ еще не рѣшаетъ вопроса, была ли или не была зачата Дѣва Марія обыкновеннымъ образомъ.

Слѣд. ничто не можетъ поколебать эту аксіому, тысячу разъ повторяемую бл. Августиномъ: «*никто не можетъ возродиться прежде своего рожденія* (Ep. 187);

наго предрасположенія. «Хотя Іеремія и Іоаннъ Креститель были освящены прежде самаго своего рожденія, однакоже не были чужды первороднаго грѣха. Они были еще во чревѣ матернемъ и сынами гнѣва Божія, по природѣ, и сынами милосердія, по благодати. Въ самомъ дѣлѣ, они тогда не обладали еще тою святостію, которая бы разрывала узы этой наслѣдственной виновности, отъ которой они должны были освободиться въ свое время, но они имѣли уже святость, которая указывала въ нихъ пророковъ о Христѣ еще во чревѣ матернемъ.—Erant ergo illi et natura filii irae ab uteris matrum, et gratia filii misericordiae ab matrum uteris; quia nec illa eis adhuc inerat sanctitas, quae vinculum solveret successionis obnoxiae, quod suo tempore solvi oppotebat, et inerat tamen quae praeconém Christi a maternis visceribus designabat (Opus imp. l. IV, c. 134). Не гораздо ли съ большимъ основаніемъ можно утверждать, что и св. Дѣва Марія, предназначенная быть Матерію Господа, была всегда только предметомъ Божественнаго домостроительства и особеннаго благорасположенія Неба? Впрочемъ соразмѣряетъ ли Богъ любовь Свою съ нашими заслугами? Не возлюбилъ ли Онъ Іакова прежде самаго его рожденія? (Рим. 4, 11 — 13). Не возлюбилъ ли Онъ этотъ грѣшный міръ до того, что предалъ за него Сына Своего? (Іоан. 3, 16).

([21]) Contr. de nuptiis et concupiscentia l. 1. n. 22.

тотъ, кто не родился еще, не можетъ возродиться (De pecc. merit. II, 43). *Никто не возрождается въ тѣлѣ I. Христа, если прежде не родится въ тѣлѣ грѣха* (Ibid. 1, n. 57). *Возродиться значитъ выйти изъ тѣла грѣха* (Ibid. n. 58, et passim). И такъ какъ, по ученію бл. Августина, *Пр. Дѣва Марія должна была возродиться*; то остается несомнѣннымъ, что напередъ Она *родилась во грѣхѣ*; потому что чрезъ возрожденіе, а не чрезъ рожденіе получается оправданіе (quoniam renascendo, non nascendo fit justus). (Contr. Jul. op. imp. III, c. 51).

F.

Извѣстно, что Ѳома Аквинатъ, какъ и всѣ великіе схоластики, открыто вооружался противъ ученія о непорочномъ зачатіи (Summ. Theol. quaest. 27, 1 n2etc.).

Чтобы обезсилить это важное свидѣтельство, защитники новаго догмата стараются доказать, что тѣ мѣста въ его твореніяхъ, которыя противорѣчатъ ихъ ученію, подложны, а напротивъ многія другія мѣста, которыя, по ихъ предположенію, благопріятствовали ихъ мнѣнію, подверглись очевидно измѣненію или повреждепію.—Такой способъ доказательства, не будучи основанъ на дѣйствительныхъ данныхъ фактахъ столько же опасенъ, сколько и произволенъ, и ведетъ прямо къ полному искаженію всѣхъ подлинниковъ. Не старался ли Лоной (Launoy), посредствомъ такихъ же нелѣпыхъ доказательствъ, увѣрить всѣхъ, что вся «Summa» Аквинатова есть твореніе апокрифическое и ложно приписывается Ѳомѣ? До сихъ поръ строгая наука и безпристрастная критика еще ни однажды не

допускала такого предположенія. Новая и замѣчательная статья о Ѳомѣ Аквинатѣ въ «Kirchen-Lexicon» не говоритъ ни слова объ этихъ мнимыхъ поддѣлкахъ. Новѣйшіе издатели, напр. Аббатъ Минь, который впрочемъ не скупъ на мнимыя поправки и наивныя замѣчанія, печатаютъ безъ всякихъ примѣчаній мѣста, подвергшіяся осужденію. Къ тому же орденъ Доминиканцевъ составляетъ живое доказательство вѣрности нашихъ изданій. Изъ-за чего онъ съ такимъ упорствомъ сталъ бы опровергать непорочное зачатіе, если не изъ уваженія къ знаменитѣйшему своему члену и не по желанію быть вѣрнымъ его ученію? Это предположеніе не имѣетъ ли очевидности факта историческаго? И не противно ли всякому здравому смыслу предполагать, что Доминиканцы осмѣлились наложить святотатственную свою руку на творенія великаго учителя, чтобы въ немъ найти опору мнѣнію, принятому ими впослѣдствіи? Другой фактъ, немногими замѣченный, также подтверждаетъ наше положеніе. Скоттъ, который первый публично началъ проповѣдывать ученіе о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи, всегда старался, по какой-то странной маніи, противорѣчить Ѳомѣ и свои мнѣнія противопоставлять его мнѣніямъ. Не позволительно ли думать, что и въ этомъ случаѣ желаніе быть во всемъ противникомъ Ѳомы руководило Скоттомъ? А такимъ образомъ ученіе о непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы Маріи будетъ обязано своимъ первымъ гласнымъ появленіемъ желанію опровергнуть того самаго человѣка, изъ котораго теперь хотятъ сдѣлать Иммакулиста!

6.

Кромѣ двухъ мѣстъ св. Писанія, которыми папская булла доказываетъ ученіе о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи и которыя мы разсмотрѣли, часто ссылаются еще въ защиту этого ложнаго мнѣнія на слѣдующія слова Пѣсни Пѣсней: *вся добра еси ближняя моя и порока нѣсть въ тебѣ* (4, 7). Неосновательность приложенія этихъ словъ къ Дѣвѣ Маріи такъ очевидна, что мы не сочли нужнымъ подвергать это особому разсмотрѣнію (22). Извѣстна книга Пѣснь Пѣсней: буквальный смыслъ ея не можетъ привесть къ мысли о Пресв. Дѣвѣ Маріи и Ея зачатіи. Что же касается до значенія таинственнаго, то въ этомъ случаѣ намъ должно руководствоваться преданіемъ, а не предположеніями какого нибудь мечтателя. Въ этомъ отношеніи больше, чѣмъ въ отношеніи къ какому нибудь другому мѣсту Писанія, мы всюду находимъ единодушное и совершенно согласное у всѣхъ мнѣніе,— неблагопріятное иммакулистамъ. Для синагоги, равно какъ и для Церкви, книга Пѣснь Пѣсней говоритъ о Мессіи, излагаетъ сердечное изліяніе чувствъ между избранными Божіими и Самимъ Мессіею, и изображаетъ въ пламенныхъ чертахъ ихъ взаимныя отношенія (23). Приписывать все это одному лицу, одной св. Дѣвѣ Маріи, значитъ уничтожать эту таинственную пѣснь о брачномъ союзѣ между Богомъ и человѣчествомъ. Въ

---

(22) Самъ Пассалья относитъ этотъ текстъ къ классу свидѣтельствъ непрямыхъ, которыя онъ озаглавливаетъ: *Scripturarum ad Virginem accomodatio.*

(23) См. прекрасный комментарій Генгстенберга, Das Hohelied Salomons ausgelegt. Berlin. 1853 J.

древности такъ никто не думалъ. Разсматриваемыя нами слова въ особенности никогда не были къ Ней прилагаемы и не могутъ быть приложены. Св. апостолъ Павелъ опредѣлилъ смыслъ этихъ словъ, отнеся ихъ къ Церкви. І. Христосъ, возлюбившій Свою Церковь, предалъ Себя за нее, *да представитъ ю Себѣ славну Церковь, не имущу скверны или порока или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Еф. V, 27). И св. отцы Церкви до такой степени сообразовались съ этимъ толкованіемъ, что мы вызываемъ нашихъ противниковъ указать хоть одно подлинное мѣсто у св. отцевъ, гдѣ бы эти слова объяснялись иначе.

Въ св. Писаніи нѣтъ мѣста, которое бы оправдывало мечты иммакулистовъ; напротивъ, много такихъ мѣстъ, которыя опровергаютъ ихъ совершенно. Мы приведемъ только два изъ нихъ: *вси бо согрѣшиша*, говоритъ св. Павелъ, *и лишени суть славы Божіей* (Рим. 3, 23). *И тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша* (тамъ же 5, 12). «Это изреченіе, восклицаетъ бл. Августинъ, обнимаетъ собою всѣхъ людей, и древнихъ, и тѣхъ, которые за ними слѣдовали, насъ самихъ и нашихъ потомковъ» (De nat. et grat. n. 48). Эстій прибавляетъ: «такъ какъ отцы не допускаютъ исключеній изъ этого общаго закона, высказаннаго Апостоломъ, а напротивъ въ положительныхъ выраженіяхъ отрицаютъ всякое исключеніе: то мы, для которыхъ нѣтъ ничего дороже, какъ пребывать вѣрными ученію и толкованіямъ святыхъ, не смѣемъ ничего прибавить къ нему,—что̀ бы ни думали о немъ извѣстныя лица, о которыхъ мы судить не можемъ» (Comm. in Ep. ad Rom. V, 12).

Итакъ, очевидно, что Писаніе и Преданіе и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, взаимно помогаютъ другъ другу и согласно отвергаютъ мнимый догматъ, провозглашенный въ Римѣ 8 декабря 1854 года. Напрасно за недостаткомъ положительныхъ основаній, прибѣгаютъ для подтвержденія своего нововведенія къ новомодному богословствованію, къ какому-то, я не знаю, раскрытію, или развитію догмата. Не будемъ входить здѣсь въ излишній разборъ мысли о развитіи, не станемъ обнаруживать противорѣчія, заключающагося въ идеѣ прогресса, прилагаемаго къ слову Божію, къ догмату въ собственномъ смыслѣ слова; достаточно отвѣтить самымъ дѣломъ. Говорятъ, что непорочное зачатіе находится какъ бы въ сѣмени, или прикровенно высказывается (sous forme implicite) въ св. Писаніи и у отцевъ; но тò, чтò высказывается совершенно ясно и безъ всякой прикровенности, рѣшительно противно новому догмату. Таково необходимое заключеніе изъ нашего изслѣдованія. Мы увѣрены, что основательность его останется неоспоримою до тѣхъ поръ, пока наши противники не представятъ самыхъ твердыхъ доводовъ и самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ на то, что наши основанія ложны. Простые возгласы противниковъ могутъ быть приняты только какъ сознаніе собственной слабости и признаніе нашей правоты.

Исходъ нашей борьбы, кажется, не трудно угадать; но какъ горька побѣда эта для сердца римскихъ католиковъ, и сколько возбуждаетъ она печальныхъ размышленій!

Безъ сомнѣнія, появленіе этой новости въ Церкви было подготовлено издавна. Не нужно слишкомъ много соображать, чтобъ убѣдиться въ томъ, что возведеніе въ дог-

матъ мнѣнія о зачатіи безъ первороднаго грѣха есть несчастное, но вмѣстѣ и неизбѣжное слѣдствіе такъ называемаго маріанизма, — заблужденія, которое мало по малу внѣдрялось въ Церковь, почти не встрѣчая возраженій. Еслибы ревнители его не приготовили мало по малу христіанъ къ тому, чтобы почитать Пресв. Дѣву равною І. Христу и усвоять Обоимъ Имъ одинаковое участіе въ дѣлѣ искупленія; то послѣдніе никогда не согласились бы такъ легко и въ такомъ большомъ числѣ на новый догматъ. Вы изумитесь, пересмотрѣвъ всѣ нелѣпыя фразы, къ которымъ маріанисты пріучаютъ слухъ народа. «Они приписываютъ Пресв. Дѣвѣ Маріи безусловную и непосредственную власть надъ природою, говоритъ l'Observateur catholique, они сдѣлали Ее четвертымъ лицемъ Пресв. Троицы, необходимымъ дополненіемъ божественнаго Существа, истиннымъ посредникомъ человѣчества, раздаятелемъ благодати. Преувеличенныя похвалы, Ей воздаваемыя, сдѣлали Ее въ глазахъ ихъ болѣе необходимою для спасенія, чѣмъ жертва І. Христа и таинства, которыхъ мы сподобляемся по Его заслугамъ. Все въ Вѣрѣ выходитъ изъ Нея, живетъ Ею, и возвращается къ Ней». Вы изумляетесь?! — Но все это говорится и печатается.— Хотите ли дѣломъ убѣдиться въ томъ? Прочитайте журналъ, слова котораго мы только что привели (16 Ноября и 1 Декабря 1856 г., и Января 1857 г. и проч.),—прочитайте les Pouvoirs constitutifs de l'Eglise м. Борда де Мулена, гдѣ эта плачевная система, — паденіе христіанства и ниспроверженіе истиннаго Богословія,— прекрасно представлена вмѣстѣ съ самымъ основательнымъ опроверженіемъ ея; загляните въ тѣ книги, которыми распространяются эти нелѣпости и

особенно въ книгу м. Августа Николая: La Vierge Marie или la plan divin (2-е изд. Paris. 1856 an.). Здѣсь вы узнаете, какъ Марія восполняетъ Пресвятую Троицу, вводя новыя отношенія между Лицами Божества (Plan divin. p. 371). Она восполняетъ *Отца*, потому что въ то время, когда Марія споспѣшествовала своимъ смиреніемъ воплощенію Слова, сіе Слово, Сынъ Божій, ради человѣческой природы, воспринятой Имъ отъ Дѣвы, изъ равнаго Своему Отцу сталъ низшимъ Его, Его подчиненнымъ, Его поклонникомъ. Такимъ образомъ—чудное и непостижимое дѣло!—какъ бы въ вознагражденіе за то величіе, которое Отецъ даровалъ Маріи, содѣлавъ Ее участницею въ рожденіи Сына, и Своею, такъ сказать, супругою, Марія доставляетъ Отцу новую славу, даруя Ему власть надъ своимъ Сыномъ, дѣлая своего Сына подчиненнымъ Ему. Этой власти, которую Марія Сама имѣетъ надъ своимъ Сыномъ, Отецъ не имѣлъ прежде Ея, и возъимѣлъ только чрезъ Нее» (Ibid. p. 371). Она восполняетъ *Сына*. Въ самомъ дѣлѣ «прежде вочеловѣченія въ нѣдрѣ Маріи, сей возлюбленный Сынъ Вѣчнаго Отца имѣлъ въ Немъ славу, какъ Сынъ Божій; посредствомъ вочеловѣченія, чрезъ Марію, Онъ сталъ имѣть сію самую славу, какъ сынъ человѣческій; слѣд. получилъ славу вдвойнѣ и, притомъ, какъ сынъ человѣческій, если смѣю такъ выразиться, Онъ получилъ славу способомъ несравненно чудеснѣйшимъ и славнѣйшимъ, нежели какъ Сынъ Божій» (Ibid. p. 374). Марія, наконецъ, восполняетъ *Св. Духа* и пр. (Ibid. p. 375).

Авторъ и съ другихъ точекъ зрѣнія изображаетъ величіе Маріи. Онъ говоритъ намъ:

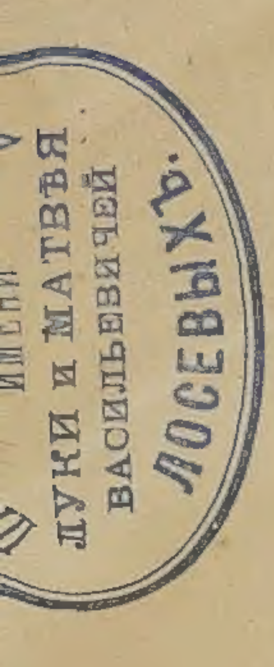
«Юное дитя, воспитываемое попеченіемъ матери

христіанки, научилось отъ ней изображенію на своемъ челѣ священнаго знаменія нашего искупленія. Когда оно заучило — потомъ — призываніе трехъ Божескихъ Лицъ: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа»; то, обращаясь къ своей матери и смотря на нее, говоритъ ей: мама, но здѣсь нѣтъ еще матери! Устами дитяти говорила человѣческая природа. Потому отвѣтъ на эти слова долженъ дать Творецъ природы. Этотъ отвѣтъ есть Марія» (Ibid. p. 377). Потомъ: «какъ ни милосердъ, какъ ни благъ нашъ Божественный Спаситель, все же Онъ мужчина, и этотъ характеръ, самъ по себѣ, не возбуждаетъ въ насъ, съ перваго раза, столько преданности, какъ характеръ женщины. Онъ есть Богъ, Онъ есть Судія, и посему не перестаетъ внушать намъ страха. Итакъ сообразно было съ Его къ намъ снисхожденіемъ и нашею немощію, чтобы Онъ сдѣлалъ посредницею между Собою и нами женщину, въ ея чистѣйшемъ и привлекательнѣйшемъ видѣ, именно Матерь; такъ однакожъ, чтобы жена, которой Онъ ввѣрилъ это служеніе, была и довольно близка къ Его Божеству, дабы преклонять Его на милость къ намъ, и довольно отдалена отъ Него, дабы не унижать Его величія, простирая свою любовь къ намъ до слабости. И — чудный распорядокъ! — эта жена, сдѣлавшись въ одно время Матерью Бога и матерью людей, чрезъ это двоякое материнство божеское и человѣческое, — поставлена между Богомъ и нами, какбы мостъ милосердія» (Ibid. p. 981).

Едва ли есть страница въ этой книгѣ, которая не представляла бы какой нибудь нелѣпости или какого нибудь нечестія въ родѣ указанныхъ! И такія-то

произведенія печатаются въ католическихъ типографіяхъ и переводятся на всѣ языки!!

Что дивнаго послѣ сего, что новый догматъ такъ быстро и скоро распространили! — Съ одной стороны эти неумѣренныя похвалы, съ другой — искусно прикрытая ложь увлекаютъ толпами легковѣрныхъ. Кто въ состояніи разгадать подложность преданій и разоблачить эти благочестивые обманы? — Другихъ же обольщаетъ самая многочисленность обольщенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ предъ такимъ множествомъ народа, предъ этимъ сонмомъ знатныхъ и сильныхъ лицъ, увлеченныхъ новизною, можно поколебаться. Но когда обманъ и новость ясно обнаружены, — колебаніе не позволительно болѣе вѣрующему. — Нѣтъ, это — не истинная церковь, когда она провозглашаетъ новыя откровенія и жаждетъ новизнъ; это — не церковь, когда она вымышляетъ преданія, поддѣлываетъ тексты, искажетъ мысли отцевъ, обманываетъ народъ выдумками и предъ глазами всѣхъ открываетъ во всей наготѣ свое *безмѣрное* невѣжество. Не думайте, впрочемъ, чтобы тѣ, которые хранятъ молчаніе, были согласны на новое ученіе. Есть еще во Израили семь тысячь не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ, то есть предъ ересью деспотическаго главенства, для котораго введеніе въ кругъ Вѣры новаго ученія служитъ только орудіемъ къ возвышенію своей власти. Со всѣхъ концевъ слышатся клики бдительныхъ стражей, — и имъ внимаютъ. Они слышатся въ Италіи, Франціи, Испаніи и Швеціи. Въ Германіи послѣдній защитникъ новаго догмата, аббатъ Женаль (Ginal) говоритъ, что онъ обращался къ образованнымъ католикамъ, — и большая часть ихъ открыто объявила себя противъ этой соб–

лазнительной новости. Сами мы наконецъ въ своемъ кругѣ знаемъ многихъ христіанъ, которые не согласны допустить, чтобы на нихъ возложено было иго чужой вѣры и втайнѣ вздыхаютъ о безразсудныхъ покушеніяхъ нашихъ пастырей. Случись только какое нибудь обстоятельство, которое бы придало храбрости однимъ и обуздало своеволіе другихъ, — и вы съ удивленіемъ увидите, сколько защитниковъ возстанетъ на помощь Вѣрѣ.

По крайней мѣрѣ, такое скорбное и необычайное испытаніе не останется безъ добрыхъ послѣдствій. Оно научитъ насъ глубже вникать въ требованія совѣсти, отъ которой заставляютъ насъ отказаться, чтобы подчинить законамъ, пишемымъ на скрижаляхъ каменныхъ. Оно научитъ насъ обращать взоры ума и сердца болѣе къ Господу Іисусу Христу, Котораго Божескую власть и силу съ давняго времени ослабляютъ у насъ множествомъ грубыхъ нововведеній. Оно намъ покажетъ, что Іисусъ Христосъ есть единственный камень, на которомъ можно безопасно воздвигать зданіе спасенія, и что все споспѣшествуетъ во благое только тѣмъ, которые любятъ Его. Оно сдѣлаетъ, наконецъ, и болѣе сильною и болѣе чистою эту любовь, безъ которой мы—ничто, ту любовь, которой не побѣждаетъ неправда, и которая также твердо прилежитъ Господу Іисусу и Его Церкви во дни бѣдствія, какъ и во дни торжества и счастія.

Цѣна за экземпляръ 35 коп. серебр.

2005366063